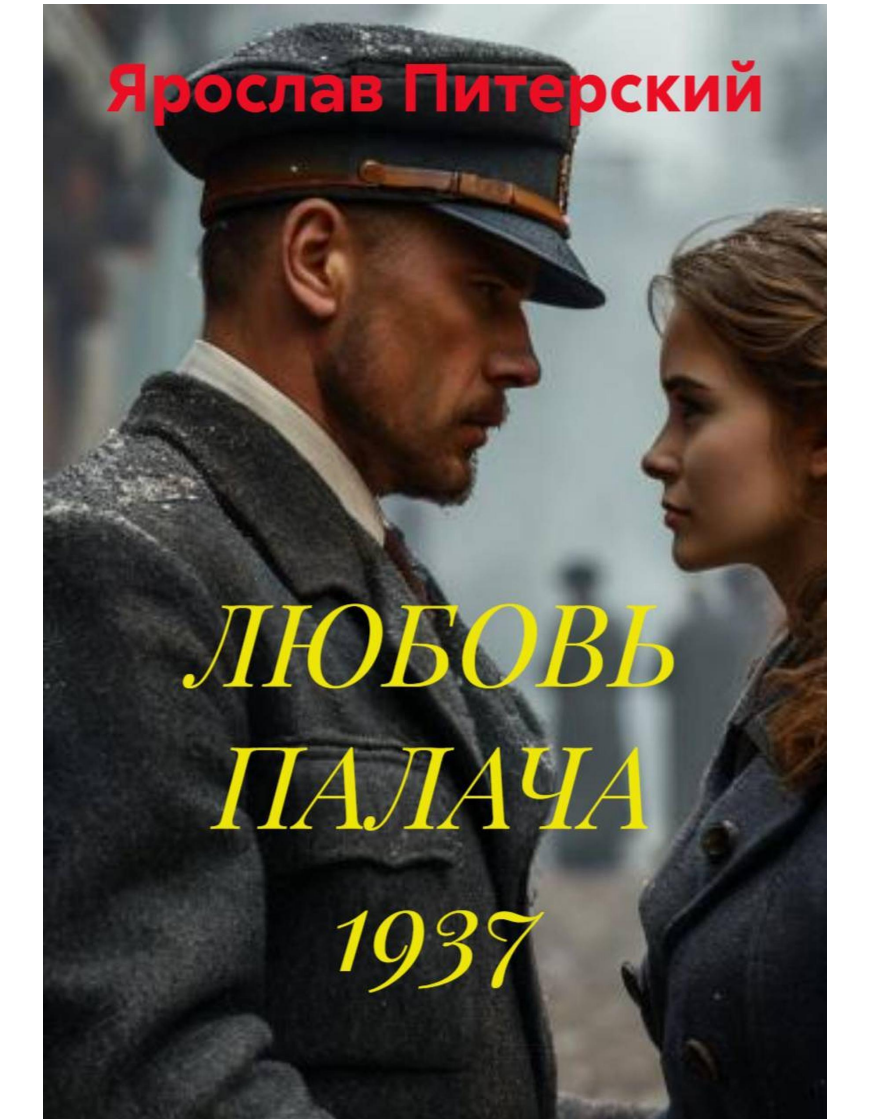

A movie poster featuring a man in a dark naval uniform with a peaked cap and a woman in a dark coat. They are shown in profile, facing each other in a close, intimate pose. The background is a blurred outdoor setting.

Ярослав Питерский

*ЛЮБОВЬ
ПАЛАЧА
1937*

Ярослав Питерский

ЛЮБОВЬ ПАЛАЧА 1937

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73161828

SelfPub; 2026

Аннотация

Суровый 1937 год. Тогда каждый человек может стать "врагом народа". Но любовь никто не отменял. Она всесильна и поражает сердца на смотря на "великий террор". Молодой следователь НКВД влюблен в девушку. Но она любит другого. Классический любовный треугольник. И соперник попадает следователю в лапы в качестве жертвы и подследственного. Может ли он уничтожить соперника? Или ... любовь растопит милосердие в сердце палача? Драма на фоне великого террора. Осевой персонаж Иоль дополняет элемент мистики... Он сон. Он видение. Он судьба...

Содержание

глава Первая	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	43
глава Третья	56
глава Четвертая	78
глава Пятая	110
глава Шестая	137
глава Седьмая	173
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Ярослав Питерский

ЛЮБОВЬ ПАЛАЧА 1937

ЛЮБОВЬ ПАЛАЧА

1937

Роман

Да не поразит тебя гнев Божий наказанием!

Большой выкуп не спасет тебя.

Библия. Иов. 36:18

Хмурые облака боялись ветра. Хмурые облака то и дело крутились в свинцовом, тяжелом и безжизненном небе. Ветер рвал облака на части. Ветер умел это делать. Это была его работа. Работа, для которой он был рожден там, далеко на севере. Там, возле самой макушки земли. Облака старались изворачиваться. Но это им не удавалось. Они превращались в жалкие обрывки – под тугими холодными струями. Облака из последних сил пытались откупаться от могучего потока снежной крупой. Снег – лишний балласт. Они жертвовали им. Они с ужасом понимали, что больше не смогут носить его в себе. Снег не обижался. Он обреченно летел к земле,

превращаясь в пургу. Ветер завывал от удовольствия. Ему было мало. Он не мог остановиться. Сумрак наступающей ночи лишь подзадоривал его.

Но вдруг все закончилось. Ветер стих так же неожиданно, как и налетел. Кто-то неведомый словно выдавил из него жизнь и растворил в черном, холодном воздухе декабрьского вечера.

Человек в брезентовом плаще грязно-зеленого цвета сидел на самом краю высокого холма. Под ним в глубине зимнего вечера светился огнями большой город. Человек сидел прямо на снегу. Он вытянул свои ноги, опершись руками за спиной. Его ладони провалились в белый, пушистый порошок. Но человек холода не чувствовал. Казалось, он вообще ничего не замечал. Он просто сидел и смотрел на огни, там, под ступнями его уставших ног. Человек сидел долго. Он то и дело втягивал ноздрями чистый декабрьский воздух и прислушивался к звукам. Глаза его, то вспыхивали от удовольствия, то безразлично затухали.

Вокруг города в сумраке наступающей ночи виднелись темно-синие горы. Они с замысловатыми горбами казались застывшими гигантскими волнами. Между гор бежала река. Человек прищурил глаза и попытался рассмотреть ее. Он инстинктивно понял: эта могучая и необузданная сила способна смести и город, и все, что попадется на ее пути. Река вырывалась из объятия гор и, разделяясь, делилась на несколько русел. Большие и маленькие острова слегка успокаивали

ее течение. Но эта была лишь обман. Река сил не теряла. Она, словно играя, убегала дальше туда, на север. Она знала, что там станет еще более могучей, что даже Ледовитый океан будет уважительно принимать ее воды.

Человек тяжело вздохнул. Он последний раз втянул ноздрями воздух и встал в полный рост. Снежинки на его ладонях не таяли. Человек их просто встряхнул и поправил разметанные ветром волосы. Шапки на его голове не было. И это было довольно странно при двадцатиградусном морозе.

Неожиданно из-за туч выглянула луна. Она висела на небе, словно покореженный желтый тазик. Ее тусклый свет озарил лицо человека, смотревшего на город.

Гладкая кожа. Глубоко посаженные серые глаза. Слегка горбатый нос. Безупречно выбритый подбородок и щеки. Обычная внешность сорокалетнего мужчины. Человек растегнул свой длинный брезентовый плащ и медленно побрел с холма в сторону города. За спиной залаяли собаки. Их брех перешел в вой. Псы смотрели на странного путника злыми и рыжими глазами, но побежать вслед за ним не решились. Вскоре высокая фигура растворилась во мраке зимнего вечера.

глава Первая

В небольшом кабинете было сильно накурено. Тусклый свет настольной лампы тонул в табачном дыме. В полумраке комнаты сидел человек. Он словно пружина склонился над столом. Его мускулистая спина напряжена. Монотонные звуки металлического боя напоминали какую-то зловещую какофонию в тишине зимнего вечера. В помещении было холодно. Но человек этого не замечал.

Сотрудник газеты с пафосным для того времени названием «Красноярский рабочий» Павел Сергеевич Клюфт был сильно увлечен своей работой. Он барабанил озябшими пальцами по клавиатуре печатной машинки. Но то, что он бил по клавишам с рвением кузнеца, никакого эффекта не давало. Скорость печатания текста была черепашьяй. На бумаге медленно появлялись строки текста:

«Минусинск, 12 ноября. Три дня выездная спецколлегия крайсуда в составе председателя тов. Жильцова, членов коллегии тт. Журавлева и Тимермана рассматривала дело контрреволюционной правотроцкистской банды, орудовавшей в Ермаковском молочно-мясном совхозе».

Клюфт прервался. Отклонившись назад на стуле и потянувшись, посмотрел на листок бумаги, торчавший в машинке. Он с горечью понял, что такими темпами ему придется

ся печатать часов до двух ночи. Пальцы с трудом находили нужные клавиши с буквами. Да и иначе быть не могло. Печатную немецкую технику Павел Сергеевич начал осваивать буквально пару месяцев назад.

— Черт, ну почему у моего папы не было печатной машинки? Сейчас бы не долбил, как курица, одним пальцем! — спросил вслух сам у себя Павел...

Клюфт влился в коллектив газеты ровно пять недель назад. До этого никакого отношения к журналистике Павел Афанасьевич не имел. Он работал писарем в красноярском городском комитете ВКП (б). Писал от руки под диктовку партийных руководителей различные распоряжения и передавал их в машбюро. Но в один из октябрьских дней 1937 года его командировали в главную краевую газету. Редактор попросил помощи у горкомовских начальников, мол, не хватает кадров. А Клюфт как никто другой и подходил. Он был грамотным, исполнительным, а главное расторопным и инициативным.

Павлу Сергеевичу Клюфту было всего-то двадцать лет от роду. Сын городского аптекаря, он получил неплохое образование. Его отец, Сергей Августович, лично преподавал наследнику почти полный курс гимназической программы старорежимной России. По национальности Клюфты были немцами. Но Павел всегда пытался скрыть эту деталь биографии. Времена на дворе были сложные, и лишнее упоминание об отношении к буржуазным державам ничего хорошего не су-

лило. Да и о своих родителях Павел Сергеевич тоже не вспоминал, ведь при нынешней власти папа считался буржуем и кровопийцей. Хотя сам Павел Сергеевич всегда в этом сомневался. Что такого, если его родственник при старом режиме имел аптеку и помогал людям, делая лекарства?!

Отец Клюфта пропал бесследно пять лет назад. Ушел из дома и просто не вернулся. Милиция какое-то время искала, но потом все забросила. Мать с горя захворала и вскоре умерла. Так Клюфт остался сиротой. И это в какой-то мере его спасло. Если, конечно, смерть родителей можно назвать спасением! Жестоким и бескомпромиссным! Но эта беда не сломила юношу.

Когда ему исполнилось шестнадцать, он поступил в пищевой техникум. В анкете о своем происхождении написал: «из семьи служащих». Проверять данные, как ни странно, никто не стал и его зачислили. Учась в техникуме, вступил в комсомол, был старостой группы. В общем, как говорится, сам «ковал» свою биографию. Через три года с отличием его закончил. Сказались и данные отцом знания. Получил неплохие характеристики. Но работать Павел по специальности не пошел. Его неожиданно распределили в городской комитет ВКП (б), там не хватало молодых и инициативных ребят. Но и в горкоме проработал недолго, судьба распорядилась сделать его журналистом...

...Клюфт закурил папиросу и вновь склонился над машинкой. Пальцы затыкали по клавишам, выбивая металли-

ческую музыку:

«На скамье подсудимых бывшие руководители совхоза: бывший директор, исключенный из партии троцкист Гиришберг, бывший управляющий первой фермой Оносов, тоже исключенный из партии за бюрократическое отношение к рабочим и зажим критики, и озлобленный на партию и советскую власть прораб Леников».

Клюфт прервался и, затянувшись табаком, задумался. Выпустив дым, вновь спросил сам у себя:

– А не слабенько ли я его? Формулировочка вот какая-то странная: «озлобленный на советскую власть»? Хм, может добавить: «приспешник троцкистской банды»?!

Павел встал со стула и, чтобы размяться, сделал несколько рывков руками от груди. Это выглядело довольно смешно. Папиросы изо рта он так и не выпустил. Она нелепо торчала в уголке губ.

Клюфту хоть и было двадцать, но выглядел он старше своих лет. Высокий, стройный, с темными волнистыми волосами, зачесанными назад. Голубые глаза и немного выдвинутые скулы придавали его образу некую мужественную романтичность. А быстро отрастающая щетина добавляла его лицу мужской шарм и делала его старше лет на пять.

Павел нравился женщинам. Многие сотрудницы редакции бросали на него томные взгляды. Но Клюфт дал себе зарок – никаких любовных романов на работе. Да и была в его жизни женщина, которая все потуги местных красоток сво-

дила «на нет».

Клюфт присел пару раз и, откусив от намокшей папиросы кусочек гильзы, сплюнул его на пол. Павел собирался вернуться и продолжить печатать, но неожиданно открылась дверь, и в проеме показался силуэт грузной и высокой женщины, одетой в фуфайку. Это была корректор газеты Вера Сергеевна Пончикова. Она с презрением и каким-то злорадным любопытством смотрела на Клюфта.

Тот замер и почувствовал внутренний дискомфорт, словно его застали за чем-то постыдным и преступным.

Вера пялилась маленькими глазками молча, оценивая обстановку. Хмыкнула и басовито молвила:

– Ну что, спортсмен-ударник, иди к главному! Вызывает! Сейчас взбучку получишь!

Клюфт виновато улыбнулся. Он знал: Пончикова готова его выжить из коллектива газеты. Она не любила Павла. За что, он так и не понял. Но он знал: эту толстую тетку нужно опасаться. Тем более что она – комсорг газеты.

Пончикова покосилась на стол, на котором стояла машинка. Скривив мерзкую улыбку, больше похожую на оскал, язвительно добавила:

– А вот курить так тоже нельзя! Окурки-то, небось, в щели пихаешь? А?

Клюфт пожал плечами и виновато ответил:

– Вера Сергеевна! Что вы? Я всегда за собой убираю. Всегда!

— А статью-то, небось, так еще и не написал! А ведь завтра ее в номер сдавать! — словно не слыша ответа Павла, радостно пробубнила Пончикова.

— Да нет! Уже почти готова! — соврал Павел.

— Ну-ну... Завтра посмотрим! И почему такому вот неопытному такие важные для нынешнего момента страны темы дают?! Нет! Надо этот вопрос на очередном заседании нашей комсомольской ячейки поставить! — рывкнула Пончикова и, развернувшись, растворилась в полумраке коридора.

Клюфт тяжело вздохнул. Печально посмотрел на одинокий листочек бумаги, торчавший в печатной машинке. Затупил окурок папиросы о каблук и, засунув «бычок» в одну из щелей дверного косяка, направился в кабинет к «главному».

Идя по коридору, он предчувствовал: разговор будет тяжелый. В такой поздний час в редакции уже никого не было. Свет в коридоре горел лишь рядом с приемной редактора. Маленькая тусклая лампочка под потолком с трудом боролась с мраком. Павел открыл тяжелую резную дверь приемной и остановился. Темнота в помещении немного напугала. Стол секретарши, заваленный бумагами и газетами, казался зловещим сказочным существом. То ли драконом, то ли крокодилом-мутантом. Клюфт сжал кулаки и шагнул в темноту. На ощупь нашел ручку двери кабинета редактора. Прежде чем постучать, Павел погладил ладонью по оббитой дерматином поверхности. Она была совсем холодной. Клюфт тяжело вздохнул и дернул ручку на себя, в последний

момент, вспомнив, что нужно было все-таки постучать. Но было поздно. Петли предательски скрипнули.

Кабинет показался огромным залом царского дворца. Красная ковровая дорожка. Тяжелые толстые шторы на окнах и огромный дубовый стол в углу. За ним сидел главный редактор. Его лицо освещалось зеленым светом, от абажура настольной лампы, обрамленной бронзовым кольцом. В углу тикали огромные напольные часы. Бронзовый маятник поблескивал за резным стеклом. Черный резной шкаф из бука, наверняка сделанный еще при старом режиме, возвышался, словно сказочный великан.

Главного редактора звали Петр Ильич Смирнов. Это был толстенький человек очень низкого роста. На его лысой голове поблескивали капельки пота. В кабинете было жарко. Лицо у редактора выглядело немного противным. Толстые губы. Нос картошкой. Маленькие глазки и круглые очки, скрывавшие истинный взгляд. Петр Ильич был одет в темно-зеленый полувоенный френч с карманами и клапанами на груди. Он больше напоминал отставного полковника, нежели журналиста. В коллективе поговаривали, что Смирнова прислали в газету из «органов». Но это были лишь разговоры. Откуда взялся этот маленький и противный на вид человек, никто, толком так и не знал.

Клюфт тихо вошел и встал посередине кабинета. Смирнов, склонившись, что-то читал. На его столе была навалена куча бумаг. Павел, затаив дыхание, боялся прервать эту,

немного таинственную процедуру просмотра корреспонденции. Неожиданно Смирнов поднял голову и посмотрел на Ключфта, зловеще блеснув очками. Редактор, встал из-за стола и медленно направился к Павлу. У того забилося сердце от страха. Но Смирнов ласково сказал:

– Ну что, Паша, что стоишь и молчишь? Боишься, что ли? И не дождавшись ответа, добавил:

– Не надо меня бояться. Я не кусаюсь. Или все-таки тебе есть из-за чего бояться? А? – Смирнов противно заглянул снизу вверх в глаза Павла.

Тот, испуганно улыбнулся и пожал плечами:

– Да нет, просто мне вот Пончикова сказала, что вы собираетесь разнос устроить.

Смирнов тоже улыбнулся в ответ. Похлопал Ключфта по плечу и легонько подтолкнул:

– Ты иди вон на стул сядь. Чаю хочешь? Небось, голодный?

Ключфт послушно сел на один из стульев, стоящих вдоль стены. Смирнов подошел к маленькому столику возле окна. На нем стоял фарфоровый чайник и вазочка с печеньем. Петр Ильич налил в стакан чая, и взяв вазочку, направился к Ключфту. Сев рядом, он протянул Павлу чашку:

– Пей!

Павел послушно отглотнул почти холодный чай.

– На вот, печенье бери.

Клюфт взял печенюшку и принялся жевать.

Смирнов поставил вазочку на ковровую дорожку. Отклонившись на стуле, редактор вытянул ноги, одетые в яловые сапоги. Теперь он вообще стал напоминать уставшего офицера. Так они сидели, молча несколько минут. Смирнов, закрыв глаза, гладил лоб. Павел мелкими глотками допил холодный чай, не решаясь нарушить тишину. Наконец Петр Ильич спросил:

– Ну, как съездил в Минусинск?

– Хм, вроде нормально.

– Это не ответ, – слегка грубовато ответил Смирнов.

Павел не знал, куда деть пустую чашку. Он так и держал ее в руке, крепко сжимая пальцами.

– Когда будет статья? Завтра? – Петр Ильич спрашивал, не открывая глаз.

– Да, Петр Ильич, завтра готова будет. Стараюсь.

– Много написал?

– Почти половину, – Клюфт немного расслабился и ответил спокойно.

– Хм, а в чем заминка?

– Понимаете, мне там немного непонятно кое-что.

Смирнов вздрогнул. Он открыл глаза и внимательно посмотрел на Павла:

– А что там может быть непонятного? Там все яснее пареной репы! Я же тебе и так все разжевал, отправляя в Минусинск!

Клюфт осмелел. Он поставил чашку на стул рядом с собой и вызывающе посмотрел в глаза главного редактора:

– Понимаете, есть там одно «но»!

– Одно «но»? Какое еще «но»? Банда право-троцкистов совершала вредительства! Ее настигла кара нашего советского правосудия! Что тут непонятного?!

Павел кивнул головой. Улыбнувшись, посмотрел на часы в углу кабинета. Они показывали без пяти час ночи.

– Понимаете, Петр Ильич, все это выглядело очень уж как-то постановочно. Ну вот, например, как там его называли: озлобленный на партию и советскую власть некий прораб Лепиков. За что ему было озлобляться?! Ведь он сам из крестьянской бедной семьи! Да и что он говорил?! Он сам себя оговаривал! Понимаете! Я это чувствовал! Он говорил, мол, чтобы нанести хозяйству большой ущерб, мол, давал распоряжения так строить коровники, чтобы якобы обваливались потолки и возникали пожары! Но как это возможно?! Крыша если бы рухнула, так рухнула бы сразу! А пожар сам возникнуть не может! Надо поджечь! Ерунда полная! Мне вообще показалось, что он оговаривает себя и говорит то, чему его научили!

Смирнов подпрыгнул как леопард. Он вскочил и, склонившись над Павлом, схватил его за грудки. Главный редактор зашипел, словно компрессор. Слова вырывались под таким давлением, что у Клюфта зашевелились волосы:

– Ты что тут такое несешь?! Ты что вообще несешь?! Ты

понимаешь, что ты сейчас говоришь?! В стране идет война с вредителями! Их тысячи! Десятки тысяч! Они окопались среди нас! А ты? Какое вообще ты имеешь право рассуждать?! Ты кто такой?! Тебя, зачем сюда в газету направили?! Направили работать! Освещать эту борьбу! Страна в опасности! Нарком НКВД товарищ Ежов повел непримиримую войну с этой сволочью! Он сдал их в своих ежовых рукавицах! И вскоре многие гидры этой контры подохнут как собаки! А ты занимаешься какой-то болтовней! Демагогией! Да ты знаешь, что тебе может быть за твои слова?! А может, тебе жалко этих выроdkов?! Этих собак троцкистских?! А может, ты вообще с ними заодно?! – маленькие глазки Смирнова стали дикими.

Клюфт испугался не на шутку. Он прижался к стулу и зажмурил глаза. Главный редактор замолчал, тяжело дыша. Павел чувствовал на себе его пронзающий взгляд. Пауза зависла почти на минуту. Неожиданно спокойно Смирнов спросил:

– Ты еще с кем-нибудь делился своими догадками? Мысли свои кому-нибудь говорил?!

Клюфт открыл глаза. Смирнов отпустил его, стоял, упершись руками в бока.

– Нет, – выдавил из себя Павел.

– Хм, хоть тут дров не успел наломать, – главный редактор смахнул капельки пота со своей лысины и, тяжело вздохнув, сел рядом с Павлом.

Сняв очки, достал платок из кармана френча. Протирая линзы, тихо и почти ласково сказал:

– Понимаешь, Паша, такое вообще говорить нельзя! Никому! Никому! Понимаешь?! Сейчас такие времена начинаются, что можно запросто оказаться в стане врагов! Послушай меня, мой мальчик. Поверь. Поверь. Я чувствую, война будет жестокая и выживет в ней сильнейший. А болтуны и правдолюбы попадутся в лапы этих самых троцкистов-перевертышей!

Павел почувствовал: Смирнов говорит одно, а подразумевает совсем другое. словно его слова предназначались кому-то третьему, невидимому, но присутствующему в этом кабинете. Клюфт с удивлением посмотрел на шефа и ничего не ответил.

Тот, закончив протирать очки, водрузил их на свой нос-картошку. Улыбнулся и, похлопав по плечу Павла, тихо сказал:

– Ладно, чтобы завтра статья была! И такая, какая нужна! И побольше всяких там эпитетов этим гадам троцкистским дай! Не жалея красноречия! Утром чтобы была!

– Да, но у меня нет дома машинки! Не положено ведь дома иметь! Запрет! Закон! – попытался оправдаться Павел.

Смирнов покачал головой в знак согласия и ответил:

– Возьмешь на ночь свою рабочую! Утром принесешь. И аккуратней! Неси в чемодане. Чтоб никто не заметил. Но чтоб утром статья была. Да, еще. Завтра напишешь еще одну

заметку.

Смирнов встал со стула и подойдя к столу пошарился в бумагах. Отыскав какой-то листок, протянул его Павлу. Ключфт пробежал глазами по тексту.

«Долгое время в Таштыпском районе в должности прокурора подвизался враг народа буржуазный националист Угдажеков. На глазах у этого мерзавца открыто вели контрреволюционную работу буржуазные националисты, троцкистско-бухаринские бандиты, жулики, воры и проходимцы. Райпрокурор бай Угдажеков ежедневно получал десятки писем и жалоб от трудящихся о действиях врагов. По вполне понятным причинам он был глух и нем к этим сигналам».

Павел оторвался от писанины и вопросительно посмотрел на Смирнова. Тот грустно улыбнулся и кивнул головой:

– Да, Паша, да. Еще один вражина затесался. Это заметка из местной газеты «Таштыпский колхозник». Нужно будет ее перелопатить, а то местные журналисты конечно не фонтан, и тоже пустить в номер.

Ключфт сложил листок и вызывающе посмотрел в глаза редактора:

– А вам не кажется, Петр Ильич, слишком много что-то врагов? Как-то все это странно?

Смирнов покраснел, словно раскаленная сковородка. Глаза его налились кровью:

– Опять?! – взвизгнул он. – Опять?! Кто просит тебя оценки давать?! Кто ты такой?! Тебя сюда, зачем прислали?! По-

могать разоблачать этих врагов! Помогать разоблачать! Понял?! – редактор вскочил со стула и забегал по ковровой дорожке кабинета.

Он мерил мелкими шагами помещение. Клюфт сидел угрюмый, опустив голову. Главный редактор бросал на него гневные взгляды:

– Я вижу, товарищ Клюфт, вы слишком либерально, так сказать, настроены! Не за тем вас сюда партия и комсомол направили! Будьте добры, выполняйте свою работу! Вы боец! Идет война! А на войне, как говорится, действуют законы военного времени!

Клюфт твердо и громко ответил:

– А если эти люди невиновны? Что тогда? Кто за это ответит?

Смирнов рухнул на стул. Он, тяжело дыша, схватился рукой за сердце. Павел испугался, что редактору стало плохо:

– Что с вами?! Что с вами, Петр Ильич?!

Но тот отмахнулся от Клюфта, и устало ответил:

– Паша, Богом тебя прошу, молчи! Не говори больше такое! Прощу тебя! У меня ведь семья, дети! И ты такой молодой! Молчи и делай! Просто делай! И ничего не спрашивай! Ничего! Поклянись, что не будешь больше такое говорить?

Клюфт не понял, какое отношение к их разговору имеет семья редактора, но, почувствовав себя виноватым, буркнул:

– Клянусь...

– Вот и хорошо! А теперь иди. Иди, мальчик. Работай.

Уже второй час. К утру надо статью написать. Постарайся. Сдашь завтра утром, я тебя после обеда отпущу отоспаться. – Смирнов устало махнул рукой.

Разговор окончен. Павел направился к двери. На ходу он услышал, как Смирнов тихо бросил ему вдогонку:

– Еще будет очень много мерзкого, Паша, в твоей жизни. Готовься.

Клюфт вернулся к себе в кабинет, быстро сложил печатную машинку в большой чемодан и, выключив свет, вышел. Закрыв дверь на ключ, он уверенной походкой прошел по коридору. В темноте длинного помещения он не заметил, что за ним внимательно наблюдали. Грузная фигура Пончиковой притаилась в дальнем углу. Женщина проводила Павла подозрительным взглядом.

Павел любил ходить по ночному Красноярску. Пустые улицы. Свежий морозный воздух. И скрип снега под ботинками. Ночь словно затаилась. Ветра не было. Луна забавно разбрасывала свой унылый свет на сугробы. Почти желтые снежинки блестели в полумраке. Где-то вдалеке лаяли собаки. В воздухе стоял запах угольного дыма.

Павел любил этот запах. Он казался ему каким-то родным и уютным. Сразу вспоминалось детство и его родители. Зимние долгие вечера, когда вся семья проводила время вместе в большой гостиной. Мама играла на рояле. Отец читал стихи. А Павла заставляли петь песни, в основном посвященные

рождеству. В печке горел уголь, он и попахивал как-то тепло и мило. Но это было так давно. Так давно, что Павел даже боялся вспоминать.

Клюфт шел быстрой походкой по проспекту Сталина, где находилась редакция газеты, к улице Обороны. До дома идти минут десять. Купеческий Красноярск построен так, что можно очень быстро из центра с многоэтажными большими, красивыми домами попасть в настоящую деревенскую заимку на окраине, где стоят обычные бревенчатые хаты с печными трубами и огромными воротами у ограды.

Павел несколько раз оборачивался и ставил чемодан с машинкой на снег. Закурив папиросу, он глубоко затянулся. Дым обжег легкие. Клюфт закашлялся. Сплюнув, поднял чемодан и двинул вниз к реке Кача. Улица Обороны была не очень длинной. Она упиралась в высокий холм, который называли «Караульной горой». Давным-давно, еще в семнадцатом веке, казаки, осваивавшие Сибирь, на этом холме построили маленькую часовню. С нее они наблюдали за южными окраинами. Оттуда на Красноярск делали набеги киргизы и хакасы, жившие тут еще до прихода русских. Часовня на караульной горе так и возвышалась над городом, напоминая о тех далеких временах.

Родовой дом семьи Клюфтов построили еще в девятнадцатом веке. Крепкий бревенчатый особняк с кирпичным полуподвалом был сооружен основательно, с запасом на временную прочность. Резные наличники на окнах и крытая же-

лезом крыша.

После революции дом у отца отобрали. Но жилищный комитет большевиков аптекаря Сергея Августовича Клюфта с семьей и маленьким Пашей почему-то не выселил, оставив довольно большую комнату в полуподвальном помещении. Окна этой обители находились на уровне тротуара. Когда маленький Паша смотрел из них на улицу, то видел лишь ноги проходящих людей. Но ему почему-то это нравилось. Маленькому Клюфту казалось, что ноги у человека – самая красивая, а главное безобидная для всех окружающих часть. Ноги никогда не дадут подзатыльника или пощечины. Ноги могут отнести тебя, куда ты хочешь.

Павлу оставалось пройти какую-то сотню метров, как он увидел одиноко стоящего человека. Высокий мужчина, одетый в грязно-зеленый длинный брезентовый плащ. На голове у незнакомца не было шапки. Это довольно странно. В такую морозную погоду ходить без головного убора опасно для здоровья. Мужчина стоял и смотрел на небо, задрав вверх голову. Павел остановился и поставил чемодан на снег. Клюфту стало немного не по себе. Обойти этого человека он просто не мог, тот стоял прямо у его дома. Закричать и позвать милицию – нелепо, да и как-то трусливо. Вдруг человек приехал издалека и просто ищет нужный ему адрес?!

Павел стоял в нерешительности, переминаясь с ноги на ногу. Снег скрипел под его ботинками. Незнакомец отвлекся от рассматривания звездного неба и взглянул в сторону

Клюфта. Павел сделал вид, будто не замечает этого человека. Журналист достал папиросу и закурил. Горящая спичка слегка согрела озябшие пальцы. Клюфт украдкой вновь посмотрел в сторону человека в плаще. Тот стоял, не двигаясь, и как будто ждал. Ждал его. Именно его. Павел испугался. Внутреннее чутье ему подсказало: общения с этим странным полуночником ему не избежать. А это ничего хорошего не сулит!

– Да что я, совсем трус?! Блин? А если это милиционер?! Чемодан, машинка!!! Черт! – прошептал сам себе Павел.

Клюфт выбросил окурок в сугроб и, подняв чемодан, медленно двинулся навстречу незнакомцу. Тот стоял и смотрел на него, засунув руки в карманы широкого и длинного плаща. Когда они поравнялись, и Клюфту показалось, что он пройдет мимо, мужчина дотронулся до него рукой:

– Извините, вы не знаете, в этом доме комнату в съем не сдают?

Павел вздрогнул. Нервы на пределе. Клюфт остановился как вкопанный.

– Нет, – выдавил Павел из себя.

– А вы что, тоже приезжий? – подозрительно спросил человек в плаще.

– С чего это вы взяли? – Клюфт пытался скрыть возбуждение, но ему это плохо удавалось.

Голос дрожал. Павел боялся даже посмотреть этому подозрительному человеку в глаза.

– Вон у вас какой чемодан большой и, судя по всему, тяжелый. Наверное, издалека, приехали.

– Нет, я тут живу, просто вот вещи переносу, – Павел волновался все больше и больше.

«Наверняка милиционер. Наверняка! Сейчас последует приказ: пожалуйста со мной в участок!» – мелькнула мысль в голове Клюфта. «Напечатал статью, будь она не ладна! Объясняй им потом, что взял работу на дом!»

– Вы тут живете? Вот радость-то! – неожиданно воскликнул незнакомец.

Клюфт не знал, что делать. Схватить чемодан и бежать или продолжать оправдываться, заверяя незнакомца, что он просто задержался на работе?!

– Слушайте, а вы меня переночевать не пустите? На ночь. Мне много места не надо. Еды тоже. Я вот в вашем городе первый раз. Сунулся в гостиницу, а там и мест-то нет. Вот решил комнату себе найти. Да уж поздно. Пошел наугад. Ищу хоть прохожего человека. Но, как назло, ни души. А стучать в два, вернее, в три ночи, неудобно людей будить. А тут вот вы на счастье! Помогите! Не оставьте на улице путника! – мужчина схватил Клюфта за локоть.

Павел даже сквозь одежду почувствовал, что руки у него ледяные.

«Замерз, бедняга! Да и без шапки», – подумал журналист.

– Ну, я и не знаю. Вернее, как-то вот вас не знаю. Пускать первого встречного домой...

– Клюфт говорил это почти обреченным на согласие тоном.

– Да вы не смотрите на мою внешность! Я не бандит! Не похож же я на бандита?! Ну, посмотрите на мое лицо! Посмотрите! – уговаривал незнакомец.

Глубоко посаженные серые глаза излучали доброту. Слегка горбатый нос. Безупречно выбритый подбородок и щеки. «На злодея, вроде, непохож. Но ведь злодеи и шпионы не обязательно должны выглядеть как страшные угрюмые люди. Напротив, они обычно маскируются. Придают своему образу добродушие. Нет! Пускать первого встречного домой! Опасно!» – мысли роились в голове у Клюфта.

Но другой, внутренний голос ему говорил: «Каждый может оказаться в такой ситуации! И подозревать всех людей в том, что они негодяи и преступники нельзя! Люди в большинстве своем напротив, все-таки хорошие. А этот? Ну что он сделал плохого? Стоит в два тридцать ночи посреди улицы без шапки, без малейшей надежды найти ночлег! Да и цвет лица какой-то нездорово-бледный. Нет, точно замерз. Умрет еще от воспаления легких! И эта смерть будет на моей совести!» – подумал Клюфт.

– Так вы пустите меня? – радостно воскликнул мужчина.

– Ладно, пошли! Вон моя дверь! – обреченно махнул рукой Павел и поднял чемодан.

В комнате у Клюфта было тепло. Уютная обстановка. Большой дубовый стол посередине. В углу комод. Шкаф с

книгами. Две железные кровати с коваными спинками. Одна из них двуспальная. Два больших кожаных кресла и письменный стол со стулом из бука в левом углу, возле маленького окошка. Вся эта мебель Павлу досталась от отца. Вернее, это все, что осталось от их мебели. Остальное в двадцать четвертом экспроприировали.

На стенах висели фотографии родственников. А над большой кроватью – портрет вождя. Сталин на этом фото смотрел, куда-то вдаль, словно размышляя о будущем. Возле печки тикали ходики. Их маятник монотонно качался. Гирьки в виде кедровых шишек болтались, как настоящие плоды тайги. Темно-синие обои успокаивали.

Гость снял сапоги, плащ и встал в нерешительности. Павел поставил чемодан с машинкой у вешалки и тоже разделся.

– Да вы проходите. Проходите. Вон кресла. Садитесь. Я сейчас чай согрею, правда, у меня кроме хлеба ничего и поесть-то нет. Но ничего. Печку затоплю. Хотя ее, как видите, топить-то и не надо. Соседи топят. А у нас стена общая их печки. Вот у меня автоматически и нагревается. Хорошо. Правда, они на меня ругаются. Говорят, чтобы я платил за половину их угля. Но я говорю: не хотите, не топите. Они и замолкают, – Клюфт суетился как радушный хозяин.

Он подошел к печке, где весел умывальник и сполоснул руки. Вытер полотенцем. Повернувшись, неожиданно увидел, что гость сидит в одном из кресел и внимательно смотрит.

рит на него.

– Что-то не так?! – Павел смутился.

– Нет-нет! Вы не суетитесь! Не надо! Чай, если хотите, пейте сами. Я не голоден. Мне есть не надо, как я вам и говорил. Я просто вот посижу тут. В тепле. На вашем удобном кресле.

Павел пожал плечами. Он увидел: у гостя нет чемодана. Он называет себя приезжим, а вещей нет. Даже шапки.

– А вещи-то ваши где?

– На вокзале. В камере хранения. Не буду же их с собой таскать, – ответил незнакомец.

Павел поймал себя на тревожной мысли. Этот человек не представился. Как его зовут, Павел не спросил. Пустил в дом, а про фамилию не спросил.

– Простите, мы не познакомились. Меня зовут Павел. Павел Клюфт. Я журналист местной газеты "Красноярский рабочий". А вас как звать?

Мужчина улыбнулся. Его глаза стали печальными. Он постучал кончиками пальцев по подлокотнику кресла и, сделав паузу, ответил:

– Зовите меня просто Иоиль.

– Как?!! – недоуменно переспросил Клюфт.

– Иоиль. Меня зовите Иоиль. А фамилии моей вам знать не надо...

Ответ гостя обескуражил Клюфта. Он вновь насторожился. Человек со странным именем и без фамилии. «Шапки

на голове нет. Смешной плащ и никакого чемодана. Может, спросить у него документы? А что?» – подумал Клюфт.

Но гость, словно прочитав его мысли, сказал:

– Документы у меня тоже остались в чемодане в камере хранения. Если надо, я вам потом покажу.

Клюфт пожал плечами:

– А вы зачем в наш город-то приехали? В командировку? Или в гости к кому?

Иоиль усмехнулся. Он тяжело вздохнул и как-то странно положил себе правую ладонь на грудь. Это жест выглядел нелепо. Словно человек пытается в чем-то поклясться.

– Я богослов.

– Что? – оторопел Клюфт. – Кто, простите? Я не расслышал?

– Я богослов. Несу слово Божье. Вернее, не несу, а разъясняю его людям. Вот моя командировка. Я путешествую по всей стране. По всем городам.

Клюфт от удивления сел на стул. Павел не знал, как себя повести в этой ситуации.

– Странная какая-то у вас профессия – богослов! Разве есть сейчас такая? Разве она разрешена властью? Богослов! Странно!

– Что ж тут странного? Говорить о Боге – ничего странного! Мне кажется, все обычно. Я же не делаю ничего противозаконного. Просто хожу и говорю о Боге, – Иоиль вел себя довольно уверенно.

Его речь была убедительной. Хотя Павел удивился, что этот человек совсем не боится говорить о том, чем занимается. «Да и вообще – нормален ли он? Может, Клюфт пустил к себе в дом сумасшедшего? Нет, надо поговорить. Сейчас все выяснится!» – подумал журналист.

– Вы считаете меня сумасшедшим? Или подозреваете, что я такой, не так ли?

Клюфт вздрогнул. Иоиль будто читал его мысли. Нет. Определенно зря он пустил этого полуночника к себе в комнату.

– А вы, Павел, журналист, как сказали?

– Да.

– Хм, значит, вы тоже мастер слова. Это страшная профессия, не так ли?

– Это почему еще? – Клюфт решил чем-то заняться.

Встав со стула, он стал разжигать примус.

«Лучше говорить с этим странным типом не глядя на него!» – решил Павел.

– Но ведь вы тоже несете слово!

– Ну, в общем, да, – ответит Клюфт, ставя на примус чайник.

– Значит, вы тоже можете и убить, и исцелить человека.

– Подождите, а я-то как могу это сделать? – Павел налил себе кипятка в кружку. Посмотрев на Иоиля, кивнул ему и предложил:

– Может, все-таки выпьете чая?

– Нет, я же сказал. Мне пища не нужна. Так вы, Павел, мне не ответили, можете ведь вы убить и исцелить?

– Нет, конечно. Я могу написать статью. Могу, конечно, помочь людям. Но чтоб убить?! Нет уж! Тут вы перегнули!

– Ничуть! Ничуть! Я вот вам приведу пример! Напишите вы статью, а завтра людей, про которых вы напишите, расстреляют! Вот и все. Вы и убьете их!

Клюфт чуть не поперхнулся горячим чаем. Этот богослов Иоиль словно знал, что сейчас Павел будет писать статью о судебном процессе в Минусинске. Статью, от которой в принципе будет зависеть общественное мнение и, может быть, и судьба тех самых подсудимых врагов народа. «Нет! Странный тип! Надо его завтра же сдать в милицию! Завтра! Сейчас уже поздно. Да и в милиции не поймут. А вот завтра он пойдет и расскажет о странном типе!»

Клюфт нашел выход. Нужно уложить спать этого подозрительного типа. Нет, зачем он пустил его в дом?

– Вы, наверное, спать хотите?

– Вообще-то нет, я вообще не сплю почти, – ответил равнодушно Иоиль.

– Вы ложитесь, вон на ту маленькую кровать. Там постель чистая, – настоятельным тоном, будто не замечая слов Иоиля, сказал Павел.

– Ну, хорошо. Я вижу, вам мешаю. Вам, наверное, поработать надо. Я полежу. Отдохну. Я буду молчать. Вы делайте. Делайте, – Иоиль послушно встал с кресла и, подойдя к

кровати, не расстилая ее, улегся поверх покрывала.

Он вытянул ноги и, подложив руки под голову, закрыл глаза. Ключфт посмотрел на него со злобой. Он разозлился на этого человека, бесцеремонно напросившегося на ночлег и говорящего сейчас странные слова. Павел грубо спросил:

– А вас, Иоиль, почему до сих пор не арестовали?

Тот, не открывая глаз, устало ответил:

– А почему меня должны арестовать?

– Ну, вот вы ведь ведете буржуазную пропаганду! Религию насаждаете в массы! Людям голову дурите!

– Это с чего это вы взяли? – Иоиль говорил это равнодушным тоном.

Ключфту показалось, что богослов зевнул. Он лежал, не открывая глаз, и не двигался. Словно это был неживой человек.

– Как это с чего?! Вы же, как я понимаю, про Бога рассказываете? Так ведь?

– Ну да...

– А ведь это вранье!

– Это почему?!

– Да потому, что Бога нет! Это выдумка! Сказка, придуманная попами и капиталистами, чтобы усыплять бдительность трудового народа!

Иоиль молчал. Он затих, словно не зная, что ответить. Ключфт обрадовался! Он сказал правду в глаза этому аферисту, и тот своим молчанием признался, что он обманщик!

Это была какая-то триумфальная для Павла тишина! Еще через минуту Клюфт подумал, что Иоиль уснул. Он даже не дышал. Лежал без движения, словно покойник, вытянувшись на кровати. Павел прислушался: подойти потрогать пульс? Может, умер? Еще этого не хватало! Потом объясняй милиции, зачем он пустил в дом этого типа. Клюфт медленно встал со стула и крадучись подошел к кровати. Но в этот момент богослов тихо спросил:

– А вы, Павел, точно уверены, что Бога нет?

Клюфт чуть не упал от неожиданности. Выпрямившись, он почесал голову и обиженно ответил:

– Да, я точно знаю...

– Откуда?

– Хм, откуда?! Это доказано советскими учеными! Да и наш вождь, и учитель товарищ Сталин сам учился в духовной семинарии, но потом понял, что все это вранье! Занялся революционной борьбой! Привел нашу страну вот к победе социализма! Ведь у нас теперь социализм построен! Он уже вошел в нашу жизнь! А с принятием сталинской конституции так вообще все понятно и просто! Товарищ Сталин говорит: нет никакого Бога! Нет!

Иоиль открыл глаза. Он привстал с кровати. Внимательно посмотрел на Павла и жалобным тоном спросил:

– А кто это, товарищ Сталин?

Клюфт вскипел. Он вернулся к столу и, хлопнув кулаком по крышке, громко крикнул:

– Ну, хватит! Хватит! Хватит тут изображать из себя сумасшедшего! Хватит! Я сейчас действительно милицию вызову! Они-то, разберутся с вами, кто вы такой! Так говорить может только враг народа! Я не намерен тут у себя прикрывать врагов разных! Хватит, выметывайтесь из моего дома!

Иоиль испуганно спрыгнул с кровати. Он стоял, опустив голову, как нашкодивший ребенок. Он кивал головой в такт словам Павла. Затем, прижав руки к груди, бухнулся на колени. Клюфт опешил от этой сцены. Богослов запричитал, словно приговоренный к расстрелу:

– Простите! Простите меня великодушно! Я больше не буду! Я не знал, что этот человек вам так дорог! Простите! Я больше никогда так не скажу! Только не выгоняйте меня!

Павел отошел быстро, так же, как и разозлился. Ему стало жалко этого полуночника.

«Сумасшедший. Явно сумасшедший и больной человек», – думал журналист. – Нужно оставить его до утра, а завтра отвести в больницу. Да и, может, он сбежал или потерялся из какой-нибудь психоневрологической лечебницы».

Клюфт подошел к стоящему на коленях Иоилю и, погладив его по плечу, ласково сказал:

– Ладно, ладно. Я понял. Вы не в себе. Ладно. Ложитесь. Переночуйте у меня. Завтра решим, что с вами делать. Ложитесь спать.

Иоиль поднялся с колен и послушно лег на кровать. Он закрыл глаза и почти мгновенно, как показалось Павлу, уснул.

Медленное и ровное дыхание. Ключфт дотронулся до его руки. Она оставалась ледяной. Этот человек почти за час не согрелся.

«Явно болен. Явно. Нет, нужно его в больницу», – решил для себя Ключфт. Павел вздохнул и, взяв у вешалки чемодан, поставил его на стол. Достал оттуда печатную машинку. Ласково погладил по ее металлическим бокам. Они были еще холодные от мороза.

– Ничего, я тебя сейчас разогрею, – ласково шепнул Ключфт машинке, словно живому существу.

Павел зажег настольную лампу и поставил рядом печатную машинку. Придвинул стул и сел. Когда листок был заправлен и Павел уже хотел ударить по клавишам, он понял, что непроизвольно разбудит гостя. Ключфт недовольно посмотрел на Иоиля. Тот не двигался. Глаза закрыты. Нездорово-бледное лицо. Крючковатый нос.

«А что делать? Статья нужна утром. Смирнов устроит разнос, если не сдать! Да и на хрена он припер домой машинку? Ничего, потерпит шум. Если устал и хочет спать, будет спать. Так бы вообще вон на улице ошивался», – подумал Павел и забарабанил по кнопкам машинки:

«Зал, где происходило заседание суда, был переполнен народом. Слушая показания пойманных с поличным бандитов, все присутствующие на процессе выражали гнев и презрение к подлым выродкам, врагам народа!»

– Подлецы, их нужно уничтожить! – возмущенно требо-

вали рабочие совхоза в зале суда.

Первым допрашивается обвиняемый Лепиков. Этот матерый враг пытается спасти шкуру, прикинуться наивным дурачком и потому в первой части своего показания не говорит о всех подлых делах, за которые он должен получить суровую кару. Прямые вопросы государственного обвинителя тов. Бакланова заставили гаденьиша Лепикова говорить правду. Более часа рассказывал этот вражеский ошметок суду о своих вредительских делах».

Павел поймал себя на мысли, что ему печатается на удивление легко. Слова сами складывались в единое целое. Через час он написал статью. Он описал всех обвиняемых и, как ему показалось, раскрыл их страшный образ. Но когда нужно было выходить на «последний абзац» и подводить итог, у Клюфта возникла заминка. Как он ни старался, в голову не «лезла» последняя эффектная, заключительная фраза, которая должна была стать украшением всей статьи.

Павел откинулся на стуле и размял виски. Закурил папиросу. Неожиданно захотелось спать. Сон начал сковывать сознание, бороться не было сил. Чтобы не отключиться, Клюфт вскочил со стула и несколько раз присел. Посмотрев на ходики на стенке, удивился – без пяти шесть утра!

– Ну, все! Пишу, что в голову лезет, и надо идти! – буркнул себе под нос Клюфт и вновь сел за машинку.

Но фраза не лезла. Мысли как будто отключились. Неожиданно прозвучал глухой голос его гостя:

– Вы, я вижу, мучаетесь с кодой?

Павел посмотрел на Иоиля и удивился. Тот внимательно смотрел на хозяина комнаты.

– А вы что, не спите?

– Нет, я все это время не спал. Я просто вам не мешал. А вот сейчас чувствую, что у вас трудности. Мыслей нет. Не знаете, чем закончить.

– Откуда вы это знаете? – спросил опешивший Клюфт.

– Вижу. Когда человек не знает, чем закончить, он мучается, трет виски, делает приседание. Вы этим занимаетесь. Вот я и решил: вы не можете закончить свою статью. Не так ли?

– Так, – выдавил из себя Клюфт.

– А хотите, я вам помогу?

– Как? – Клюфт подкурил очередную папиросу.

Руки у него дрожали. Спичка затряслась, и ее огонь опалил ресницы.

– Да я вам могу, ну допустим, мысль подсказать. Вот, например, вы же должны написать, что эти люди понесут наказание?

– Какие люди?

– Ну, те, о которых вы пишете в статье? – Иоиль словно надсмехался над Клюфтом.

Павел хмыкнул и, глубоко затянувшись папиросой, попытался успокоиться.

«Ерунда. Этот тип элементарно подсмотрел, что я печата-

таю, а я и не заметил», – подумал Ключфт.

– И какую же мысль вы можете мне подсказать? – спросил он скептически у богослова.

Тот пожал плечами:

– Ну, допустим, вот эти люди должны получить по заслугам. А вы должны написать крепкую фразу, которая вселит в читателей неизбежность этого наказания, так ведь?

– Ну, так.

– Ну, тогда напишите что-то типа: «Доколе невежды будут любить невежество? Доколе буйные будут услаждаться буйством? Доколе глупцы будут ненавидеть знание? Но упорство невежд убьет их, а беспечность глупцов погубит их! И придет им ужас, как вихрь! Принесет скорбь и тесноту! А мы посмеемся над их погибелью, порадуемся, когда придет к ним ужас!» Вот так, примерно.

Ключфт был поражен. В этих словах столько энергии, что у Павла перехватило дыхание. Он тяжело дышал. На лбу выступили капельки пота. Этот странный богослов сказал все очень емко, а главное – попал в точку. Ключфт невольно потянулся к машинке. Он, стесняясь, тихо переспросил:

– Как вы там сказали?

– Доколе невежды будут любить невежество? Доколе буйные будут услаждаться буйством? Доколе глупцы будут ненавидеть знание? Но упорство невежд убьет их, а беспечность глупцов погубит их! И придет им ужас, как вихрь! Принесет скорбь и тесноту! А мы посмеемся над их погибелью, пора-

дуюсь, когда придет к ним ужас!

Пальцы сами выбивали слова, барабанили по кнопкам печатной машинки. Павел торопился. Ему казалось, еще чуть-чуть и он забудет фразу, произнесенную богословом. Но слова в голове звучали, словно эхо в огромном каменном тоннеле. Эхо! Клюфт дописал и откинулся на стуле. Ему вдруг стало совсем спокойно. Сердце ритмично разгоняло кровь по телу. В руках и ногах была какая-то неведомая ранее легкость.

– Ну как, я вам помог? – смиренно спросил Иоиль.

Клюфт закрыл глаза. Ему не хотелось отвечать этому человеку. Зачем? Признаться в том, что он сказал нужную ему фразу? Ему! Этому, как он говорит, богослову! Ему, может быть, сумасшедшему?! Нет, молчать. Молчать – это лучшее.

Клюфт вытащил лист из машинки. Он перечитал все, что только что написал. Статья получилась яркая и, главное, едкая. Наполненная энергией! Этой невидимой энергией ненависти! Ненависти к тем страшным людям, врагам народа! Людям, которые пытаются разрушить устои. Устои всего, что есть сейчас! Всего государства. Павел вдруг ощутил приступ блаженства от своей жестокости. Жестокости к этим мерзавцам и негодяям! Клюфт улыбнулся. Ему стало смешно и немного стыдно за то, что он еще несколько часов назад сомневался в их виновности. Этот Лепиков, прораб, вредитель. Человек, по вине которого погибли сотни коров, которые так необходимы его полуголодной стране.

Павел очнулся, когда почувствовал холод. Рядом с ним стоял Иоиль. Он внимательно смотрел на Клюфта. От богослова веяло ледяной пустотой.

– Господи! Да ведь вы замерзли?! От вас холодом прямо-таки тащит! – виновато улыбнулся Клюфт.

– Что вы сейчас сказали? – робко спросил Иоиль.

– Я говорю, от вас холодом как от покойника веет, – хмыкнул Павел и отвернулся.

Он посмотрел в маленькое окошко под потолком. На улице уже скрипели каблуки прохожих. Шесть утра. Нужно было идти на работу.

– Ну, вот видите, вы сами себе противоречите, – весело заявил Иоиль.

Богослов подошел к вешалке и надел длинный и грязный на вид плащ.

– Что противоречу? – удивленно переспросил Клюфт.

Ему было даже чуточку жалко, что богослов собирается уйти. Ему вдруг захотелось оставить этого человека у себя дома.

– Вы же сказали, что Бога нет? – Иоиль надел сапоги.

– Я и сейчас это могу повторить. И меня никто не переубедит, – воскликнул Павел с бравадой.

– Хм, странно. Секунду назад вы сказали, что он есть, – Иоиль ехидно улыбался.

– Я?! Когда? – разозлился Павел.

– Вы сказали: «Господи, да ведь вы замерзли!» Вы это ска-

зали мне.

Павел вдруг понял, что богослов прав. Он действительно это сказал, инстинктивно. Просто так. Для связки слов.

– Я не это имел в виду, – зло оправдался Клюфт.

– А что? Что же вы еще могли иметь в виду, когда говорили слово «Господи!» Вы это и имели в виду. Вы верите в Бога. Просто не хотите почему-то в этом сознаться. Самому себе. И даже не потому, что вы боитесь окружающих. Вы почему-то боитесь самого себя. Вам трудно. Но это ничего. Все придет. Наступит время, когда вы не будете бояться верить, признаться, что вы верите в Бога. Более того, вы даже будете этим жить! И это время не за горами. Когда же поведут вас, чтобы отдать под суд, не беспокойтесь заранее о том, что говорить, но что дано, будет в тот час, то и говорите, ибо не вы будете говорить, а святой дух. И отдаст брат брата на смерть, и отец ребенка, и восстанут дети против родителей и отдадут их на смерть. И будете ненавидимыми всеми за имя мое! Но кто выстоит до конца, тот спасется! – Иоиль торжественно поднял руку вверх, указав пальцем на потолок.

Клюфт замер. Он смотрел на человека, который говорил страшные слова, но в этих словах звучала тоска правды. Павел вдруг ощутил, что в этих замысловатых и на первый взгляд бессмысленных предложениях скрывается неведомая пока ему тайна. Тайна, с которой он непременно столкнется.

– Вы говорите ерунду, – выдавил из себя журналист.

– Эх, как знать, как знать. Спасибо вам, добрый человек,

за кров. Мне нужно идти. Может быть, мы еще и встретимся, — с этими словами Иоиль вышел, махнув на прощание рукой.

Дверь за ним закрылась со зловещим скрипом. Ключфт икнул и затушил папиросу. Он еще минут пять сидел, молча, сложив руки на колени и опустив голову. Слова этого бродяги-полуночника запали ему в сердце. Брат на брата, отец отдаст ребенка. Нет. Он определенно где-то это уже слышал. Там, в прошлой жизни. Давно, когда он был маленький, когда было все не так. Когда он сам был другой. Когда мир ему виделся из его подвала совсем иным, чистым и светлым, как свежавыпавший снег перед новым годом.

Ключфту стало очень грустно. Так грустно ему не было с похорон матери. Павел едва не заплакал. Слезы горячей волной накатили на глаза. Но журналист сдержался. Он глубоко вздохнул и потянулся за очередной папиросой. Закурил, ему стало легче. Пара затяжек — и голова просветлела.

— Вот черт! Богослов проклятый, заболтал! Нет, нужно идти на работу, еще машинку тащить, уже полседьмого, — проворчал Ключфт и вскочил со стула.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Главный редактор довольно покряхтывал, потягивая чай из стакана, который был вставлен в бронзовый, почти черный от времени подстаканник. Лицо Смирнова полно блаженства. Он наслаждался чтением. Его нос-картошка дергался, подбрасывая круглые очки. На лбу выступила испарина. И хотя верхняя пуговица его оливкового цвета френча была расстегнута, главный редактор вытирал пот с покрасневшей шеи носовым платком.

– А ведь можешь, засранец! Можешь, когда хочешь! Молодец! Удружил! Вещь! Какие нужные слова нашел! Какие верные! Как точно метишь! «Основной задачей вредительской группы было уничтожение совхозного скота, озлобление рабочих против мероприятий партии и правительства. Все это они старались делать так, чтобы замести всякие следы!» Ах, молодец! Молодец! – Смирнов в очередной раз вытер вспотевшую шею носовым платком.

Клюфт сидел и ерзал от нетерпения на стуле. Ему было приятно слушать похвалу шефа. Он, еще совсем недавно неизвестный рядовой работник горкома ВКП (б); и вдруг стал известным в крае «журналистом-разоблачителем»! Его будут бояться все эти мрази и выродки, покусившиеся на советские устои! Нет, все-таки судьба обошлась с ним благо-

склонно! Все-таки как хорошо, что его направили работать сюда в газету!

– Молодец! Особенно мне понравилась твоя кода: «Доколе невежды будут любить невежество? Доколе буйные будут услаждаться буйством? Доколе глупцы будут ненавидеть знание? Но упорство невежд убьет их, а беспечность глупцов погубит их! И придет им ужас, как вихрь! Принесет скорбь и тесноту! А мы посмеемся над их погибелью, порадуемся, когда придет к ним ужас!» А! Как сказано! Сам придумал? – Смирнов сурово посмотрел на Клюфта.

Павел поежился. Рассказать о ночном постояльце? Нет! Зачем? Да и он вряд ли увидит теперь этого странного человека со странным именем. Нет! Славу нельзя делить ни с кем! Слава – она ведь как жена – должна принадлежать только одному человеку! Иначе это будет не слава! Иначе это будет просто легкий успех. А это уже не то! Нет! Йоиль просто был его фантазией! Просто ночным видением!

– Сам! Конечно сам! Кто ж мне, что ночью-то подскажет? – соврал Клюфт и слегка покраснел.

– Слушай, Павел! – Смирнов отложил листы со статьей. – А ведь ты талант. Мы тебя, наверное, на курсы повышения квалификации в Москву направим. Подучишься! Хочешь в столицу-то?

Павел пожал плечами. Почесав макушку, посмотрел на главного редактора и, улыбнувшись, довольно ответил:

– Кто ж в столицу-то не хочет? Хочу, конечно!

– Ну, вот и хорошо! Вот и поедешь. После нового года. А то пока работы навалом. Кстати, как ты уже там думаешь о второй статейке-то? Ну, о прокуроре в Таштыпском районе?

– Хм, да. Думаю. Завтра напишу, – с готовностью ответил Павел.

– Ну, вот и ладненько! Вот и хорошо! Эту мы сегодня в номер, а завтра, завтра уже будем планировать следующую! Я, понимаешь, не хочу, чтобы у тебя перерыв был! Чтобы ты у нас в каждом номере что-то такое! Ух! Делал! Чтобы все видели: в крае идет работа по выявлению этих право-троцкистских бухаринских оборотней! Да и в крайкоме будут видеть: наша газета держит пульс на ритме этой борьбы! – Смирнов говорил это с пафосом, будто на митинге.

Павел покрутил по сторонам головой. Ему вновь показалось, что главный редактор говорит эти слова вовсе не для него, а для кого-то третьего, невидимо присутствующего в кабинете.

– Ну и последнее. А как назовем то статью? А то вот названия-то нет! Не называть же ее просто и банально: «Суд в Минусинске»? – спросил Смирнов.

Клюфт задумался. Над названием он действительно не успел поработать. Да и когда? Он и так-то еле-еле успел. Нужно выкручиваться. Нужно именно сейчас доказать Смирнову, что он – подающий надежды журналист. Его мозг лихорадочно работал. Неожиданно для себя Клюфт выпалил фразу, которой поразился сам:

– «Мерзость, несущая опустошение»!

Смирнов от удивления приподнял пальцами очки на носу. Он сидел, открыв рот. Молчание длилось почти минуту:

– Как, как ты сказал?!

– «Мерзость, несущая опустошение», – повторил Клюфт робко и опустил глаза.

– Гениально! Гениально! Молодец! Как сказал! – рассыпался комплиментами Смирнов.

Клюфт совсем покраснел. Он не знал, куда деть руки и то и дело теребил обивку на стуле.

Петр Ильич вскочил со стула и, выбежав из-за стола, схватил трубку телефона.

– Алло! Наборщики! Набирайте: «Мерзость, несущая опустошение!» Да! Все! В номер! Все! Я подпишу! – Смирнов бросил трубку на аппарат и подошел к Павлу.

Тот в смущении встал. Главный редактор, смотря ему в глаза снизу вверх ввиду своего маленького роста, крепко пожал руку. Клюфт почувствовал, что ладонь у Петра Ильича горячая и липкая от пота.

– Ну что ж, мой мальчик! Мы еще поработаем! Поработаем! – Смирнов похлопал Клюфта по плечу.

Достал из кармана носовой платок и, сняв очки, протер их.

– Кстати, я вижу, настроение у тебя в корне поменялось. Вижу! А то ночью мне всякую чушь тут нес! И помни, ты мне поклялся! Никому больше ничего подобного не говори!

Никому! Ладно! Что ты хотел у меня спросить?

Клюфт опустил глаза, словно был в чем-то виноват. Павел никогда не любил просить. Особенно за себя. Это было для него настоящей мукой. И, тем не менее, он выдавил:

– Петр Ильич, вы обещали меня отпустить. Я ведь вот как всю ночь работал...

– А! Да! Конечно! Вижу! Вижу! Надо! Но я, старый лис, знаю, спать не пойдешь! Тут другое! Шерше ля фам! Черт с тобой, иди! Но завтра! Завтра чтоб утром был как штык и с тебя статья о прокуроре в Таштыпском районе!

Павел выскочил из кабинета редактора и понесся по коридору, словно на спине у него выросли крылья! Ему хотелось взлететь! Шутка ли, у него все получается, и он становится настоящим «матерым мэтром» слова! Выскочив из-за угла, Клюфт налетел на Пончикову. Грузная тетка несла в руках кучу бумаг и книг. Они посыпались на дощатый пол. Пончикова взвизгнула как ужаленная и повалилась на бок. Ее плотная коричневая юбка нелепо задралась, оголив толстые ноги в шерстяных чулках.

– Ой! Ой! Мамочка моя! – причитала эта толстая женщина.

Клюфт ползал рядом с ней на коленях, пытаясь собрать рассыпавшиеся книги и бумаги.

– Простите, Вера Сергеевна! Простите ради Бога! Я не хотел!

– Ой! Ой! Что ж это такое?! – Пончикова встала на чет-

вереньки и со злобой посмотрела на Павла.

Клюфт собрал в одну охапку ее бумаги и протянул женщине, словно большой торт. Та отмахнулась и, опираясь на стенку рукой, с трудом поднялась на ноги.

– Вот, возьмите, возьмите... – Павел давился со смеха.

Он представил, как эта толстая гримза рухнула на пол и что она при этом испытала. Павел вдруг ощутил невообразимое удовлетворение, перемешанное с чувством отмщения. Пытаясь скрыть улыбку, Клюфт хмыкал носом:

– Вера Сергеевна. Простите, простите!...

– Хам!... Смотреть надо, куда бежишь! – Пончикова опустила глаза в пол.

Ее рот раскрылся от удивления. Глаза округлились. Руки затряслись. Клюфт не понял, чем вызвана такая реакция. Он, тоже непроизвольно опустив голову, вдруг увидел, что стоит на книге.

– Ты на чем стоишь?! Ты на что встал?! – завизжала Вера Сергеевна.

Павел нагнулся и поднял желтую тонкую брошюру, на которую наступил ногой.

– Вот, возьмите, – испуганно протянул женщине Клюфт книжечку.

– Ты на что наступил?! – визжала женщина.

– Простите, я не хотел, – оправдывался испуганным голосом Клюфт.

Но Пончикова его слов словно не слышала. Она уже не

визжала, а лишь тихо бормотала:

– Ты наступил на сборник речей товарища Сталина!!! Ты на него наступил! На сборник речей товарища Сталина!!!

Клюфту стало страшно. Его ирония улетучилась в одну секунду. Он с ужасом смотрел на Веру Сергеевну.

– Ты, Клюфт, наступил на сборник речей товарища Сталина, – она говорила это уже тихо и каким-то обреченным тоном.

– Вера Сергеевна, простите! Простите ради Бога! Я ведь не видел!

Пончикова зло дернулась. Выхватив из рук Павла бумаги и книги, она медленно двинулась по коридору. Клюфт смотрел на ее толстую фигуру, понимая, что этот инцидент корректор и комсорг вряд ли оставит без внимания. Пончикова, чувствуя, что Павел смотрит ей в спину, остановилась и, обернувшись, скривила мерзкую рожу:

– Ты за все ответишь Клюфт! За все! И очень скоро!

В свой кабинет Павел зашел как в тумане. В страшном кошмаре. Перед глазами стояла мерзкая физиономия корректорши. Ее губы что-то шептали. То ли ругательство, то ли заклинание.

Павла встретил его сосед по кабинету и коллега Дмитрий Митрофанов. Коренастый парень с рыжей шевелюрой, голубыми глазами и немного глуповатым выражением лица. Митя отвечал в газете за промышленность и стахановское соревнование. Он писал мелкие заметки. Большие статьи ему

не доверяли. Митрофанов, как и Павел, появился в «Красноярском рабочем» недавно. Он пришел из заводской малотиражки «Красноярский железнодорожник». Хотя там он считался ведущим журналистом, но в краевом печатном органе Дмитрий пока ничего выдающегося не продемонстрировал.

Митрофанов был родом из потомственной семьи рабочих. Его отец участвовал еще в революции 1905 года. Он с товарищами захватывал цеха красноярского паровозоремонтного завода. Дмитрий и Павел были друзьями. Ключфт делился с этим рыжеволосым простачком порой самым откровенным. А Дима, в свою очередь, рассказывал Павлу о своих мечтах и проблемах.

– Паша?! Что с тобой? – спросил испуганный Митрофанов. – На тебе же лица нет!

Ключфт, молча сел на стул и, закулив папиросу, посмотрел в окно. Дмитрий стоял рядом. В валенках и толстом шерстяном свитере он выглядел вообще комично. Маленький и крепкий, словно ребенок-переросток, объевшийся и потолстевший от варенья и печенья.

– Паша? Что с тобой? Что случилось? – Митрофанов нагнулся и заглянул Ключфту в глаза.

Тот отвернул голову и тихо, с грустью в голосе ответил:

– Пончикова. Она меня выживает.

– Эта дура?! Что на этот раз?

– Понимаешь, я сейчас ее сбил в коридоре.

– Что?! Ха! Ха! – Митрофанов закатился нервным сме-

ХОМ.

Его толстенькое тельце сотрясалося от хохота. Дмитрий похлопывал по плечу Ключфта и приговаривал:

– Ты сбил эту ведьму с ног?! Ты ее сбил? Ты это сделал?! Ха! Ха!

Но Ключфт сидел мрачный, как туча перед бурей. Он затягивался папирсой, выпуская дым вверх, к потолку.

– Паша, да брось ты! Я слышал, вон, как у тебя дела идут! Какая статья! На передовице! И, как я понимаю, не последняя! Ты становишься ведущим журналистом газеты! Ты вскоре будешь писать самые главные статьи! А эта Пончикова, так она тебе просто завидует! Просто завидует! – Митрофанов сел рядом с другом на соседний стул.

Он заискивающе заглядывал в глаза Павлу. Но тот не хотел смотреть на Диму.

– Ты не понимаешь, Дима, она опасна! Она под меня точит, точит, она хочет меня выжить!

– Ха! – Митрофанов хлопнул себя по коленке ладошкой.

Его лицо стало серьезным. Он тоже потянулся к столу, на котором лежала пачка папирс. Закурив, Дмитрий покачал головой и весело сказал:

– Выжить, говоришь? Да кишка у нее тонка! Кишка! Кто тебя в обиду даст? Мы не дадим! Смирнов-то за тебя! Это главное! Паша, да как она тебя выживет?!

– Просто. Она комсорг. Она ведь руководит всеми комсомольцами газеты. Поставит перед ними вопрос обо мне.

И неизвестно, как они себя поведут. Побоятся и возьмут ее сторону. Она мне уже пригрозила. Настроит на меня какую-нибудь клязу и все! Она ведь еще и член местной партчейки. Могут дела закрутиться, и глазом не моргнешь!

– Паша! Паша! Не драматизируй! Не драматизируй. Ерунда! Ну что она в клязуе напишет? Ну что? «Я не люблю Клюфта, потому что он талантлив?!» Ха! Такой бред! Кто ей поверит? Ну и что, что она комсорг? У нас демократический централизм! Не забывай! Возьмем и переизберем ее! На собрании! А что?! Хочешь, я этот вопрос сам поставлю? Вон потом ты меня выдвинешь, я буду комсоргом! А я уж тебя в обиду не дам! Не дам, Паша!

– Да нет. Все проще. Ты никогда это не сделаешь, Дима. Нет. Пончикова очень сильная и умная, а главное хитрая женщина. Она все продумала. Она все знает. Никто в нашем коллективе из комсомольцев против нее не пойдет. Просто побоятся. А про клязу я тебе так скажу. Можно ведь другое написать, такое, что всех так против меня настроит, хоть и будет неправдой, мало не покажется, – мрачно сказал Павел.

– Ну что другое? – Митрофанов начал злиться.

Было видно, что ему надоело уговаривать друга.

– Да хоть что! Ну вот, допустим, напишет, что я топтался по книге сборника речей товарища Сталина. Вот и все!

Митрофанов вдруг стал тоже мрачным. Он с опаской посмотрел на друга и, глубоко затянувшись папиросой, тихо и грустно ответил:

– А ты что ж, топтался что ли?

Клюфт взглянул на Дмитрия. Ему показалось, что тот испугался. Ухмыльнувшись, Павел тяжело вздохнул:

– Вот видишь, ты уже как засомневался?!

Митрофанов вскочил со стула и обиженно взвизгнул:

– Да пошел ты, Паша! Разве можно так шутить? Не шутки это!

– Не шутки. И все же, Дима, ты бы поверил? – Павел пристально посмотрел в глаза Митрофанову.

Дмитрий не выдержал его взгляда и, затушив папиросу, раздражительно ответил:

– Паша, ты меня что, проверяешь? Как я могу в такое поверить? Поверить какой-то грымзе?! Пусть даже и комсorghу нашей ячейки. Ерунда! – улыбнувшись, Дима вновь сел рядом с Клюфтом.

– Ты лучше расскажи, что там Смирнов? Статью твою одобрил, а дальше? А дальше? Есть, какое новое задание?

Клюфт тоже затушил окурок в пепельнице. Тяжело вздохнув, кивнул головой:

– Есть, есть, Дима. Как я понимаю, сейчас работы у меня будет много. Вот статью уже заказал Смирнов про Таштыпский район. Там прокурор оказался оборотнем, буржуазным националистом. Надо ему разгром учинить. В командировку не поеду. Тут работать буду. Но статью требует жесткую.

Митрофанов улыбнулся:

– Везет! А я все сижу на своих стахановцах. Больше за-

меточки ничего не дают. Вот, очередную настрочил про хлебозавод номер два. Там рабочие перевыполнили план на сто двадцать пять процентов. Сейчас сяду про колхозы Абана писать. Они включились в соревнование, посвященное первой годовщине сталинской конституции, – обреченным голосом пробубнил Митрофанов.

– Ну, так это прекрасно! Выше нос! И ты вскоре будешь что-то серьезное писать! Передовицу напишешь! Я чувствую! – подбодрил друга Павел.

– Правда?! Ты так считаешь? – нервно переспросил Дмитрий.

– Конечно, Дима. Но начинать-то с малого надо. И постепенно вперед. Кстати, я тебе не хотел говорить. Но я, наверное, в конце января в Москву уеду. На курсы повышения квалификации. Так наместо себя попрошу Смирнова тебя поставить! Будешь громить в своих статьях этих выродков, троцкистов, бухаринцев! Выше нос, Димка! – Ключфт хлопнул по плечу Митрофанова.

Тот аж подпрыгнул на стуле. Его глаза засветились счастьем:

– Не врешь? Не врешь?

– Нет, Дима, когда я тебе врал?

Ключфт встал и, подойдя к вешалке, снял шубу. Одеваясь, он подмигнул Митрофанову. Тот улыбнулся в ответ:

– Что, уходишь? Рано так?

– Смирнов отпустил. Я ведь всю ночь статью печатал. Вот

сейчас иду на законный отдых.

– А! – отмахнулся Митрофанов. – Не на отдых ты идешь, а к ней. К ней! И не надо тут мне мозги пудрить!

глава Третья

Димка Митрофанов был прав! Павел вовсе не собирался идти спать в своей комнате. Нет! Не для этого он отпросился у Смирнова. Клюфт спешил к ней! К человеку, который был ему сейчас дороже всех на свете. Человеку, ради которого, как казалось Паше, он и живет!

Верочка Щукина – его мечта, надежда и судьба! Верочка Щукина – человек, ради которого Павел готов был умереть! Они встретились, когда Клюфт работал в горкоме партии. Вера трудилась там же помощницей у второго секретаря Красноярского комитета ВКП(б). Высокая, стройная, с длинными волосами ржаного цвета, она была красавицей. Темно-серые глаза и чарующая улыбка слегка припухших губок. Чудный маленький носик и тонкие вразлет брови. Верочка Щукина была мечтой практически всех мужчин горкома. Павел влюбился в нее с первого взгляда. Это была страсть, которую просто невозможно описать. Павел потерял голову. Он не мог ни о чем и ни о ком думать. Он не спал ночами. Он буквально бежал на работу пораньше, чтобы просто мимоходом увидеться с Верочкой. Поначалу та его не замечала. Воздыхателей вокруг нее было много. Щукина никому не давала повода даже подумать, что она даст надежду этому человеку на взаимное чувство. Клюфт страдал. Он не

мог работать. Он частенько получал выговоры от своего шефа за невнимательность и ошибки. Но Павел ничего не мог с собой поделать, он жил лишь тем, чтобы Вера хоть мимолетно обратила на него внимание! Муки длились почти год. Ключфт уже всерьез подумывал уволиться с этого места работы, чтобы не видеть Шукину и не теревить себе сердце безответной любовью. Но однажды произошло чудо! Вера сама подошла к Павлу и буквально назначила ему свидание. Она предложила пойти с ней в кино, ее подруга неожиданно заболела, а билет пропадал. Павел был на вершине блаженства от счастья. После просмотра фильма они долго гуляли по весеннему городу. Забрели в городской парк и сидели там почти до утра на скамейке. Павел читал ей стихи запрещенного Есенина. Вера смеялась и смущенно опускала глаза, когда Ключфт признавался ей в любви от имени поэта. После этой встречи была следующая. Потом еще одна. Незаметно их дружба переросла в настоящий любовный роман. Однажды летом Павел решился. На все той же их любимой скамейке в городском парке он поцеловал золотоволосую красавицу. Как ни странно, она отстраняться не стала, а ответила ему на поцелуй!

...Потом было признание в любви. Потом была их первая совместная ночь...

Вера жила с родителями. Ее отец, рабочий паровозоремонтного завода, был очень консервативным человеком и к ночным похождениям дочери привыкнуть не мог. Но Ве-

ра все переводила в шутку. Она умела найти общий язык с родней. Первый раз, оставшись ночевать у Павла, она сказала отцу, что уехала с подругой в Боготол к ее родственникам. Отец поверил. А у Павла с Верочкой была первая ночь страстной любви.

Они ласкали друг друга до утра. Когда рассвело и сил от любовных игр у них не осталось, они уснули довольные и счастливые. Верочка положила голову на плечо Павлу, а он даже боялся дышать, чтобы ее не разбудить.

С тех пор прошло уже больше четырех месяцев, но каждое их свидание было словно первое. Павел буквально летел в надежде увидеть ту, ради которой, как ему казалось, он и жил на этом свете!...

...Вот и на этот раз она ждала его, переминаясь с ноги на ногу на углу дома. Серое длинное пальто и меховая шапочка. Ее стройненькая фигурка смотрелась каким-то светлым и теплым пятном посреди декабрьского холодного дня. Ключфт подбежал и поцеловал Веру в щеку. Она рассмеялась. Раскрасневшиеся румяные щеки и запах. Этот неповторимый запах ее волос! Они пахли лепестками розы. Они благоухали! Павел прижался к ней и втянул ноздрями холодный воздух. Он почувствовал, что она вздрогнула. Он еще сильнее обнял ее и потянул к себе.

– Паша! Паша! Это же улица! Люди смотрят! Перестань, – Вера с хохотом высвободилась из его объятий.

– Я так соскучился, Верочка! Вечность, целая вечность

прошла! Я соскучился! Пойдем ко мне?!

Вера вновь расхохоталась и, взяв его за руку, потянула вперед. Ее ладонь была теплой. Павел ласково провел по ней пальцами. Вера вырвалась и побежала. Клюфт бросился за ней. И тут она неожиданно остановилась.

– Паша. Я ради тебя вон работу бросила. Отпросилась. Пойдем на нашу скамейку в парке.

– Холодно ведь, бельчонок! – он часто называл ее так.

Бельчонок. Маленький пушистый зверек, ловко скачущий по веткам деревьев. Почему-то именно такая ассоциация возникала у Клюфта. Ему казалось, что она маленькая и беззащитная девочка, которую все хотят обидеть.

– Пойдем, не замерзнем. Прогуляемся. Я хочу прогуляться, – капризно сказала Вера.

Павел пожал плечами и пошел за ней. Она взяла его под руку и, прижавшись, семенила рядом.

– Как ты съездил в Минусинск?

– Хорошо, бельчонок. Хорошо.

– Я так переживала!

– О чем?

– Просто, ты же знаешь, я всегда переживаю, когда ты куда-нибудь уезжаешь. Мало ли что?!

Павел остановился и, обняв Веру, поцеловал ее в мочку уха. Она вновь рассмеялась:

– Не надо так. Мне щекотно. Пойдем.

Они медленно зашли в городской парк. Он казался уснув-

шим великаном. Пустые аллеи. Ели и сосны со снежными гирляндами на ветках, словно сказочные красавицы, заколдованные неведомым злым волшебником, стояли вдоль аллеи.

Их скамейка выглядела сиротливо. Снег укутал ее, словно одеялом. Было видно, что сюда давно никто не приходил.

– Верочка, нет. Посмотри. Тут же холодно. Пойдем ко мне. Я боюсь, что ты простудишься.

– Нет, Паша, мне хорошо. Только вот немного ноги замерзли. Но все равно. Я хочу прогуляться. Я устала сидеть в душном кабинете. Мне нужен свежий воздух. Ветра нет. Посмотри, какая красота! – Вера расставила руки в стороны, словно пытаясь обнять аллею.

Она кружилась и хохотала. Он стоял и улыбался. Нет, она красавица. Она само совершенство! Она все, что есть лучшее в этом мире!

– Паша, а пойдем к Енисею?! Посмотрим!

Павел пожал плечами:

– Ну, пойдем. Пока не стемнело. А то уже вон сумерки. Сейчас ведь самые короткие дни начинаются в году. Ночь длиннее дня. Тьма властвует над миром! – пошутил Паша.

Вера стала серьезной. Она посмотрела в глаза Клюфта со страхом и, тяжело вздохнув, потянула его за рукав. Они шли по аллее к Енисею. В конце парка была смотровая площадка. Оттуда открывался прекрасный вид на великую реку. Когда они вышли на этот пятачок, Вера обернулась и прижалась к

Клюфту. Тот нежно обнял ее.

– Вера, что с тобой?

– Не знаю, Паша. Не знаю. Красиво. Вон как красиво. Посмотри?

Павел пытался согреть своим дыханием ее пальцы. Он нежно прикоснулся губами к ее ладони. Вера улыбнулась.

– Вечность! Паша. Когда я смотрю на эти горы, я думаю о вечности.

Павел взглянул вдаль. Синие горы на правом берегу Енисея и темно-лазурное небо. Вот-вот начнется закат. Сумрак еще не опустился, но он уже готов был властвовать над землей. Он подкрался к городу. Облака светились каким-то красно-багровым цветом. Солнце было на западе. Оно словно сдавшись, собиралось бросить землю. Устало ее освещать, отдавая во власть темноты.

– Паша, а тебе нравится наша природа? – спросила Вера грустно.

– Конечно, бельчонок, – Клюфт вновь взял ее руки и поднес к губам.

– Наш Енисей. Посмотри, Паша? Посмотри? Тебе не кажется, что он живой? Он все понимает, все чувствует.

– Кажется, бельчонок, кажется.

– А сейчас он спит. Он уснул. До весны. Лед, это словно одеяло. Он укрылся одеялом и спит. Ему сейчас тепло и спокойно.

Павел посмотрел на замерзшую гладь реки. Белый пан-

цирь сковал русло. Вода, ее не видно. Она там, где-то глубоко. Черная и беспокойная, она как кровь сказочного великана бежит туда, к северу. Она несет силу. Она несет энергию, которая может все. Которая может быть доброй и злой, разрушительной и созидательной. Эта вода. Сколько ее утекло за миллионы лет? Сколько ее еще утечет? И их уже не будет. Не будет даже их праха и, может быть, и воспоминаний о них, а эта вода будет. Она также будет бежать то подо льдом, то сломав его по весне и выбросив, как ненужный хлам.

Павел задумался. Вера права, вечность – это вода. Вечность – это горы, там, на правом берегу. Там, вдалеке. Человеческая жизнь, что она по сравнению с этими горами и рекой? Ничто. Мелочь.

Клюфт обнял и поцеловал Веру. Она ответила на его поцелуй. Ее губы были с привкусом меда. Павлу стало тепло.

– Вер, пойдем ко мне. Ты простынешь!

Она улыбнулась. Ничего не ответив, вновь потянула его за руку. Они шли по улицам, никого не замечая. Для них не было людей. Когда они добрались до дома Клюфта, уже стемнело. Павел не стал зажигать свет. Они разделись и упали на кровать. Постель была холодная. Но через минуту им стало жарко. Это была страсть. Энергия любви охватила их, забирая все силы. Они ласкали друг друга, не замечая скрипа пружин старинной кровати. А потом... лежали уставшими, но счастливыми. Он вслушивался в ее тяжелое дыхание, и ему было хорошо. Они лежали в темноте долго. Как ему

показалось, целую вечность. Но потом она встала с кровати и, не зажигая света, стала одеваться. Он рассматривал ее стройные ноги и пухлую грудь. Через минуту она зажгла свет. Лампочка под потолком светила тускло и противно. Он прикрылся одеялом. Ему было лень одеваться.

– Подай мне папиросы, курить очень хочется, – ласково попросил он ее.

Вера достала у него из шубы пачку папирос и кинула на кровать вместе с коробком спичек. У зеркала Щукина причесалась, заколов свои ржаные волосы в пучок на затылке. Он любовался, как она, прикусив зубами шпильку, старательно укладывает золотые локоны.

– Ты красавица, – улыбнулся Павел и затянулся папиросой.

Она тоже улыбнулась. Но вдруг стала серьезной. Поправив волосы, взяла стул и села рядом с кроватью. Она внимательно смотрела ему в глаза. Клюфт, молча, пыхтел папиросой. Ему не хотелось ничего говорить. Счастье, может, оно и есть вот в этом. В этом молчании и сладостной усталости после любовных ласк. Вера вздохнула. Она положила руки себе на колени и как-то смешно, поджав плечи, смущаясь, сказала:

– У меня для тебя новость.

– Какая? – Клюфт улыбнулся.

– Как ты отнесешься к тому, что у меня будет ребенок?

– Что? – он даже не понял, что она ему говорит.

Последняя фраза прозвучала тихо и нелепо.

– Что? Что ты говоришь? Как ребенок? Какой ребенок?

Вера ухмыльнулась и грустно, улыбнувшись, потянулась к его руке. Он взял ее ладонь и почувствовал теплоту:

– Какой ребенок, Вера?

– Глупенький. Когда мужчина и женщина занимаются любовью, у них нередко в результате этого появляются дети. Я беременна.

– Что? Беременна? От кого?

Вера расхохоталась. Она смеялась громко и звонко. Ключфт почувствовал себя полным идиотом.

– Вера? Что за шутки?!

Щукина вдруг вновь стала серьезной. Как ему показалось, у нее на ресницах мелькнула слезинка:

– Нет, Паша. У меня будет ребенок. От тебя. Понимаешь, я беременна. У нас с тобой будет ребенок. Нам нужно принять решение.

Павел вскочил с кровати. Он стоял перед ней совершенно голый, нелепо держа в руке папиросу. Очнувшись, выбросил окурок на пол и стал судорожно одеваться. Она все это время наблюдала за ним, грустно улыбаясь.

– Ты нервничаешь? Ты испугался?

Ключфт сел на стул рядом с ней. Он внимательно посмотрел испуганными глазами на нее. Его губы тряслись. Новость его ошарашила:

– Я растерялся, с чего ты взяла? – виновато буркнул он.

– Так как ты воспринял эту новость? Ты будешь отцом. Папой, понимаешь, Паша, ты будешь папой.

Клюфт неожиданно упал на колени у ее ног. Он яростно целовал ее руки. Он осыпал их горячими поцелуями. Она немного испугалась. Но потом ей стало приятно. Вера рассмеялась и, теребя волосы Павла, тихо сказала:

– Я вижу, ты рад, я так боялась, что ты испугаешься!

Клюфт поднял голову. Он посмотрел ей в глаза и воскликнул:

– Я испугаюсь?! Я рад?! Да я самый счастливый человек на свете! Вера! Спасибо! Верочка! Спасибо! Я самый счастливый человек на свете! Верочка! – он вновь стал целовать ей руки.

Она улыбалась. Ей было так тепло и хорошо в это мгновение. Она пыталась погладить его по волосам, но он не выпускал ее рук. Он целовал кончики пальцев, он прижимался щеками. Вера чувствовала, как горит его кожа на лице. Кровь пульсировала в висках. Вера жалобно сказала:

– Паша, ну хватит. Хватит. Прошу тебя, поднимись с колен. Я хочу видеть твои глаза. Хочу видеть их.

Он поднялся с колен. Павел сел рядом с ней на стул. Вера положила ему голову на плечо. Так они сидели несколько минут. Клюфт держал ее руку в своей ладони.

– Так мы что теперь делать будем? – спросила Щукина.

– Как что?! Поженимся. Мы будем мужем и женой. Надеюсь, ты теперь согласна стать моей женой? Бельчонок? Ты

согласна?

– Хм, дурачок. Конечно. Куда ж теперь мне деваться, – Вера рассмеялась.

Павел нежно отстранился и подошел к печке. Достав при- мус, он накачал давление в бачке. Временами, глядя на Веру, улыбался. Она сидела и смотрела, как он разжигает огонь и ставит чайник.

– Бельчонок, теперь все будет хорошо. Мы скажем твоим родителям. Ты переедешь ко мне. И нам не нужно будет пря- таться. Мы будем жить как нормальная семья. Я буду рабо- тать. Ты будешь сидеть с ребенком. Я буду много работать. Да и работы у меня много. Я ж теперь подающий надежды журналист! Эх, слышала бы ты, что говорит обо мне Смир- нов! Главный редактор сказал, что у меня есть настоящее бу- дущее.

Вера улыбнулась:

– Будущее есть у всех Паша. Это банальность.

– Нет, ты не поняла! Настоящее будущее! Настоящее с профессиональным ростом! Кстати, может, нам в конце ян- варя придется расстаться на три недели. Меня в Москву хо- тят направить. На курсы, – грустно сказал Павел.

Он так не хотел огорчать ее в этот вечер. Он вообще те- перь не хотел ничем огорчать ее. Виновато пожал плечами:

– Если хочешь, бельчонок, я могу отказаться. Я могу и не ездить.

Вера вздохнула. Она кивнула головой и как-то обреченно

сказала:

– Нет, Паша. Если надо, езжай. Езжай Паша.

– Ты не будешь злиться, бельчонок? Я вот подумал: приеду, и мы сразу поженимся. А? Как ты думаешь? Хотя нет, поженимся раньше. На следующей неделе. Я не хочу ждать. Да и чего ждать? Нет! Решено! На следующей неделе! – Павел разливал по стаканам горячий чай.

В тарелочку нарезал черного хлеба. Из шкафчика достал кусочек сала.

– Вот, смотри, меня тут угостили. Привез из Минусинска. Там местные ребята из газеты дали сала! Сейчас мы с тобой его попробуем!

Вера обхватила стакан с горячим чаем. Она грела озябшие ладони. Ей стало грустно. Павел почувствовал это:

– Что-то не так, бельчонок? Что не так?!

– Ты раньше мне не говорил, что тебя отправляют в Москву.

– Хм, Вера. Мне Смирнов, наш главный, вчера сказал. Понимаешь, вчера. Я сам не знал.

– Понятно, – Вера отпила из стакана чай.

– Так как ты к этому относишься?

– Хм, меня больше беспокоит, как мы скажем обо всем отцу. Вот что, я, конечно, хочу тебя ждать, но нам надо сказать обо всем отцу. И еще неизвестно, как он к этому всему отнесется.

– Почему? Он разве не хочет счастья своей дочери? Мне

кажется, он нормально отнесется.

– Да нет, он, конечно, хочет мне счастья. Просто вот так, он не поймет. Не поймет, что мы с тобой до свадьбы успели ребенка зачать. Это не в его жизненных правилах.

Павел закурил папиросу. Но поймал себя на мысли, что Вере дышать дымом вредно. Ведь она носит под сердцем его ребенка. Клюфт встал и подошел к окну. Он старался выпускать дым в щелку. Не глядя на Веру, Павел оптимистично сказал:

– Вер, а мы не скажем ему, что ты беременна. Просто скажем, что хотим пожениться и все! Что тут такого? Кто там считать потом будет, на каком ты месяце?

– Да, но для этого тебе придется попросить у него разрешения на нашу свадьбу.

– Ну и попрошу. Какие проблемы?

Вера стала совсем грустной. Она отпила чай и покачала головой:

– Он может не разрешить.

– Почему? – Клюфт с удивлением посмотрел на Шукину.

Она сидела за столом и обреченно смотрела в одну точку на стене.

– Почему, Вера? Почему?

– Он не любит тебя, Паша. И ты должен это знать. Он не любит тебя и просто так разрешения мне не даст.

Клюфт пожал плечами. Ему стало обидно. Комок подступил к горлу. «Отец его любимой женщины, оказывается, его

не любит. За что? Он даже его не знает. За что он может не любить человека, с которым почти не знаком?» – подумал Павел.

– И за что же он меня не любит? Я его видел лишь два раза. И то мельком. Ты что, про меня что-то плохое ему рассказала? – обиженно спросил Клюфт.

Вера встала. Она подошла к Павлу и, обняв его за шею, положила голову на грудь:

– Ну что ты, что ты, Паша! Как ты можешь?! Как я могу что-то плохое рассказать?

– Ну, тогда с чего он так ко мне относится?

– Хм, Паша. Ему твоя фамилия не понравилась.

– А что плохого в моей фамилии? Клюфт – нормальная немецкая фамилия, – удивленно сказал Павел.

Он погладил Веру по спине. Он прижал ее к себе крепче. Она ойкнула и, отстранившись, испуганно сказала:

– Осторожнее, Паша! Ты меня так, вернее нас, раздавишь!

– Извини. Извини. Вера, я тебя так люблю! – Павел вновь взял ее руку и прижал к своей щеке. Щукина стройной рукой погладила его по голове:

– Я верю, Паша.

– Так что плохого в моей фамилии? Клюфт? Вера Клюфт? По-моему, будет звучать неплохо!

Вера кивнула головой:

– Мне тоже кажется. Только вот моему отцу, ему не докажешь. Ему не нравятся немцы. Он говорит, что в Испании

они задушили революцию.

Павел отпустил ее руку. Пройдя к столу, сел и, налив себе чая, раздраженно сказал:

– В Испании революцию задушили не немцы, а фашисты. Это большая разница.

– Я ему тоже об этом говорила, – оправдываясь, ответила Вера.

Она подошла к Клюфту сзади и, обняв его за шею, наклонилась к его лицу:

– Но он меня не слушает. Говорит, все немцы фашисты.

– Ты тоже так считаешь?

– Дурачок! – Вера поцеловала Павла в щеку и прижалась к нему всем телом.

– Нет, правда? Я же не виноват, что у меня отец был немцем, дед был немцем. Но они жили тут, в Сибири, уже двести лет! Они лечили людей! Что тут плохого?!

– Паша. Почему ты передо мной оправдываешься? Мне-то все равно, кто ты по национальности! Ты мой самый любимый человек! Я люблю тебя! Паша, мне все равно, кто ты, хоть вождь племени из Африки! – Вера отпустила объятия и села рядом с Клюфтом за стол.

Он, опустив голову, сидел и молча, смотрел на пол. Щукина улыбнулась и вновь погладила Павла по волосам:

– Паша, в конце концов, мне жить с тобой. И не надо расстраиваться насчет моего отца! Ну, он такой человек! Он так считает! Паша! Ну что поделаешь?

– И все равно мне обидно. Что такого, что я немец? Что в этом такого? Я ж не виноват?

– Нет, конечно! Немчик ты мой дорогой! – Вера потянулась и поцеловала его в щеку.

Клюфт немного успокоился и грустно улыбнулся:

– А знаешь, на работе меня никто до сих пор вот не корил в этом. В национальности моей. Странно.

Вера насторожилась:

– А что, могут укорить?

– Ну, не знаю. Вот мне статью редактор приказал написать. Про буржуазного националиста, прокурора района Таштыпского. Он хакас по национальности. Вот такая петрушка.

– А ты?

– Что я?! – не понял вопроса Павел.

– Ты согласился?!

– Вера! Как ты можешь? Как я могу не согласиться! Если бы ты знала, я сейчас на самом передовом краю борьбы! Знаешь, сколько среди нас затесалось этих перевертышей-троцкистов, бухаринцев? Куча! Завтра выйдет номер, почитай мою статью! Про Минусинск почитай! Узнаешь! Про вредителей! Она на первой полосе будет! Я сейчас, Верочка, как говорится, ударная сила редакции! И то ли еще будет! То ли!

Вера совсем погрустнела. Она опустила голову. Потянувшись за стаканом, отпила уже остывший чай. Клюфт погладил ее по руке:

– В чем дело, Вера? В чем дело?

– Я боюсь, Паша.

– Чего?

– Ты же сам говоришь, пока тебя никто не укорил в твоей национальности.

– И что? И не укорят!

– Да нет, ты не понял. Ты еще, Паша, ничего не понял.

– Да что я должен понять?

– Ой, Паша! Страшно мне. За отца страшно. За других людей, которые говорят такие же вещи. Страшно. Они словно заколдованы!

– Ты о чем?

– О том, Паша. Они все вдруг стали искать врагов! Вот и ты...

– А что я?

– Что ты говоришь, Паша? Что ты говоришь, ты послушай себя со стороны!

– А что такого я сказал? – Клюфт опешил от рассуждений Верочки.

– Да ничего. Ты тоже ищешь врагов. Ищешь. Специально. Говоришь про них. А если их нет?

– Кого? – не понимал Клюфт свою возлюбленную.

– Ну, врагов, Паша. Врагов. Если они просто выдуманные?

– Как это выдуманные? – разозлился Клюфт. – Я же сам их видел! Они сидели.

– И что? Они признались? Они говорили, что вредили нам?

– Да... – Павел вдруг понял, куда клонит Вера.

Ему стало не по себе. Она говорила почти его же мысли. Его позавчерашние мысли! Он действительно смотрел на тех людей на скамье подсудимых в Минусинске и сомневался. Он сомневался в их показаниях! Он говорил об этом Смирнову! Но потом, потом он почему-то стал, уверен в их виновности, и вот его любимая говорит ему его, же мысли. Его сомнения!

Вера продолжала грустно говорить. Она словно исповедовалась. Павел боялся ее прервать. Голос был тихий и ровный. В нем почти не было интонаций. Просто мысли вслух. Страшные мысли Верочки:

– Паша. Вы все как ослепли! Вы все озлобились! Одумайтесь! Вы стали злые. Что за сумасшествие? Паша, это страшно! Страшно! За последние полгода мне стало страшно жить! Все друг друга подозревают! Говорят о каких-то врагах! Ищут каких-то вредителей! И радуются, радуются, когда их находят! И вот ты! Паша, и ты! Мой отец говорит мне по вечерам страшные вещи! Он говорит о врагах на его заводе! Какие враги? Там не было никаких врагов! А совсем недавно арестовали его товарища – дядю Леву Розенштейна! Они с моим отцом дружили лет двадцать! Я выросла с его детьми! Мы вместе играли! И что? Дядя Лева оказался вредителем! Он оказался врагом и, как потом сказал отец, аген-

том английской разведки! Шпион! Понимаешь, Паша, дядя Лева – шпион! И отец в это поверил! Он радовался, что его арестовали и поймали! А я знаю дядю Леву! Какой он шпион?! Ну, какой он шпион? Ерунда какая-то! Я думала, что ты, ты-то вот работаешь в газете и будешь знать, что происходит! Но вижу, я ошиблась. И ты туда же! Ты строишь планы! Какие планы, Паша? Поймать врагов народа?

Павел обомлел. Его любимая говорила страшные слова. Слова, которые, могли крутиться в голове, но которые никогда нельзя было произносить вслух! И он слушал эти слова. Он! Он дал клятву Смирнову никогда не говорить и не слушать об этом! Он нарушил клятву! И заставила его нарушить его любимая! Его самый дорогой и близкий человек, Вера, та, за которую он готов отдать все, даже жизнь.

– Пойми, Паша. Это страшно. Страшно.

– Вер, ну если это есть, как этого бояться? – слабо попытался протестовать ей Ключфт.

– Что есть? Ты веришь в это? Паша? Ты веришь, что те люди в Минусинске были врагами?

Павел задумался. Он ничего не ответил. Щукина ухмыльнулась и, грустно улыбнувшись, продолжила:

– Паша, а если тебе завтра скажут: вот она – вредитель! Она, Вера Щукина, вредитель, враг народа! Ты согласишься?

– Ну что такое ты говоришь? Вера! Как ты можешь? Ты уже переходишь границы допустимого! Ты бьешь ниже пояса!

– Нет, Паша, я просто спрашиваю. И хочу понять, как ты себя поведешь в такой ситуации?

– Что? Да какая там ситуация? Вера, успокойся! Ты просто расстроена. Ты утрируешь все! Тебе все кажется в черных тонах, такое бывает! Верочка! Подумай лучше о нас! Зачем ты говоришь все это страшное и нелепое?

– Нет, Паша. Я нормальна. В отличие от тебя, я реалист. Я все реально понимаю. Так как, Паша, ты бы повел себя в такой ситуации? Если бы тебе сказали, что я враг народа?

Павел резко вскочил. Стул повалился на бок. Клюфт дернулся и подбежал к окну. Там, в темноте, он вдруг увидел человеческие ноги. Ботинки, валенки и сапоги топтали укатанный снег. Прохожие спешили по своим делам. Павел покачал головой и закурил папиросу. Ему не хотелось ничего говорить. И больше всего ему не хотелось, чтобы говорила Вера. Он понял: он хочет, чтобы она замолчала. Просто замолчала. Но Щукина, налив себе еще чая, улыбнулась и словно издеваясь, сказала:

– Паша, так ты верил бы, что я враг народа?

– Вера! Я не хочу об этом. Прошу тебя не надо! Не надо. Это плохая тема!

Щукина кивнула головой. Она сощурила глаза и, рассматривая Клюфта, тихо продолжила:

– Я тебе не хотела говорить. Это в принципе нельзя. Но через меня проходят кое-какие документы. Секретные. Вернее, они и не такие уж секретные, но допуск к ним есть не у

всех. У меня есть. Так вот. Есть списки, Паша. Понимаешь, списки людей, которых нужно разоблачить. Понимаешь, эти люди еще не знают, что их будут разоблачать. Их обвинят в чем угодно, начиная от бюрократии, заканчивая вредительством. Понимаешь, Паша. Просто из Москвы пришло распоряжение. План, так сказать. Найти врагов. Вредителей. И наши руководители горкома просто и банально составляют списки. Чтобы отчитаться о проделанной работе!

Клюфт слушал и не верил. Ему вдруг показалось, что Вера бредит. Просто заболела. Бред на почве высокой температуры или еще черт знает чего?! Просто бред! Говорить такое! И Павел испугался! Он поймал себя на мысли: а ведь Вера может говорить правду! Что если она говорит правду?

«Когда же поведут вас, чтобы отдать под суд, не беспокойтесь заранее о том, что говорить, но что дано, будет в тот час, то и говорите, ибо не вы будете говорить, а святой дух. И отдаст брат брата на смерть и отец ребенка, и восстанут дети против родителей и отдадут их на смерть. И будете ненавидимыми всеми за имя мое. Но кто выстоит до конца, тот спасется!» – Павел вдруг вспомнил слова Иоилия, которые он сказал ему на прощание. Этого странного человека.

– Паша, я пойду. Мне надо идти, уже поздно. Родители беспокоиться будут, – услышал Клюфт голос Веры.

Он звучал где-то вдалеке. Павел, очнувшись, вздрогнул. Щукина надевала свои полусапожки. Когда она потянулась за пальто, Клюфт бросился к ней.

– Вера! Вера! Давай я тебя провожу! Как так ты уходишь?

– Не нужно, Паша. Я дойду одна. А тебе надо тоже побыть одному. Подумай. Обо всем, Паша, подумай. И я все обдумаю. В нашей жизни, Паша, нам предстоит принять нелегкое решение.

Вера надела шапочку и, грустно улыбнувшись, сухо чмокнула Ключфта в щеку. Странно, но он даже не пытался ее остановить. Он не пытался одеться и побежать за ней! Он словно согласился с этой неизбежностью временной разлуки! Такое было с ним впервые!

Ключфт всю ночь не сомкнул глаз. Он думал о Вере. Он думал об их ребенке. Из головы почему-то не выходил образ уличного бродяги-богослова со странным именем. Человека, который, словно ворон в окно, влетел в его жизнь и, каркнув, растворился в сумраке ночи. Ключфт думал о тех людях из Минусинска. О тех, кого он клеймил позором в своей статье. Но Павлу почему-то было их жалко. Он даже представлял, каково им сейчас в холодной камере тюрьмы? Что думают они? Что думают их родственники?! Как они страдают?!!

глава Четвертая

Утром Клюфт встал разбитым. Он чувствовал себя так, словно вчера весь вечер пил водку, а сегодня болел с похмелья. В редакции тоже не заладилось. Статья о Таштыпском прокуроре не понравилась Смирнову. Павел пару раз заходил к нему в кабинет, но разговор у них не клеился. Главный редактор был раздражителен и суров. Он сухо бросал короткие фразы и почему-то не предлагал Клюфту даже присесть. Так продолжалось почти неделю. Страшно длинную и нелепо-безликую неделю. Неделю моральных мучений и размышлений. Павла не порадовала даже его статья на первой полосе номера с этим жутким и нелепым названием: «Мерзость, несущая опустошение!» Он как-то внутренне съежился, еще раз читая, что написал о Минусинском суде. Клюфту казалось, что каждое его слово пропитано фальшью. Фальшью, которую обязательно почувствует читатель! Павлу было стыдно. Откуда брался этот стыд, он не понимал. Клюфт постоянно вспоминал их последний разговор с Верочкой. Ее слова звучали у него в голове, словно набат колокола. Колокол, который звонил низким и печальным звуком. Клюфт хотел поговорить со Щукиной. Он хотел ее увидеть! Но в тоже время он ловил себя на мысли, что боится этой встречи! Как он посмотрит в ее глаза? Как она отреагирует на него? Он

хотел ее видеть, но боялся! Такое с ним было впервые. И все же ноющая, постоянно точащая боль в сердце заставляла его искать Верочку. Искать. Ему надо было с ней встретиться. С ней, будущей матерью его ребенка! С ней, единственной, кому можно доверить все!

Павел обрывал телефон горкома, прося пригласить к трубке Щукину. Но Вера говорить с ним не хотела. Ключфт это чувствовал. На том «конце провода» регулярно отвечали, что Щукина либо сильно занята, либо уже ушла с работы. Павел с ужасом понимал, что Вера не хочет его видеть. Пойти к ней домой вечером Ключфт не решался. Да и настроение, когда над городом спускался сумрак, у Ключфта вообще портилось.

Пару вечеров он делал необъяснимые для себя вещи, бродил по Красноярску. Он ходил по темным улицам и искал. Искал человека в грязно-зеленом плаще. Ключфт заглядывал во все подворотни. Пару раз приходил на городской железнодорожный вокзал. Он надеялся встретить этого странного богослова с подозрительным именем. И самое необъяснимое, зачем Ключфту нужен был это человек, Павел не понимал. Ночами Павла мучили кошмары. Он просыпался в холодном поту. Долго лежал в темноте с открытыми глазами, пытаясь понять, был ли это сон?! И лишь когда его мозг понимал, что это его ночное видение, с трудом засыпал под утро. Но все когда-то заканчивается. Кончилась и эта противная и грустная неделя. Неделя мучений и недоверия к са-

мому себе. Неделя размышлений и одиночества.

В один из дней все изменилось. Утро было солнечным не по-декабрьски. Слабый морозец и голубое небо. Скрип снега под ногами и яркие краски города. Красноярск словно преобразился после серых, окутанных туманами и снегом дней. Настроение у Павла в это утро было приподнятым. Хотя он опоздал на работу. Банально проспал. Встал с постели лишь часов в десять. Но не испугался. Ответственность за опоздание его почему-то не тяготила. Ключфт словно предчувствовал: сегодня все изменится. Сегодня все будет хорошо, все не так, как всегда! И он был прав. Когда Павел прибежал в редакцию, его сразу же вызвали к «главному». Ключфт шел в кабинет Смирнова уверенный – тот ругаться не будет. И Павел не ошибся. Петр Ильич, увидев его, подскочил и, словно старому закадычному другу, крикнул:

– Паша! Ну, ты даешь! Молодец! Молодец! Опоздать на два часа! Ладно, я сегодня добрый, садись! Разговор будет крутой! – Смирнов при этом улыбался.

Ключфт насторожился. Он медленно выдвинул один из многочисленных стульев, стоящих в ряд вдоль длинного стола, и присел на краешек. Смирнов снял очки и начал их усердно протирать носовым платком. Павлу показалось, что он не знает, как начать разговор. Главный редактор стеснялся:

– Паша, тут такое дело. Наша ведущая, незабвенная Ольга Петровна Самойлова, которая постоянно пишет у нас анали-

тику и передовицы, неожиданно заболела! У нее воспаление легких, Паша, понимаешь?!

– Да, понимаю. А я-то тут причем? – Клюфт пожал плечами.

– Дело вот в чем, Паша. Нужно написать большую статью, посвященную первой годовщине конституции и главное статью о речи товарища Сталина про выборы в Верховный совет!

У Клюфта перехватило дыхание. Такое предложение или приказ означал: писать придется под пристальным вниманием не только главного редактора, но и секретарей крайкома и горкома партии! Такое ответственное поручение обычно давали уже проверенным и самым достойным в редакции людям. В «Красноярском рабочем» это была Ольга Петровна Самойлова. Настоящий журналист, закончившая факультет филологии Московского университета. Она, как никто другой в редакции, мощно и четко писала, пафосные статьи и подбирала такие нужные и емкие слова к речам великого вождя. Но сегодня....

Павел недоверчиво посмотрел на Смирнова. Было видно – тот сильно волнуется. Он водрузил очки на нос-картошку и постоянно шмыгал им. Раскрасневшийся лоб и одышка. Петр Ильич неестественно тяжело дышал.

– Что-то я не пойму, Петр Ильич, Ольга Петровна обычно брала такую работу даже на дом. У нее ведь есть дома печатная машинка. У нее есть разрешение на нее. Она писала

даже больной. Она никому никогда не уступала эту работу. Она писала такие статьи в самом плохом состоянии. Неужели она так тяжело больна?

Смирнов развел руками. Достал из френча платок и протер лоб. Отведя глаза, тихо пробормотал:

– Да, Паша. Она больна. Она сильно больна. И я боюсь, писать придется тебе. Придется. Мы, вернее я, все обдумал. Другой кандидатуры нет.

– Спасибо, конечно, за доверие, Петр Ильич. Но я все, же хотел бы сначала переговорить с Ольгой Петровной. Это будет как-то непорядочно с моей стороны. Я должен с ней поговорить. Я схожу к ней, домой, проведаю, как она себя чувствует! Может, ей легче? Может, она сможет написать? Что там подойти к столу и сесть за машинку! Нет, Петр Ильич. Я сначала схожу к ней.

Смирнов вдруг стал мрачный, как туча. Он грозно про-рычал:

– Никуда ты не пойдешь!

Клюфт не понял: то ли главный редактор его разыгрывает, репетируя какую-то реплику из новогодней пьесы про серого волка и зайца, то ли он просто шутит, разогревая голосовые связки. Клюфт улыбнулся и, встав, весело сказал:

– Вы знаете, Петр Ильич, я ей отнесу варенье! У меня есть в записке маленькая баночка малинового варенья! И ей будет приятно, и от редакции, так сказать, пожелаю выздоровления.

Но Смирнов налился кровью. Он смотрел на Павла пронзающим, полным ненависти взглядом:

– Нет, никакого варенья! Никуда ты не пойдешь!

Павел в растерянности замер. Он не знал, как себя вести. Еще минуту назад Смирнов был совершенно другим, добрым и простодушным человеком, и вот перед ним сидел настоящий монстр во френче оливкового цвета:

– Сядьте, товарищ Клюфт! Вы пойдете сейчас и начнете писать статью, о которой я вам сказал! Никаких походов к Самойловой! Чтобы я даже не слышал об этом!

– Но почему? Почему? Неужели редакции все равно! Заболел человек, и не просто человек – ведущий журналист! Почему бы не сходить к ней домой?

Смирнов опустил глаза в стол. Он тяжело дышал:

– Ее нет дома. И нечего к ней ходить!

– Как нет? Вы же сказали, она заболела? Она что, в больнице? Ее положили в больницу? Тем более нужно проведать! Да и мне посоветоваться нужно. Я схожу в больницу!

– Да ты слышал меня? Ты никуда не пойдешь! Ты пойдешь в свой кабинет и сядешь писать статью! Она должна быть готова уже завтра! Понял ты меня, Клюфт, или нет?! – заорал Смирнов.

Павел непроизвольно присел на стул. Он смотрел на главного редактора и не понимал, почему тот стал таким грубым. Петр Ильич вновь достал платок и вытер лоб. Затем, поднявшись, подошел к окну. На подоконнике стоял графин

с водой. Налив себе полный стакан, выпил одним залпом. Тяжелая одышка сотрясала грузное тело. Маленький и толстый, Смирнов казался сказочным персонажем, хомячком или медвежонком. Павел посмотрел на его ноги. «Главный» был обут в белые валенки.

Клюфт сидел и ждал. Он боялся произнести даже слово, чтобы не вызвать гнев у этого человека, одетого, как отставной полковник.

Смирнов долго смотрел в окно. Хотя за ним не было ничего видно. Мороз разрисовал стекло замысловатыми узорами. Петр Ильич вглядывался в эту белую абстракцию. Затем вернулся на свое место. Сел в кресло и закурил папиросу. Зажженную спичку он долго не тушил, наблюдая, как тлеет огонек. Наконец, маленькая палочка обуглилась и согнулась. Смирнов положил ее в пепельницу и тихо сказал:

– Ее арестовали, Паша...

Клюфт не понял, о ком он говорит. Арест. Кого арестовали? Но через секунду мозг Павла переварил информацию. «Арестовали Самойлову! Господи! Нет! Арестовали Самойлову! За что?» – лихорадочно бились мысли в голове, словно закипевшая вода в кастрюле.

– Паша, прошу тебя, иди в свой кабинет, садись, пиши статью! Пиши, Паша! И не задавай мне никаких вопросов! Я все равно не смогу тебе на них ответить, потому, как сам ничего не знаю, – Смирнов говорил это обреченным голосом, словно его самого вот-вот должны были арестовать.

Клюфт медленно поднялся. Петр Ильич не смотрел в его сторону. Он, стесняясь, прятал глаза. Павел попятился к двери. Он почувствовал, что ноги трясутся. Нет! Они тряслись не от страха, они тряслись от волнения. От этой неожиданной вести, о будущем человека, которого он считал своим профессиональным кумиром. «Самойлова! Она арестована. Неужели она тоже связана с этими страшными людьми?! Бред! Ольга Петровна – милый и душевный человек! Она никогда вообще грубого-то слова не говорила! И вот она арестована! Вера! Верочка, ее те страшные слова! У него дома! Ее исповедь, которую нельзя слушать! Неужели она права! Нет! Нет! Бред! Все это какое-то страшное недоразумение!» – Павел все еще не верил в то, что ему сообщил Смирнов.

Клюфт повернулся и нащупал холодный металл ручки двери кабинета. Петр Ильич его грубо окликнул:

– Стой! Иди сюда! Как ты будешь без этого писать! Это-то возьми! Возьми! И учти, сдашь мне лично! Бумаги пришли из крайкома партии, я за них расписывался! – Смирнов протянул несколько листов с текстом, распечатанным мелким шрифтом.

Клюфт медленно вернулся и взял протянутые ему бумаги. Он почувствовал кончиками пальцев, что они были гладкие и холодные. Павел покосился на верхний листок в пачке и прочитал:

«Речь товарища Сталина на заседании президиума Вер-

ховного Совета СССР».

Клюфт опустил бумаги и прошептал:

— Я могу теперь идти?

— Идите, товарищ Клюфт! И помните, какая на вас возложена ответственность! Думайте и вдумывайтесь в каждое напечатанное вами слово! В каждое! — Смирнов говорил это противным тембром, с каким-то металлическим присвистом в голосе.

Павлу вновь показалось, что говорит это главный редактор совсем не ему, а кому-то постороннему! Из кабинета он вышел словно в забытии. Секретарша Надя, жгучая брюнетка с покрашенными ярко-красной помадой губами, попыталась ему улыбнуться. Но девушка, увидев гримасу растерянности и страха, лишь ухмыльнулась. Она, поправив прическу на затылке, забарабанила пальчиками по клавиатуре печатной машинки.

Как Павел оказался в своем кабинете, он не заметил. Его поход по коридору редакции словно выпал из памяти. Клюфт плюхнулся на стул возле своего стола и положил рядом с печатной машинкой листы с речью товарища Сталина. Очнулся Павел лишь от прикосновения руки. Клюфт вздрогнул и обернулся. Димка Митрофанов смотрел на него немного испуганно, виновато улыбаясь. Его губы что-то бормотали, но Павел слов не слышал. Вновь, на этот раз увесистый, удар по плечу. Павел вздрогнул. Голос Митрофанова звучал словно издалека:

– Паша! Что с тобой? Ты меня вообще слышишь?!

Рыжая от веснушек физиономия Димки как всегда выглядела немного туповато. Его голубые маленькие глазки бегали, словно у озорного поросенка, нашкодившего в загоне. Митрофанов взглянул на стол и схватил листы с речью Сталина:

– О! Ни фиги себе! Вот это да! Тебе что, доверили писать передовицу?! Паша?! Неужели тебе доверили писать передовицу?! Паша?!

– Да... – Павлу не хотелось разговаривать с Митрофановым.

Ему было сейчас противно вообще кого-либо видеть. Он просто хотел побыть немного один! Закрыться в кабинете и посидеть в тишине. Помолчать и подумать! Но Митрофанов, этот выскочка-переросток, куда от него денешься?

– Пашка! Так ты теперь на место Самойловой? Вот здорово! А слышал, что ее арестовали! Слышал?!

– Нет... – соврал Клюфт.

– Пашка! Да ты что?! Об это сегодня вся редакция гудит! Все обсуждают! Все гадают, кому поручат писать передовицу?! И вот ты! Паша! Мать твою, очнись! Ты же теперь избранный! Ты ведущий! Пашка, какое счастье! – Митрофанов буквально подпрыгивал рядом с Клюфтом, постукивая его по плечу.

Клюфт тяжело вздохнул и кивнул головой.

– Ты что, не рад?! Паша?! Я что-то тебя не пойму, тебе

такое доверили, а ты?

– А что я? – тихо ответил вопросом на вопрос Павел.

– Как что? Ты не рад?

– Рад чему?! Что Ольгу Петровну арестовали, а я оказался на ее месте?!

– Да ты что, Павел? – Димка немного испуганно смотрел на друга. – Какая там Ольга Петровна? Она же, как я подозреваю, контра! Контра! А ты ее – «Ольга Петровна»! Самойлова, я не удивлюсь, наверняка с троцкистами связана! Она, как я замечал, давно как-то странно себя вела! Ты что, ее жалеешь? Паша, да ты что?! Радоваться надо!

– Чему? – зло спросил Клюфт.

– Ну как чему? – развел руками Митрофанов. – Одним перевертышем у нас в редакции меньше... – Димка попятился назад.

Его толстенькое тело неуклюже плюхнулось на стул. Митрофанов трясущимися руками, как заметил Клюфт, достал папиросу. «Этот-то что волнуется? Неужели Димке так радостно, что арестовали Самойлову? Ему-то что от этого? На ее место Димку никогда не посадят. Кишка у него тонка! Слаб он еще в журналистике! Он-то, почему так взволнован? Словно он боится чего?» – рассуждал Клюфт.

– Дим, а почему ты сказал: одним перевертышем меньше в редакции. Что, по-твоему, есть еще кто-то?

– Нет, просто я так, для слова, – испуганно забормотал Митрофанов. – Мало ли! Вдруг еще вражины есть? Затеса-

лись тут, понимаешь, среди нас! – Митрофанов пыхтел папироской, неловко держа ее двумя пальцами, часто затягиваясь.

– Хм, Дим, а если Ольга Петровна не виновна? Если это просто ошибка? Если это просто нелепая и гнусная провокация? Ты не допускаешь? Как ты потом в глаза ей смотреть будешь?! Когда она вернется?

Митрофанов надулся, как хомяк. Он опустил глаза в пол и зло пробурчал:

– Не вернется. Наши органы не дураки. Там не дураки сидят! Они кого попало арестовывать не будут! Если арестовали эту Самойлову, значит, есть за что! А вдруг она шпионкой была? А?! Как тогда?!

– Хм, Дим, а ты не боишься? Ведь ты с ней постоянно болтал. Просил ее научить тебя писать так же, как она?! Бегал к ней! Она тебя чаем поила! А вдруг и на тебя подумают? Вдруг и ты чего ей взболтнул там при беседах ваших, – зло, ехидным голосом спросил Клюфт.

Он с презрением смотрел на Митрофанова. Тот, скукожившись, вжал голову в плечи и был похож на разжиревшего и замерзшего воробья, сидящего на жердочке. Его руки тряслись. Но через секунду Димка выпрямился и, вскочив, зашипел, как змея:

– Что? Что ты такое несешь?! А?! Что такое?! Да! Я ходил к ней в кабинет! Да, мы пили с ней чай! Ну и что? Я ж не знал, кто она такая?! Откуда я знал? Да и что я мог ей раз-

болтать? Какие секреты? Я писал-то вон всякую мелочь, и мне никаких секретов никто отродясь не передавал! Я ни за что не расписывался! И брось болтать тут! Брось!

Клюффт улыбнулся. Тяжело вздохнув, тоже достал папиросу и закурил. Посмотрев на сизый дым, висевший облаком в кабинете, Павел встал и открыл форточку:

– Эх, Димка! Димка! Зависть он ведь самый противный из человеческих отрицательных рефлексов! Да-да, Димка, рефлексов! А ты, как я вижу, завидовал Самойловой! Завидовал и теперь радуешься? Чему, Дима? Кто тебе мешает стать ведущим корреспондентом? Никто! Перед тобой все дороги открыты! А вот завидовать, да еще и радоваться горю – противно и мерзко, Дима! Противно!

– Кому это я завидовал? Кому? Никому я не завидовал и попрошу на меня не намекать! – взвизгнул Митрофанов.

Он театрально погрозил Клюффту маленьким толстым пальчиком и сел на стул, тяжело дыша.

– Ладно, ладно! Садись и работай! Мне тоже вон надо работать. К завтрашнему утру мне статью напечатать надо. А тут, сам видишь, над каждым словом придется работать. Речь объемная у товарища Сталина, нужно взять самые важные куски!

Митрофанов словно ждал этого момента. Он с облегчением вздохнул и натянуто улыбнулся. Его щеки растянулись в гримасе с явной неохотой:

– Ну вот, ты тоже, Паша, тут всякие гадости говоришь. Я,

мол, разболтал Самойловой. Нет, ты так не говори больше. Не говори. Я это и слушать не хочу! Я же комсомолец, Паша! Прошу тебя, больше не допускай в мой адрес таких оскорбительных речей!

Клюфт хотел ответить. Но сдержался. Посмотрев на Димкино испуганное и злое лицо, Павел решил: пусть последнее слово останется за ним. Так будет лучше. Открылась дверь, и на пороге появился кошмар Клюфта. В проеме двери стояла Пончикова. Она зло смотрела на Павла. Вера Сергеевна улыбнулась и ехидным голосом тихо, словно нараспев, произнесла:

– Сегодня уведомляю ваш отдел, что вы оба должны быть на экстренном комсомольском собрании! В актовом зале! Не опаздывать попрошу обоих! И вы, товарищ Митрофанов, и вы, товарищ Клюфт! Оба приглашены! Вернее, оба обязаны быть, и никакие отговорки вам не помогут! Отсутствие будет расценено как нарушение комсомольской дисциплины, и в дальнейшем персональное дело каждого будет рассмотрено отдельно! Так что потрудитесь явиться! – Пончикова собиралась уже было закрыть дверь, но Клюфт успел ей крикнуть в ответ:

– Вера Сергеевна! Вера Сергеевна! У меня есть уважительная причина!

Лицо Пончиковой перекосила гримаса любопытства. Она хмыкнула и, скривив губы, буркнула:

– И какая же?

– Я пишу передовицу! Речь товарища Сталина! Вот буду завтра представлять в номер! Мне нужно работать!

Клюфт был уверен: «такой аргумент» собьет ее спесь и вредная корректорша сдастся и уйдет восвояси ни с чем. Но на удивление Павла, Вера Сергеевна скривила еще более мерзкую рожу и зло ответила:

– Я еще раз повторяю, никакие отговорки не помогут! Писать статью о речи товарища Сталина, нашего вождя и учителя – ваш святой долг и обязанность! Понятно! И вы будете делать это как хотите! Хоть ночью! Ночью и пишите! Ночью лучше думается, вы ведь так любите писать по ночам?! И, кстати, как говорит сам товарищ Сталин, партийная дисциплина превыше всего! Превыше, товарищ Клюфт! А комсомол – это большевицкая молодежная смена! Смена, товарищ Клюфт! И вы как комсомолец обязаны сделать все, чтобы ваша дисциплина была безупречной! Безупречной! И прикрываться статьей нашего вождя – это не по-комсомольски! В общем, ваше отсутствие будет расценено как неуважительное! В общем, в шесть начало! Чтобы были оба! – Пончикова развернулась и, хлопнув дверью, растворилась как страшное видение.

Клюфт еще долго молчал. Митрофанов, что-то бубня себе под нос, начал долбить по клавиатуре своей машинки. Металлический скрип молоточков с буквами превращался в противную симфонию триумфа несправедливости. Клюфт зажал уши ладонями и, сморщив лицо, крикнул:

– Дима, прекрати барабанить!

Митрофанов прервался, испуганно взглянул на коллегу.

– Дима, что за бред несла эта баба-яга? Какое собрание? Оно ведь было совсем недавно? Что такое? Что экстренного? Ты же все сплетни знаешь, поведай!

– Хм, в общем-то, ты бы и сам мог догадаться. Сам. Собрание связано с арестом Самойловой.

– А это-то тут причем? Самойлова не была комсомолкой! Она ведь член вэкапэбэ!

– Вот в том-то вся и фишка! Как я понял, собрание будет объединенным. Все члены партии и комсомольцы! Будем разбираться, как враг затесался в наши ряды! Как в дальнейшем этого избежать, ну и, как я подозреваю, клеймить позором эту Самойлову!

– Что значит «клеить позором»?! Она ведь еще не осуждена! Мы даже не знаем, в чем ее обвиняют. Как клеймить?! – возмущенно воскликнул Павел.

Но Митрофанов на этот раз отвечать ему не стал. Димка простодушно улыбнулся и, пожав плечами, шмыгнул своим веснушечным носом:

– Паш, да ты не кипятись. Успокойся. Работай вон! Придем на собрание, разберемся. Что мы опять из-за этого с тобой ссориться будем? Брось ты, Паша!

Клюфт подозрительно посмотрел на Димку. Тот изменился в лице. Простодушная маска вновь напозла на круглую физиономию. Дурачок и простофиля виновато улыбнулся и,

повернувшись, забарабанил по клавишам. Машинка повизгивала и, как строптивая лошадка скрипела, когда Митрофанов передергивал в ней бумагу рукояткой. Павел тяжело вздохнул и отвернулся. В глаза бросились белые гладкие листы с крайкомовской синей печатью и длинной, почти неразборчивой подписью в углу с входящим номером регистрации. Клюфт положил на них ладонь, пытаясь придавить бумагу со всей силы. Зазвонил телефон. Черный аппарат противно дребезжал, словно сигнал пожарной машины. Клюфт снял трубку.

– Мне нужен товарищ Клюфт, – услышал он такой нежный и желанный голос Верочки Щукиной.

– Алло! Клюфт у телефона! – пытаюсь придать тембру своего голоса деловитость, ответил Павел.

Он взглянул на Митрофанова. Тот напрягся, прекратив барабанить. Его явно интересовало, кто звонит коллеге.

– Паша. Это я!

– Да, слушаю вас, вы из горкома партии? Как ваша фамилия? – словно не узнавая Веру, ответил сухо Клюфт.

Ему не хотелось, чтобы Митрофанов догадался, с кем он разговаривает по служебному телефону.

– Паша, я поняла, ты не один. Ладно. Я буду говорить тебе кратко. Паша. Тут такое! В общем, нам надо срочно увидеться. Срочно, Паша! Это очень срочно!

– Я понимаю вас, товарищ Белкин, – Павел почему-то назвал выдуманную фамилию.

Первое, что ему пришло на ум, звонит бельчонок. Значит, она будет Белкина. Вера, словно догадавшись, ласково ответила:

– Паша. Я поняла, Паша. Нам надо сегодня встретиться! Срочно! В шесть на нашем месте! На углу проспекта Сталина и улицы Кирова!

– Извините, товарищ Белкин, в это время я занят! У нас срочное комсомольское собрание! Давайте завтра?

– Завтра? Нет, Паша, сегодня! Я буду тебя ждать возле твоего дома! Буду ждать, я не уйду, пока не дождусь! Паша! Я тебя люблю, – в трубке послышались всхлипывания.

Клюфт догадался: Вера плачет. Ему страшно захотелось как-то утешить ее и сказать что-то ласковое! Но Павел взглянул на Димкину спину и его покрасневшие от напряжения уши и понял: Митрофанов ловит каждое слово. Клюфт сдержался. Он лишь сухо ответил:

– Я понял вас, товарищ Белкин.

Но на том конце провода уже звучали короткие гудки. Вера положила трубку. Павел сидел за столом и тупо смотрел на листы. Белую лощеную бумагу с мелким текстом мозг не воспринимал. Мысли Клюфта были вне смысла важного документа. Ожидание чего-то страшного и мерзкого. Думать о работе не хотелось. Клюфт одну за другой курил папиросы. В большой чугунной пепельнице набралась целая гора окурков. Она, словно маленький вулкан, зловеще дымила. Павел затягивался, глотая горячий и едкий табачный дым, и, сощу-

рив глаза, читал текст. Но вникнуть в его смысл он не мог. А может, даже не хотел. Клюфт поймал себя на мысли, что речь товарища Сталина какая-то однообразная и в тоже время витиеватая и скользкая. Павел со страхом подумал: «Товарищ Сталин может говорить неправду. Может! Он ведь тоже человек! Он ведь такой же, как и все! И ему не чужды человеческие пороки! Ложь. Ненависть и презрение. Предательство. И главное – властолюбие! Это загадочное желание человека обладать властью! Властью над людьми! Над миллионами людей! Миллионами таких же, как я, Самойлова, Верочка, его друг и коллега неудачник и завистник Митрофанов! Все они сейчас в его могучей власти! Он один может решить их судьбу. В одно мгновение! Он один может сделать так, что все окружающие его люди просто исчезнут! Нет! Нет! Это не так! Товарищ Сталин не может быть таким же, как они все! Как он сам, Павел! Товарищ Сталин он особый! Он почти Бог! Он не может быть порочным! Он не может быть несправедливым и завистливым, потому как миллионы ждут его и надеются на него как на Бога! Нет! Стоп! Но Бога нет! Нет! Это говорит и сам товарищ Сталин! Но кто, же тогда этот человек в строгом френче с большими усами и хитроватой и немного злой улыбкой? Кто он? Он, который говорит, что нет Бога! Бога нет! А значит, и он не вечен! Сам вождь не вечен!» – Павел зажмурил глаза. Встряхнул головой. Такое с ним было впервые. Такое он думал первый раз. Думать и сомневаться! Но он, же никому это не говорит! Никто это не

узнает. Он же рассуждает сам с собой!

«Нет, так и до дурдома недалеко! Нет! Нет! Надо прекратить! Но почему, почему тогда тот странный человек ему так говорил?! Тот человек в грязно-зеленом плаще, назвавшийся загадочным и нереальным именем Иоиль? Его улыбка и сомнения. Он улыбался, он знал – Бог есть! Есть! И он, этот богослов, был этому рад! Он улыбался!» – терзался Павел. Клюфт затушил папиросу. На стол через край чугунного блюда посыпались окурки. Павел вскочил со стула и, схватив листы с речью Сталина, заходил по комнате. Страшные сомнения немного отступили. Ровные, почти безупречные слова мудрого вождя и учителя успокоили:

«Такие свободные и действительно демократические выборы могли возникнуть только на почве торжества социалистических порядков, только на базе того, что у нас социализм не просто строится, а уже вошел в быт, в повседневный быт народа. Лет десять тому назад можно было бы дискутировать о том, можно ли у нас строить социализм или нет. Теперь это уже не дискуссионный вопрос. Теперь это вопрос фактов, вопрос живой жизни, вопрос быта, который пронизывает всю жизнь народа!»

«Стоп! – Павел замер на месте. – А как же Самойлова? Как же те люди из Ермаковского района? Как же тот прокурор, буржуазный националист из Таштыпского района? Как они? Для них, почему не вошел этот самый социалистический быт?»

Павел тяжело вздохнул, эта статья о речи вождя ему дастся нелегко. Слишком много сомнений. Слишком много написано того, чего в реальной жизни нет. «Как же Ольга Петровна? Как она все эти годы писала эти статьи? Неужели не видела? Несовпадение написанного с реальностью? Неужели не сомневалась? А может, сомневалась и поплатилась за это? Господи! Господи!» – Павел с ужасом осознал, что он внутренне обращается к Богу, которого нет! – «Это все он! Это Иоиль! Этот богослов! Он виноват в его наступивших сомнениях! Он будто сглазил! Он!» – злился мысленно Павел.

– Ты что, Паша? – раздался голос Митрофанова.

Он словно опустил Ключфта с облаков его мыслей на землю. Павел хмыкнул носом и, отмахнувшись, буркнул:

– Да так. Интересный кусок речи вот для статьи нашел.

– Да? Что за кусок? Прочитай! – радостно попросил Димка.

Митрофанов как нерадивый ученик ерзал на стуле. Ключфт покосился на него и улыбнулся:

– Дим, мне некогда. Некогда читать. Сам потом почитаешь. Всю речь я тебе дам!

– Правда? Ты дашь мне эти документы? Они же секретные!

– Да какие они секретные? Это же речь нашего вождя товарища Сталина! Просто я за них расписался, а тут никаких секретов! Товарищ Сталин говорит, это все для народа! –

Павел вытянул руку вверх и указал на потолок.

Получилось это торжественно. Митрофанов даже закусил верхнюю губу. Его руки беспокойно сновали по коленкам. Павел чуть не добавил страшную фразу: «И врет для всего народа и вас, товарищ Митрофанов». Клюфту так захотелось это сказать. Он даже раскрыл рот. Но промолчал. Павел тяжело вздохнул и вернулся на свое рабочее место. Закурив очередную папиросу, он увидел, что она последняя в пачке. Нужно было идти в табачную лавку. А это одеваться. Лень!

Клюфт, попыхивая папирсой, сощулив правый глаз, чтобы в него не попадал дым, продолжил читать речь вождя:

«У нас нет капиталистов, нет помещиков, стало быть, и нет давления со стороны имущих классов на неимущих. У нас выборы проходят в обстановке сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции, в обстановке взаимного доверия...»

Клюфт вновь задумался. Он положил листы с текстом на стул и закрыл глаза. Страшные мысли вновь ворвались в его сознание:

«Доверия. Хм, доверия. А как же Митрофанов? Как же Пончикова? Как же Смирнов? Какое там доверие? Кому они доверяют? Самойловой? Нет! Они ее уже считают врагом народа! Уже! Никакого доверия нет! Нет! Нет, товарищ Сталин, нет никакого доверия! Ложь все это, ложь! Стоп! Стоп! Чертов богослов! Это он! Он! Я не доверяю самому товарищу Сталину! Ставлю под сомнения его речь! Что со мной?

Что? Сталин просто может не знать про это! Ну откуда вообще знать, что где-то в далеком Красноярске творится такое. Такие мелкие и гнусные интриги. Такая несправедливость, а может быть, и перегиб. Откуда? Он же не Бог! Он не всевидящий! Стоп! Опять про Бога! Опять! Я опять вспоминаю Бога! Его же нет! Почему мне все время хочется сравнить Сталина с Богом? Почему?»

Павел откинулся на стуле. Посмотрел на замерзшее окно. На улице уже смеркалось. В кабинете царил полумрак. Клюфт обернулся. Митрофанов читал какую-то книгу, включив настольную лампу с зеленым абажуром. Толстая фигура Димки шевелилась в полутьме. Он ерзал по стулу. Павел улыбнулся и, потянувшись, тоже включил у себя на столе лампу. Костяная, коричневая, она как жираф склонила голову абажура и засветилась неярким желтоватым светом.

– Я в табачную лавку пойду за папиросами, у меня кончились, – бросил Клюфт Митрофанову, вставая со стула.

– Угу, – буркнул тот, не отрываясь от книги.

– А ты что, заметку уже написал? – попытался привлечь к себе Димкино внимание Павел.

– Да, да, Паша. Не мешай. Я читаю очень важное произведение. Не мешай!

– Что ты там можешь такое важное читать не отрываясь, глотаешь страницу за страницей?

– «Капитал»! Маркса! Книгу всех времен и народов! – важно и как-то торжественно заявил Митрофанов.

– Что?

– «Капитал» Маркса! Вот, хочу осилить. Да и мне ведь нередко заметки про экономические показатели попадают-ся. Поэтому хочу быть, так сказать, подкованным! – склонившись над книгой и не глядя на Клюфта, ответил Димка.

Павел тяжело вздохнул. Надев полушубок, он пожал плечами. Намотал на шею шарф и натянул шапку. Еще раз, взглянув на Димку, хмыкнул носом и вышел из кабинета. На улице было холодно. Мороз сразу же накинудся на щеки и нос. Пощипывая кожу, он словно забавлялся с лицом. Павел сощурился. Противная поземка мела по тротуару своей невидимой метлой снег. Фары от редких машин светились сказочно, словно глаза огромных и страшных животных. До табачной лавки недалеко – всего несколько сот метров. Но Павел шел медленно. Он глубоко вдыхал свежий и холодный воздух. После закуреного и пропахшего табаком кабинета от этого воздуха даже немного кружилась голова. И вдруг...

На той стороне улицы он увидел его! Это был богослов. Грязно-зеленый длинный плащ. Немного вытянутая, словно яйцо, голова. Шапки нет. Ветер развивает волосы. Высокий силуэт двигался вдоль домов. Клюфт встал как вкопанный. Несколько секунд он наблюдал за этим человеком. Затем словно очнувшись, Павел побежал сломя голову.

– Иоиль! Богослов! Стой! Подожди! – крикнул Клюфт.

Богослов обернулся, но, увидев, что Павел догоняет его, втянул голову в плечи и лишь ускорил шаг.

– Богослов! Иоиль! Стой!

Павел бежал изо всех сил. Прохожие невольно оборачивались и смотрели на него. Богослов не останавливался. Он все ускорял шаг. Хотя бежать не решился. Павел настиг его на перекрестке. Клюфт схватил Иоиля за полу плаща и, тяжело дыша, спросил:

– Ты что убегаешь? Что, не узнаешь?

Глубоко посаженные серые глаза внимательно смотрели на него. Но в них не было испуга. Не было удивления. Огонек любопытства и только. Гладкая кожа на щеках бледна, словно богослов болен. Слегка горбатый нос даже не покраснел от мороза. Безупречно выбритый подбородок и щеки словно окрашены мелом. Вид у Иоиля был явно не здоровый.

– Богослов, ты что, не узнаешь? Ты же у меня ночевал полторы недели назад? Не признал что ли? – Павел тормозил Иоиля за плечо.

Клюфт тяжело дышал. Стремительный спурт утомил. Богослов посмотрел по сторонам и заговорил ровным голосом:

– Сын мой! Если ты примешь слова мои и сохранишь при себе заповеди мои так, что ухо твое сделаешь внимательным к мудрости и наклонишь сердце твое к размышлению! Если будешь призывать знание и взывать к разуму! Если будешь искать его как серебра и отыскивать его как сокровище! То уразумеешь страх Господень и найдешь познание о Боге! Ибо Господь дает мудрость из уст Его – знание и разум! Он сохраняет для праведных спасение! Он щит для хо-

дящих непорочно!

Клюфт заворожено смотрел на богослова. Он ловил каждое слово. Он хотел его остановить, но не мог. Иоиль видя растерянность Павла, улыбнулся и, положив руку ему на плечо, тихо добавил:

– Ты ведь об этом хотел меня спросить? Так ведь? О Боге? Что скажет Бог? Вот он тебе и сказал. Ты сам нашел ответ. И теперь ты уже не будешь сомневаться.

Павел сглотнул слюну и выдавил:

– Да, но я не об этом спрашивал, я не об этом...

– Хм, а я видел в твоих глазах, что об этом. Вижу. Тебе трудно.

– Да, но я не об этом... – Павел тяжело дышал.

Он слышал, как стучит в груди его сердце. Удары отдавались в виски. Губы от волнения высохли. Клюфт облизнулся, но язык был шершавым, как наждачная бумага. Даже глотать трудно. Иоиль еще раз похлопал Павла, пожал плечами и кивнул головой. Он словно соглашался с мыслями Клюфта:

– Ах да, конечно. Ты о несправедливости. Да, как я не догадался. Знай. Не будь лжесвидетелем на ближнего твоего, к чему тебе обманывать устами твоими? Не говори: как он поступил со мной, так и я поступлю с ним, воздам человеку по делам его! Сводящий праведных на путь зла сам упадет в свою яму, а непорочных наследует добро! Так вот!

Богослов взял Павла за руку. Клюфт почувствовал, что пальцы у Иоиля холодные, словно лед.

– Кто ходит непорочным, тот будет невредим, а ходящий кривыми путями упадет на одном из них! Помни это!

Богослов резко развернулся и пошел. Павел смотрел ему в след. Он хотел кинуться за Иоилем, но что-то ему не позволяло это сделать. Словно кто-то неведомый держал его за плечи, не давая ринуться вслед за высокой фигурой в грязно-зеленом плаще. Клюфт провожал ее взглядом, пока силуэт не затерялся в толпе прохожих и сумраке вечера. Павел несколько минут стоял не двигаясь. Он почувствовал, как горят щеки от мороза. Клюфт сощурился, пытаясь рассмотреть во мгле силуэт богослова. Но тщетно. Махнул рукой и двинулся к табачной лавке. Покупая папиросы, он даже не взглянул на продавщицу. Девушка удивленно рассматривала его лицо. Но Павел боялся поднять глаза. Он не хотел ни на кого смотреть.

«Кто ходит непорочным, тот будет невредим, а ходящий кривыми путями упадет на одном из них!» – звучали в голове последние слова Иоиля. «О чем это он? О чем?» – терзали мысли Павла.

Павел попытался закурить папиросу, но ветер мгновенно задул спичку. Павел достал еще одну, но и ее пламя погасло от напора воздуха. Клюфт развернулся спиной к ветру, пытаясь прикрыть коробок, но третья спичка тоже потухла.

– Черт! Черт! – Павел выплюнул так и не подкуренную папиросу и зашагал в сторону редакции.

Пока он шел, совсем стемнело. Морозный вечер и ветер

совсем испортили настроение. Клюфт вспомнил, что сейчас надо будет еще идти на собрание.

– Вот только этого мне не хватало! – возмутился он вслух.

В кабинет он вернулся мрачнее тучи. Митрофанов закончил читать «Капитал» и барабанил текст на машинке. Когда хлопнула дверь, Димка оторвался от работы и радостно воскликнул:

– А знаешь, Паша, я завтра Смирнову статью принесу. Просто вот возьму и принесу. На экономическую тему! Как внедряются в жизнь установки партии и как это переплетается с учением Маркса!

Клюфт, молча, разделся. Он не хотел вступать в полемику с другом. Он хотел тишины и покоя. Тем более еще не написано ни строчки в передовицу. А писать надо. Иначе опять предстоит бессонная ночь. Вновь тащить домой машинку не хотелось. Ночевать в кабинете тоже. Поэтому Павел уселся на стул и, согревая дыханием озябшие руки, взглянул на текст. Он представил, читая мелкие буквы, как эти слова говорит Сталин. «Интересно, какого вождь роста? Выше или ниже богослова? Как он ходит, так же быстро, как Иоиль или медленно и степенно? – рассуждал Павел. – Почему я сравниваю товарища Сталина с этим проходимцем? Бред, нет, этот богослов явно ненормальный! Нет, зря я его не сдал в милицию! Подозрительный и совсем опасный тип!» – думал Клюфт.

– Паша, что опять случилось? Что с тобой, на тебе же лица

нет! – услышал Павел за спиной голос Димки.

Руки согрелись. Ключфт достал папиросу и подкурил. Он получил удовольствие, втягивая теплый дым.

– Паша, я тебе говорю, что случилось? Ты опять кого-то встретил? – не унимался Димка.

– Ничего, Дима. Ты мешаешь мне сосредоточиться. Помолчи. Мне надо статью писать. Передовицу, между прочим.

– Да я так, просто. У тебя лицо, как будто ты увидел на улице призрак или покойника! Страшно смотреть. Если не хочешь разговаривать, буду молчать, – обиделся Димка. – Между прочим, уже надо идти на собрание. Вот-вот шесть пробьет.

Павел вздохнул и посмотрел на часы. Это были настоящие ручные швейцарские часы, которые ему остались от отца. Незадолго до смерти Ключфт-старший подарил их сыну со словами: «Сынок, многие родители, умирая, отставляют своим детям наследство. Кто-то деньги, кто-то украшения, кто-то дом. А я вот не смог тебе ничего этого оставить. Но я не жалею об этом. Так решено судьбой. Но я все-таки не хочу уходить из жизни, не оставив совсем ничего после себя. И поэтому вот – часы, которые в свое время подарил мне твой дед. Они куплены им в Швейцарии. Это очень точный механизм, и фиксирует он самое дорогое, что есть у человека – время. Его нельзя измерить никакими деньгами и ценностями. Время бесценно! И теряя его, мы даром, бесполезно теряем часть своей жизни, которая могла бы принести

радость не только нам, но и другим людям. Помни об этом, сынок. И глядя на часы, которые я тебе дарю, вспоминай о том, что я тебе сказал!»

Тогда к словам отца Павел отнесся легкомысленно. Все-рьез принимать их не стал. Часы он спрятал в свой тайник под полом и долгое время никому не показывал. Он их вообще не доставал. Но после окончания техникума и трудоустройства в горком партии ему просто необходимо было знать, который час. Работа оказалась суетная, и опаздывать было нельзя. И Павел достал семейную реликвию из тайника. С тех пор Павел с часами не расставался. Частенько смотря на циферблат в серебряном корпусе, он вспоминал лицо отца. Вспоминал глаза матери. Ее теплые руки и ласковый голос.

Сейчас Павел, словно вновь услышал, что тогда сказал ему Клюфт-старший: «Время бесценно, и теряя его, мы даром, бесполезно теряем часть своей жизни, которая могла бы принести радость не только нам, но и другим людям».

«Неужели он чувствовал свою смерть?! Неужели человек, перед тем как умереть, чувствует это?! А что там, за тем барьером, который и называется смертью? Неужели пустота? Темнота? Неужели все на этом и заканчивается? Нет, так не может быть. Там есть что-то? Ну что? Бог? Есть Бог? Нет! Опять! Богослов чертов! Это он! Я опять задумался о том, что есть Бог! Что раньше во мне не вызывало никаких сомнений! Нет! Бога нет! Это все выдумки! Есть просто смерть

и вечный покой! Просто память! Память, как странно, но тогда зачем она нужна? Кому нужно, чтобы мы помнили усопших? Нам? А зачем? Ведь все смертны, все! Ни для кого нет исключения, даже для великих! Но тогда выходит, что и Сталин умрет? Товарищ Сталин, идеи которого будут жить вечно, просто умрет в своей постели? И будет таким же, как и все простые умершие, покойником, которого закопают, или положат в мавзолей рядом с Лениным! Нет! Это уже перебор! Просто перебор! Нет!» – Павел даже испугался своих мыслей.

Он закрыл глаза ладонями. Качая головой, пытался выбросить из головы эту чушь. До его плеча дотронулись. Клюфт вздрогнул и обернулся. Испуганный Димка смотрел на друга широко раскрытыми глазами.

– Паша! Паша! Нужно идти! Нам идти на собрание надо, ты вообще не заболел часом?

Павел вздохнул, встряхнулся, словно после кошмарного сна, и, подкуриив папиросу, тихо ответил:

– Нет, Дима, нет, все в порядке. Все в порядке. Иди, я приду. Иди мне место в зале займи. А то, как всегда мест не хватит.

Митрофанов закивал головой и, виновато улыбаясь, попытался назад. Он смотрел на Клюфта, как санитар в больничной палате смотрит на умалишенного. В его глазах огонек страха сменился на нехороший блеск разочарования. Павел в последнее время замечал, что его друг стал каким-то

скрытым и немного странным. Он то – беспрестанно улыбался и хохотал без причины, а то, затаившись и нахохлившись, пристально следил за Павлом и молчал. Митрофанов выскользнул из кабинета и тихо прикрыл за собой дверь. Ключфт улыбнулся и взглянул на окно. Узор волшебника-мороза на стекле блестел и переливался холодными искорками отражения уличных огней.

глава Пятая

Когда Павел вошел в актовый зал, то страшно удивился. Он ожидал увидеть забитое народом помещение. Но на этот раз все было иначе. Большая часть кресел была свободной. Люди сидели только на передних двух рядах. «Актовый зал» на самом деле был большой комнатой с тремя широкими окнами. Редакция газеты находилась в огромном четырехэтажном доме с лепниной на фронтонах и красивом карнизе на крыше в стиле барокко. Особняк, который выглядел не хуже европейских строений в каком-нибудь Ганновере, построил богатый сибирский купец. После революции дом, естественно, экспроприировали. Хотя этого делать и не надо было. Хозяин сбежал в Америку, не дожидаясь, когда его и семью расстреляют «красные» за пособничество армии Колчака. Все, что осталось в доме: мебель, утварь и остатки хозяйской посуды и библиотеки разграбили революционно настроенные солдаты и рабочие. А вскоре здание передали редакции газеты. Теперь в этом особняке, где при старом режиме жила лишь одна семья и ее прислуга, работали около двух сотен человек. Под актовый зал приспособили большую столовую с красивыми обоями и камином, люстрами-бра и зеркалами на стенах. Зеркала зачем-то разбили, хотя говорят, их купец привез специально из Венеции. А камин с ажурной кладкой

снесли за ненадобностью. На его месте сколотили деревянную сцену и оббили ее красной материей. Вот в этой столовой, а теперь актовом зале, и проходили все важные собрания коллектива газеты.

Обычно комсомольские собрания – а Павел присутствовал на трех из них – проходили при большом стечении народа. На них кричали до хрипоты и спорили. Ругались и говорили похвалу. Сборы длились несколько часов. Правда последнее собрание превратилось в скучное и формальное заседание. Народа хоть и собралось много, но все пришедшие комсомольцы редакции вели себя осторожно. Конечно, яростно хлопали, когда упоминали имена Сталина и Ленина, свистели, когда говорили о троцкистско-бухаринском заговоре, но активности не проявляли. Люди боялись взять инициативу и выступить, хотя Пончикова как комсорг не раз предлагала залу слово. Но смельчаков не нашлось. Тогда на собрании клеймили позором врагов народа, арестованных в Ленинградском обкоме. Эта «словесная экзекуция» осуждения была шумной и слаженной, но, как показалось Павлу, неискренней. Хоть и говорились гневные речи, но звучали они как заученные плохим учеником стихи у доски в присутствии строгого учителя. Выступавшие нередко заикались от волнения. Многие ораторы откровенно читали свои слова по бумажке. На этом собрании, как показалось тогда Павлу, витал дух фальши и обмана. Обмана самих себя. Все с нетерпением ждали, когда будет исчерпана повестка и мож-

но будет покинуть зал.

Сегодня все было по-другому. И хотя на сцене традиционно стояли сдвинутые друг к другу три стола, красной скатерти и графина со стаканом на них не было. Не висел за спиной президиума и большой портрет товарища Сталина, который обычно вешался на собраниях. Вместо него на стене прикрепили маленькую фотографию вождя. В президиуме сидели Пончикова, рядом с ней партийный секретарь газеты Иван Сергеевич Абrikосов, седой старик в очках. По правую руку от него примостился главный редактор Смирнов. И наконец, рядом с ним сидел незнакомый Павлу человек в форме сотрудника НКВД, зеленом кителе и красных петлицах с двумя алыми шпалами на них. Этот незнакомец насторожил Павла.

На трибуне выступал корреспондент отдела сельского хозяйства Игорь Крутиков. Клюфт даже не попытался вслушиваться. Он хотел лишь одного – чтобы не заметили его опоздания.

Клюфт потихоньку пробрался к передним рядам и, стараясь быть не замеченным, уселся на свободное кресло. Но Пончикова хлопнула по столу ладошкой и, прервав докладчика, громко сказала, обращаясь к залу:

– Ну, вот вам, товарищи, яркий пример. Пример разгильдяйства и равнодушия. Вот посмотрите: корреспондент отдела новостей товарищ Клюфт опоздал! Это очередное нарушение комсомольской дисциплины! Хотя я, товарищи, сего-

дня персонально предупредила товарища Ключфта о времени собрания. Но, видно, товарищу Ключфту на это наплевать!

Павел ощутил на себе десятки взглядов. Присутствующие в зале непроизвольно обернулись и посмотрели на него. Ключфт почувствовал себя экзотическим животным в клетке зоопарка. Он привстал с кресла и вполголоса ответил:

– Извините, товарищ Пончикова, прошу прощения, товарищи, но я думал, что еще ничего не началось, вон ползала пустые. Нет комсомольцев многих. Так что я не виноват. Может быть, вы слишком рано начали? Народ-то надо подождать.

Пончикова зло ухмыльнулась. Немного пригнувшись, словно пытаясь пристальней рассмотреть лицо Павла в полумраке зала, гнусно прохрипела:

– А тут не надо никого ждать. Все, кто должен прийти, уже в зале. Собрание отменили. Тут экстренное заседание активов комсомольской и партийной ячеек, а также всех заведующих всех отделов редакции. Экстренное! Так что ждать никого не надо, товарищ Ключфт. Если бы вы не опоздали, то знали бы это, а так я повторяю все специально для вас!

Павел невольно встал в полный рост и, оглядев зал, ответил удивленно:

– Тогда я вообще не понимаю, зачем я тут?! Я же не член актива и не начальник отдела?!

Но Пончикова тут, же парировала его вопрос:

– Нет, товарищ Ключфт. Вас вызвали специально! Вы у

нас в повестке дня. Так что садитесь, садитесь, до вас дело дойдет! А пока послушайте выступления ваших товарищей и вникайте в тему! Может, тоже чего скажете! – Пончикова взглянула на гостя-нквдэшника и виновато улыбнулась.

Майор кивнул головой ей в ответ. Вера Сергеевна гаркнула довольным голосом:

– Продолжайте, товарищ Крутиков!

Игорь Крутиков, высокий парень в круглых очках и с короткой стрижкой под бобрик, вытер со лба пот носовым платком и дрожащим голосом продолжил читать с трибуны свое выступление по бумажке:

– Таким образом, наш коллектив комсомольцев не смог рассмотреть в бывшем корреспонденте отдела политики гражданке Самойловой ярко выраженного троцкиста и бухаринца! Она, ловко завуалировавшись под ярого сторонника социализма, на деле и в быту пропагандировала преимущества буржуазного капиталистического строя! Она, товарищи! За чашкой чая не раз вспоминала о тех годах, когда наша страна жила под гнетом капиталистов и буржуев! И вспоминала с восхищением! Пыталась в нас зародить сомнение правильности курса нашей любимой партии! Курса, продиктованного лично товарищем Сталиным! Курса, по которому идет самая передовая и прогрессивная в мире молодежь! И никто из нас не мог, а может, и не хотел остановить ее зловердные разговоры! И это, товарищи, позор! Позор нам всем, товарищи!

Павел первые минуты не понимал, о ком говорит Крутиков. Но постепенно до него дошел смысл слов корреспондента отдела сельского хозяйства. Ольга Петровна Самойлова! Крутиков клеймил позором именно ее! Клюфт в страшном изумлении слушал эту скомканную и нервную речь своего коллеги, читавшего слова с испугом и неприкрытой фальшью в голосе. Павел слушал и не понимал, почему Игорь, человек, который еще два дня назад лебезивший перед Самойловой и не раз, бегавший к ней в кабинет, чтобы разжиться сахаром (Ольга Петровна никому в этом не отказывала), теперь говорил такие страшные слова? Почему?

Клюфт сжался и тяжело вздохнул. Он почувствовал внутренний дискомфорт, перемешанный с мерзостью и отвращением ко всем присутствующим. Павел еще раз обвел взглядом президиум. Смирнов и Абrikосов сидели, опустив глаза, читая какие-то бумаги на столе. Пончикова с ехидной улыбкой пялилась на Крутикова, довольно кивая головой после каждого его слова. Дальше гость. Этот майор. И вдруг Павел ощутил на себе тяжелый взгляд энкаведэшника. Маленькими, словно угольки, глазками он пристально наблюдал за Павлом. Клюфту стало не по себе. Этот приглашенный следил за каждым его движением! Их взгляды встретились. Почти безразличное гладко выбритое лицо, квадратные усики под носом и толстые, как вареники, губы. Противный нос в виде крючка. Низкий лоб.

Павел заерзал на стуле. Гость из НКВД – такое было впер-

вые. Зачем он здесь? «Может, пришел рассказать, в чем обвиняют Самойлову? Пусть расскажет, хоть не будет слухов и разговоров. Нелепых небылиц и обвинений. Пусть скажет. Так будет легче всем. А если он пришел не для этого?! А если...» – Павел испугался своих мыслей.

Крутиков закончил свое выступление и все захлопали. Клюфт тоже непроизвольно ударил в ладоши. Пончикова поднялась и торжественно заявила:

– А теперь, товарищи, я хочу предоставить слово секретарю партячейки товарищу Абрикосову. Участник гражданской войны, товарищ Абрикосов давно вычислил эту страшную предательницу Самойлову. И лишь благодаря товарищу Абрикосову нам удалось сообщить в органы о враждебной деятельности троцкистки Самойловой! Прошу вас, товарищ Абрикосов!

Иван Сергеевич нехотя встал со стула, но к трибуне выходить не стал. Абрикосов протер очки и хриплым голосом заговорил, не поднимая глаз в зал. Старик стеснялся своих слов, говорил медленно и делал большие паузы:

– Товарищи, все это очень печально. Я знаю Ольгу Петровну... вот уже десять лет. Она,... безусловно, талантливейший журналист. Но то, что она встала на этот страшный... и неправильный путь, для меня, поверьте, потрясение. Мне стыдно, товарищи. Стыдно и горько. Проливая кровь в борьбе с бандами Колчака, мы верили – придет светлое будущее, и вот оно уже почти пришло... Но есть, есть еще такие люди,

которые не хотят, чтобы оно наступило. И очень жаль, что Ольга Петровна... оказалась в их стане. Жаль... Мне стыдно, товарищи, вот, наверное, все, что я хотел сказать...

– Иван Сергеевич набрал воздух в грудь и замолчал.

Он сел и как-то обреченно склонил голову. Никто в зале не издал и звука после его выступления. Пончикова растерянно закрутила головой, не зная, что делать. Встал энкавэдэшник. Майор улыбнулся, поправив португеею и ремень, кивнул головой и громко и радостно заговорил:

– Товарищи, меня вот вам почему-то не представили. Я исправлю эту ошибку. Меня зовут Олег Петрович Поляков. Я заместитель начальника краевого управления НКВД. Ну, в общем, точную должность я называть не буду, это вам ни к чему знать. Что я хочу сказать, товарищи! Вот тут товарищ Абрикосов как-то выступил не по-партийному! Какая-то в его словах скользит унылость! Товарищ Абрикосов! Почему же вы считаете, что светлое будущее может не прийти? Оно уже, как мне кажется, пришло! Есть уже такие радостные достижения, от которых отмахнуться нельзя! Товарищи! Как говорит наш вождь и учитель товарищ Сталин: жить стало лучше, жить стало веселее! – майор сделал паузу.

Все напряженно слушали и молчали. Повисла тягостная тишина. Энкавэдэшник недовольно взглянул на Пончикову. Та, очнувшись, яростно забила в ладоши:

– Слава товарищу Сталину! – подскочила со стула Вера Сергеевна.

Все встали и зааплодировали. Павел тоже медленно поднялся. Ему сейчас было интересно смотреть на лица людей, своих коллег, сидевших рядом.

– Слава товарищу Сталину, нашему вождю и учителю! Не пройдут никакие происки никаких врагов! Мы – смена партии – дадим самый решительный отпор! – послышался одинокий звонкий голос откуда-то сбоку.

Павел в этих криках с удивлением узнал тенор Димки Митрофанова. Довольная Пончикова глядела на этого выскочку и улыбалась. Аплодисменты стихли, майор кивнул головой и продолжил. Но на этот раз он говорил сухо. Даже, можно сказать, угрожающе. В его словах слышались нотки презрения:

– Вот, товарищи, вот! Есть, конечно, еще у нас негатив. Есть. Такие люди, как Самойлова могут вот парализовать работу целой краевой газеты! А что такое газета? А? Газета – это рупор партии! Газета – это оружие! Стратегическое, идеологическое оружие! И если парализовать работу целой редакции, представляете, что может быть? А? Вот так-то, товарищи! Вот так! А Самойловой это почти удалось! И, к сожалению, партийная и комсомольские организации долго тянули с тем, чтобы сообщить нам о враждебной и преступной деятельности Самойловой. Нехорошо это, товарищи! Нехорошо! И вот я сегодня пришел сюда... – но тут энкавэдэшника прервали.

Неожиданно Клюфт поднялся и громко сказал. Он крик-

нул этому человеку в кители оливкового цвета с красными, словно капли крови, петлицами одну фразу. Павлу показалось, что он говорил, целую вечность. Он вообще не понимал, почему он это сделал. Все было как во сне. Словно кто-то неведомый поднял его с кресла и заставил крикнуть эту фразу:

– А если она не виновата? В чем ее обвиняют, расскажите?!

Майор молчал. Он стоял явно растерянный. Весь зал замер. Но через мгновение энкавэдэшник пришел в себя и виновато улыбаясь, ответил:

– Вообще-то, я не должен перед вами отчитываться. Это может быть секретом следствия. И я могу сам нарушить закон. Но я сделаю исключение. Сделаю, потому как вы – не обычные люди. Вы бойцы идеологического фронта! Вы сотрудники газеты! Значит, вы имеете право знать эту страшную правду! И я скажу! Гражданка Самойлова оказалась немецкой шпионкой! Вот так-то, товарищи! Она была руководителем одной из подпольных троцкистско-бухаринских групп, которые действовали в нашем крае! И сейчас она называет имена своих сообщников, и в ближайшее время мы арестуем и их! Вот, товарищи, кого вы тут пригрили! Шпиона! Шпиона, работавшего на страну, где к власти пришли нацисты! Фашисты! Пришли те, кто помог задушить революцию в республиканской Испании! Вот так, товарищи!

В зале повисла гробовая тишина. Ключфту показалось, что

он слышит, как у его коллег бьются сердца. Страх неведомой пеленой опустился на помещение. Павел сам испугался так, как не пугался ни разу в жизни! Ему стало холодно от этого парализующего страха, затем бросило в жар!

«Самойлова – шпион! Германский шпион! Вот это да! А если это правда? Если с ней работали еще какие-то помощники и они среди его коллег? Если они сейчас сидят в зале? Этот майор говорит о группе! Самойлова называет фамилии!»

Майор стоял довольный. Он ухмылялся и видел, что своей речью всех этих людей превратил в забитых и робких существ, которые даже боялись дышать. Он стоял, как палач возле плахи, с которой только что покатила отрубленная им голова.

Энкавэдэшник продолжил:

– И я пришел к вам сюда сказать, товарищи, чтобы вы были более бдительными! Более тщательно смотрели по сторонам. Слушали! И отсеивали все лишнее. И главное, если есть какие-то сомнения относительно человека, сообщали нам. Мы-то уж быстро примемся и выясним, враг он или нет! Тяжелые времена надвигаются, товарищи! Империалисты всего мира спят и видят, как задушить наше советское государство. Не удастся извне, потому как наша народная рабоче-крестьянская красная армия непобедима! Эти капиталистические мракобесы пробуют задушить наше государство изнутри. Организуют саботажников! Организуют диверсан-

тов и вредителей! Вся эта нечисть пытается разладить наш быт, нашу промышленность, да и просто озлобить народ! Товарищи, сообщайте нам. Сам нарком внутренних дел товарищ Ежов поставил задачу: в ближайший год переломить хребет этой гидре троцкистско-бухаринской! И мы выполним задачу товарища Ежова – верного соратника и ученика великого Сталина!

Майор вздернул руку вверх. Пончикова ждала этого сигнала. Она соскочила и заорала, как раненый носорог:

– Слава товарищу Сталину! Слава товарищу Ежову! Слава родной партии большевиков!

В зале после клича комсорга испуганно повскакивали с мест. Митрофанов взвизгнул, вторя Пончиковой:

– Смерть врагам народа!

Но его лозунг никто не подхватил. Испуганные люди лишь кричали «ура» и оббивали ладошки в овации. Клюфт старался не отличаться. Он тоже аплодировал что есть силы. Как показалось Павлу, на него косился энкавэдэшник.

Когда овация смолкла, Пончикова махнула рукой. Майор сел первый и снизу вверх посмотрел на стоящего рядом Абрикосова. Старик отвел глаза и, кряхтя, опустился на стул. Энкавэдэшник шепнул Ивану Сергеевичу, и тот кивнул головой.

Вера Сергеевна покосилась на гостя и громко крикнула:

– А теперь, товарищи, будем заслушивать тех, кто сам захотел выступить!

Клюфт с облегчением выдохнул. «Сейчас выйдет пара болтунов и все закончится. Только бы скорее. Только бы уйти с этого странного и страшного собрания!» – подумал Павел.

– Слово предоставляется корреспонденту отдела новостей товарищу Митрофанову! Прошу! – неожиданно рявкнула Вера Сергеевна.

Павел замер. «Димка! Неужели он сам напросился говорить тут? Неужели? Он сам, не раз, смеявшийся над Пончиковой, вот так ей пытается угодить? Нет! Не может быть!» – вихрем крутились в голове мысли у Павла.

Митрофанов влетел на трибуну, как поплавок от удочки, вынырнул из глубины на гладь реки. Он вскинул голову, гордо подняв подбородок и, глядя в потолок, словно читая закливание, громко заговорил. Его голос звучал звонко. Димка даже внешне изменился. Он преобразился из «подростка-переростка» с рыжей от веснушек физиономией в эдакого «захватского парня». Клюфт опустил голову вниз, чтобы никто не увидел на его лице улыбки. Павла разбирал смех. Но это был смех на грани плача. Безумие происходящего перепутало эмоции. Павлу казалось, что все это – какой-то спектакль, поставленный по пьесе сумасшедшего драматурга!

– Друзья мои! Скажите мне! А имеем ли мы право называться, советскими журналистами? Имеем ли мы право смотреть нашему рабоче-крестьянскому читателю в глаза?! Да! Имеем или нет?! – напрягал свои голосовые связки Дим-

ка.

Он то и дело поднимал руку и вытягивал ее, словно ука-
зывая путь:

– Одна ошибка нерадивого журналиста может стоить
огромному количеству народа огромной беды! Да! Ошибся
я! Ошибся еще кто-то и все! Наш народ может нам не пове-
рить и не простить! И когда среди нас работает враг, и мы
не можем его раскусить – это тоже преступление! Да! Пре-
ступление перед комсомолом! Перед нашими старшими то-
варищами из партии, перед всем советским народом! И мне
стыдно! Да, стыдно! Что я, как и все мои товарищи, рабо-
тавшие и общавшиеся с этой буржуазной гадиной Самойло-
вой, не смогли узнать в ней врага! И я как советский человек,
как комсомолец готов понести ответственность! Готов ска-
зать: я тоже виноват! И я хочу просить наши родные органы,
сотрудников НКВД как можно суровее покарать эту преда-
тельница и шпионку! Требовать самой суровой, самой бес-
пощадной кары для нее! И я надеюсь, что меня поддержат
все мои товарищи и коллеги! – Митрофанов хлопнул ладо-
шкой по краю трибуны.

В зале раздались жидкие аплодисменты. Клюфт сидел и
слушал эту Димкину ахинею. Павел с каждым словом свое-
го друга словно входил в эмоциональный штопор. «Что он
говорит? Что он несет? Какая кара? Еще ведь ничего не из-
вестно! А может, они ошиблись? Может, она никакая и не
шпионка? Может, этот майор пришел сюда, чтобы вот так

проверить всех? А завтра выпустят Самойлову, и она увидит, кто есть кто? И тех, кто ее оклеветал, самих привлекут? Нет! Бред! Бред!» – с ужасом думал Павел.

Но Митрофанов продолжал выкрикивать с трибуны нелепые слова. А в зале, словно кролики перед удавом, коллеги с трепетом и страхом слушали эту «речь обличителя»:

– И даже не в Самойловой дело! Я хоть и человек в газете, как говорится, новый и молодой, но все замечаю! Мы расслабились, товарищи! Да! В то время, когда наша партия, наш любимый вождь товарищ Сталин говорит и предупреждает об опасности, мы сами потворствуем буржуазным недобиткам! Потворствуем и ломаемся! Идем на поводу! Да, да! На поводу! Уступаем себе в малом, а в конечном уступаем врагам!

Над залом пронесся ропот недовольных голосов. Присутствующие переглядывались и, не понимая, куда клонит Митрофанов, спрашивали друг у друга, что он имеет в виду. Пончикова встала и, постучав ладошкой по столу, крикнула:

– Тише, товарищи! Тише! Соблюдайте тишину! Дайте товарищу Митрофанову закончить.

Димка прервался и с благодарностью смотрел на комсорга. В его глазах мелькнул огонек преданности. Такая искорка проскакивает у цепного пса перед хозяином, который выносит миску с кислыми щами и костью.

– Нет, товарищ Пончикова! – вмешался майор.

Энкавэдэшник приподнялся и, обведя взглядом зал, до-

бавил:

– Мне вот тоже лично не понятно, что имеет в виду товарищ Митрофанов? А? Поконкретнее надо! А то тут вот обвиняет весь коллектив в политической близорукости и потворстве буржуазной идеологии, я так вас понял, товарищ Митрофанов? А сам говорит расплывчато! Нет уж, если есть какие-то факты – говорите конкретнее! А так выходит, вы всех обижаете, и все имеют право возмущаться!

Пончикова прикусила губы и села. Она растерянно смотрела на майора. Тот ухмыльнулся и пожал плечами:

– Просим вас, товарищ Митрофанов, поясните, куда вы клоните! И не стесняйтесь, тут все свои, и критика, если она по делу, лишь на пользу!

Митрофанов слегка смутился. Димка шмыгнул носом и покосился на президиум. Майор развел руками и ехидно улыбнулся. Смирнов сидел красный как вареный рак, сжав ладони перед лицом и уткнувшись в них носом. Павел понял: главный редактор боится. Он боится каждого слова, а еще больше – каждого движения своего соседа в оливковом кителе с красными, словно капли крови, петлицами. Абрикосов тяжело вздыхал и кивал головой, словно старый мерин перед загоном на бойню. Его седая макушка двигалась вверх-вниз.

– А что, могу и примеры! – вновь уверенным голосом прокричал Димка. – Вот, мой друг и товарищ по работе, и вообще сосед по кабинету Паша Клюфт поддался на провокацию.

Он не устоял перед этой гадиной Самойловой. И написал, что она ему втемяшила! А втемяшила она ему страшные вещи! Страшные, товарищи!

Павел опешил. Он почувствовал, что у него вот-вот остановится сердце. Страх, пронизывающий все клеточки его кожи, окутал тело. К горлу подкатил комок. Клюфт почувствовал себя парализованным от ужаса. Все присутствующие невольно повернули головы и смотрели на него. Павел ощущал на себе любопытные и сочувствующие, а главное презрительные взгляды коллег.

– Да, товарищи! Как мне ни горько говорить, но я скажу! – продолжал свою речь Митрофанов.

Его голос слегка дрогнул. Димка тяжело вздохнул и, словно актер, развел руками, ища поддержки у зрителей:

– Да, вот его статья! Причем, как вы видите, на второй полосе нашей газеты! Почти сразу за передовицей! А как она называется? А? Как? И как такое название пропустил главный редактор? А называется она, товарищи, вот как! – Димка поднял вверх руку.

В его ладони был зажат номер газеты со статьей Павла: «Мерзость, несущая опустошение» о суде в Минусинске.

– Вот, товарищи, называется статья: «Мерзость, несущая опустошение!» А как вы думаете, откуда эта цитата? А? Думаете, сам Павел ее придумал?! Нет! Ничего подобного! Это статья из пресловутой книжки под названием «Библия»! Этого печатного опиума для народа! Этого издания по об-

дуриванию и одурманиванию нашего советского народа попами и буржуями! И врагами! «Мерзость, несущая опустошение»! Написано в так называемом Новом Завете от какого-то там... Матвея! Стих двадцать четвертый, строка пятнадцать! Можете проверить!

Над залом пронесся гул. Но это уже был гул возмущенных голосов. Павел опустил голову. Он не мог заставить себя посмотреть на трибуну. Хотя он так хотел в эти секунды взглянуть Димке в глаза!

А тот продолжал свою «обличительную» речь:

– И это не все! Я думал, это случайно! Тоже! Как вы! Но нет! Посмотрите на саму статью! Посмотрите! Вот что там написано: «Доколе невежи будут любить невежество? Доколе буйные будут услаждаться буйством? Доколе глупцы будут ненавидеть знание? Но упорство невежд убьет их, а беспечность глупцов погубит их! И придет им ужас, как вихрь! Принесет скорбь и тесноту! А мы посмеемся над их погибелью, порадуемся, когда придет к ним ужас!» Думаете, и это товарищ Ключфт сам придумал? Нет, как бы ни так! Это строки из так называемых притчей, стих первый, строка двадцать первая! И что же получается, товарищи?! Шпионка и троцкистка вбивает в голову комсомольцу эту заразу, и он все пишет, пишет для читателя! А рабочие и крестьяне края читают эту гадость! И все мы являемся как бы носителями этой буржуазной, религиозной заразы! Нет, товарищи! Я хочу, чтобы мой друг товарищ Ключфт очистился от этого всего

и сказал нам, что и он тоже осознает, что поддался на провокацию этой гадины Самойловой! И тогда и ему и мне станет легче! А мы, товарищи, впредь будем научены страшным уроком! Уроком отсутствия бдительности!

В зале повисла тишина. Тягостное молчание длилось несколько секунд. Но Ключфт успел услышать, как тикают на его руке часы. Скрипнул стул. Тяжелый вздох. И опять тишина.

— Ну, товарищ Митрофанов! Что-то вы разошлись, как холодный самовар! Все от себя да от себя! — прозвучал примирительный баритон майора.

Энкавэдэшник хмыкнул и покосился на Пончикову. Та испуганно хлопала ресницами.

— Пусть товарищ Ключфт сам скажет, пусть пояснит, как такое произошло? Ведь за этим его сюда и пригласили, как я понял? — уже сурово сказал майор.

Пончикова закивала головой и выдавила из себя:

— Да, да, конечно! — подскочив, она властно заорала: — Ключфт, вам слово! Встаньте и поясните нам всем, что это такое? Почему вы весь коллектив вот так позорите? Более того, так глумитесь? Ведь не каждый знает эту проклятую библию! Хорошо вон Митрофанов у нас бдительный, а то может, и дальше бы цитировали эти гадкие фразы? Как эта троцкистка и шпионка Самойлова умудрилась вас так облапошить?

Павел понял, что отсидеться ему никто не даст. Он собрал

всю свою волю в кулак, встал и почувствовал, словно кто-то неведомый и невидимый вдохнул в него энергию! А вместе с ней смелость и решительность. Клюфт презрительно посмотрел на Митрофанова. Тот не выдержал взгляда и отвернулся. Павел кивнул головой и громко сказал:

– Ерунда! Ложь! Все это ерунда и ложь! Никто мне ничего не говорил! Никто! И Самойлова тут ни при чем! Она меня не облапошивала! Никогда! Более того, я верю, что с Ольгой Петровной случилось недоразумение! И, кстати, насчет библии! Мне даже удивительно, что гражданин Митрофанов так досконально ее знает! И уж, не ему ли Самойлова ее и цитировала?

В зале вновь зашумели. Люди возмущенно галдели. Писались выкрики:

– Да! Дима! А как действительно ты узнал, что это библия? Ты что по ночам ее читаешь? Так точно знать еще уметь надо!

– И строчки выучил!

– И номера страниц!

– Нет, тут что-то не так!

– Может, Митрофанов врет?

– Может, и впрямь все свалить на Клюфта хочет?

Раздался вопль Пончиковой. Комсорг, вскочила над столом, словно колдун над жертвой:

– Нет, товарищи! Митрофанов прав! И он про библию сказал правду! Правду, товарищи! И все это верно! Это могу

и я подтвердить!

Но зал гудел и не хотел слушать Пончикову. Люди возмущенно кричали ей:

– А где он взял эту самую библию?

– Там же найти надо эти слова?

– Кто ему дал?

Пончикова заорала так, что показалось – в зале даже задрожали стекла на окнах. Истеричный крик обезумевшей бабы заставил всех замолчать:

– Это я дала ему библию! Я! Он попросил, и я дала! У нас в отделе корректоров есть многие книги, которые не рекомендованы для чтения простому читателю. Есть и библия. Но она есть для того, чтобы предупреждать вот такие эксцессы! И если бы не бдительность Митрофанова, мы бы, кстати, так и не узнали, что Ключфт цитировал библию!

Присутствующие смотрели на Пончикову, но больше ничего спрашивать не решались. Павел медленно сел. Но Вера Сергеевна увидела это и рявкнула:

– Вы, гражданин Ключфт, зря вот так присаживаетесь. Выйдите сюда в центр зала и поясните нам всем, как же так? Почему вы Самойлову слушали?

Павел вскочил и практически выбежал к трибуне. Митрофанов испугался. Он попятился. Димке показалось, что Ключфт бежит к нему, чтобы садануть ему в лоб! Чтобы повалить на землю и придушить! Митрофанов зажмурил глаза, съежился и присел. Но Павел до него не добежал. Он остано-

вился в метре от Димки. Клюфт обернулся и, гневно взглянув на стол, за которым сидел президиум, крикнул:

– Никто мне ничего не говорил! Это я заявляю как комсомолец! Никто! Могу поклясться! И я не знал, что эти строки из библии! Не знал! Я просто написал! Написал из своего ума! Вот так просто! И Самойлова, еще раз говорю вам, тут ни при чем! Она никогда не заводила речь о библии и вообще, о религии!

В зале вновь повисла тишина. Затем кто-то громко спросил:

– А почему тогда, как утверждает Митрофанов, слова так близки к тексту этой самой библии? Это словно цитата получается? Ты что, Паша, библию на память знаешь?

Пончикова подхватила эту идею:

– Да, выходит, Клюфт, вы на память знаете библию? И выходит, вы намеренно вставляете цитаты из этой книжонки в свои статьи? Это же идеологической диверсией пахнет! Как вы это объясните?

Павел тяжело вздохнул. Он уже открыл рот и хотел рассказать всем о «загадочном ночном госте». Об Иоиле! О его словах! Что этот странный богослов и сказал ему эту цитату из библии! И что Павел сам ни при чем, он просто послушал и поддался убеждениям странного человека! Но в последний момент Павел представил себе реакцию коллег, а главное членов президиума! Этого человека в оливковом кителе с красными петлицами! Как они отреагируют? Павел пустил

в дом «какого-то богослова». Рассуждал с ним на «такие темы» и главное, он писал в присутствии этого человека статью и слушал его подсказки! Да и где этот богослов? Кто поверит, что он вообще был!

Павел набрал воздух в легкие и тихо вымолвил:

– Я же пояснял, мне эти слова пришли на память, я просто их написал. Никого и ничего не имея в виду. Вернее, имея в виду. Имея в виду наказание для врагов-вредителей, и главное, я хотел заставить читателя задуматься о том, почему мы сами будем потворствовать существованию этих вредителей среди нас. Вот и все. Никакого религиозного умысла я не имел! То, что такие слова есть и в библии, я считаю полным совпадением. И все. Полным совпадением моих мыслей со словами из этой книги. Как это объяснить, я не знаю...

Пончикова ухмыльнулась и противно взвизгнула:

– Может, вы еще себя святым назовете?! У вас, как мы видим, и мысли со Святым писанием совпадают? А? Нам еще только святого в газете не хватает!

В зале раздался смех. Хохотал и энкавэдэшник за спиной. Майор смеялся долго. Павел обернулся и увидел, что офицер даже вытирает глаза носовым платком. Пончикова ржала как обезумевшая лошадь. Не смеялись лишь Смирнов и Абрикосов. Старик-партиец сочувственно смотрел на Клюфта, а главный редактор печально качал головой и вздыхал. Павел разозлился. Он презрительно сказал в сторону Пончиковой:

– А вы, я вижу, Вера Сергеевна, библию-то почитываете!

Раз так точно нашли эту цитату! Нашли и обрадовались. Нет бы сказать, главному редактору как корректор, что это печатать нельзя, а вы промолчали! И сейчас вот издеваетесь надо мной! Над товарищем Смирновым. Над всем коллективом! Научили этого недотепу, – Клюфт указал рукой на Митрофанова, – говорить, что выгодно вам, и радуетесь. Даже на собрание меня сюда заманили, ничего не пояснив!

– Что? Замолчите! Замолчите, Клюфт! – визжала Вера Сергеевна.

Пончикова с пеной на губах выскочила из-за стола и, подбежав к Павлу, встала рядом, упершись руками в бока. Она смотрела в зал и кричала:

– Не слушайте его! Он пытается очернить всех! Он пытается уйти от ответственности, не желая признать свои ошибки!

Коллеги испуганно молчали. Они изумленно наблюдали за этой «странной пьесой», трагедией-фарсом, разыгравшейся в актовом зале. И тут инициативу вновь проявил майор. Энкавэдэшник хрипловатым голосом сказал:

– Ну, Вера Сергеевна! Вешать эпитеты раньше времени, конечно, не надо. Товарищ Клюфт ошибся. Товарищ Клюфт признает свои ошибки. Ну, выскочила эта цитата! Ну и что? Разве там написано, что это цитата из библии? Нет! Вот и будем считать, что товарищ Клюфт со всей пролетарской ответственностью написал это о врагах, о вредителях. И, по моему мнению, эти слова подходят. И тут нет ничего страшно-

го!

Пончикова тяжело дышала и смотрела на Ключфта. Павел выдержал ее тяжелый взгляд:

– Я никаких ошибок признавать не собираюсь! Потому как я их не совершал! Статью я писал от чистого сердца и никаких скрытых намеков не делал! И все обвинения в мой адрес считаю ложью. Ложью и провокацией! А сейчас я прошу разрешить мне покинуть это собрание! Потому как я не являюсь руководителем отдела, и вообще ни каким бы, то – ни было руководителем!

Зал безмолвствовал. Все ждали, что скажет энкавэдэшник. Майор вздохнул. Криво улыбнулся и развел руками:

– Ну что ж. Если вот так комсомолец Ключфт выражает свою позицию, никто не может его насильственно заставить говорить слова, которые он в принципе должен был сказать. Это дело его совести! Так говорит и товарищ Сталин. Это дело совести каждого советского человека! И это мудрые слова! Я думаю, товарищи, нужно отпустить товарища Ключфта. А комсorghу газеты товарищу Пончиковой рекомендовать рассмотреть его дело на очередном собрании. Никто не возражает? – майор окинул взглядом помещение.

Присутствующие испуганно притаились. Каждый старался отвести взгляд. Павел искал хоть одну пару глаз, в которой бы мелькнул огонек солидарности. Но тщетно. Коллеги предпочитали не смотреть на него. И лишь корреспондент отдела сельского хозяйства Игорь Крутиков встал и громко

сказал:

– А, по-моему, Клюфт прав. Обвинять его на голом месте бессмысленно! Ну, написал он такие слова! И что?! Он же не пропагандирует религию и веру в Бога?! А если он завтра запоем «Марсельезу»? Что тогда? А ведь это гимн буржуазной и враждебной нам Франции! И Митрофанов как его друг тоже поступил непорядочно! И относить его к троцкистке Самойловой я не вижу смысла! Ведь товарищ Митрофанов сам не раз распивал с ней чаек! Сам не раз болтал, так сказать, на душевные темы! И все валить сейчас на Клюфта, я думаю, несправедливо!

Димка засопел, как проснувшийся после зимней спячки медведь. Он втягивал воздух ноздрями и возмущенно пищал:

– Кто распивал чаек? Я с ней вообще никаких бесед не вел!

– Ну, хватит! Хватит! – майор встал из-за стола, одернув и расправив руками за спиной китель, зло сказал:

– Я считаю, пора заканчивать этот балаган! Мы говорим сегодня о Самойловой, а не о Клюфте и кто с ней распивал чаек? Если ни у кого нет, кроме Пончиковой и Митрофанова, вопросов к товарищу Клюфту, давайте его отпустим! И все! Товарищ Клюфт, вы можете быть свободны!

Павел взглянул на майора и грустно улыбнулся. Клюфт медленно направился к выходу. Каждый его шаг отдавался эхом в притихшем актовом зале.

глава Шестая

За свою двадцатилетнюю жизнь Павел не раз слышал о предательстве. Клюфт понимал, что предательство – это один из самых мерзких человеческих поступков, который можно совершить. По представлению Павла, предательство даже имело какую-то физическую форму. Что-то наподобие мерзкой слизи, пахнувшей как болотная жаба. Эдакий сгусток зелено-серых червей, которые зарождаются в голове у человека, решившегося на предательство. Все это для Павла было мерзко и гадко! Но двадцатилетний человек еще никогда в жизни не сталкивался с этим страшным понятием людских отношений напрямую. И вот оно случилось. Вот он впервые в жизни и узнал, что значит предать! Что значит растоптать дружбу! Что значит убить в себе порядочность и благородство. И ради чего? Ради чего все это? Поступок Димки Митрофанова никак не укладывался в голове у Клюфта.

Павел сидел у окна в кабинете. Он сидел в темноте. Курил, всматриваясь в замерзшее стекло. Замысловатый рисунок, абстракция льдинок, словно загадочная карта неведомого мира, огромного океана его жизни и необитаемых островов его мыслей. Какие еще мели и рифы встретятся на пути?! Какое еще ждет испытание?! Ну а пока надо терпеть. Неожиданный ураган, шторм и коварный выстрел в борт Пашкино-

го фрегата из всех орудий Димкиной бригантины.

Холодный воздух залетал с порывами ветра в открытую форточку. Павел докурил папиросу. Встал и затушил окурок. Клюфт подошел к вешалке и, надев свой полушубок, на ощупь, не зажигая света, намотал на шею шарф. Помолчав, Павел взглянул в сторону Димкиного стола. Рабочее место Митрофанова в полумраке казалось загадочной скалой в неизведанном море. Клюфт вздохнул и, пошарив рукой по стене, нащупал кнопку выключателя. Рубильник щелкнул, и тусклый свет от маленькой лампочки в железном, словно масленка, абажуре под потолком нехотя озарил помещение. Павел медленно подошел к столу Митрофанова. На нем царил хаос. Вырезки из газет. Исписанные и мятые листы бумаги. Разбросанные как попало книги и полная окурков железная банка из-под консервов. Клюфт нагнулся и приоткрыл верхний ящик стола. В нем белел сверток. В плотную серую ткань было завернуто что-то большое и тяжелое. Павел сильнее выдвинул ящик и достал аккуратно запеленованный предмет. Клюфт бережно, с опаской развернул тряпку. Черная обложка, словно крышка от рояля, блестела. Павел провел по выпуклым большим буквам пальцами:

– Библия... Так вот, какой он «Капитал» Маркса читал... – выдохнул Клюфт.

Павел услышал голоса и топот ног в коридоре. Собрание закончилось. Из актового зала по своим кабинетам расходились коллеги. С минуты на минуту сюда должен был прийти

Димка. Павел спешно завернул библию и, засунув книгу на место, задвинул ящик. Выключив свет, схватил шапку и вышел из кабинета. Клюфт старался идти по коридору быстро.

«Только бы никто не попался на лестнице. Никого не хочу видеть! Никого! Сволочи! Все просто сволочи! Сумасшедшие сволочи! Кому верят?» – думал Клюфт.

Его пожелания сбылись. На лестнице он не встретил сотрудников редакции. Большая часть из них уже ушла по домам. Те, кто остался, сидели по кабинетам. Павел вздернул руку и, потянув края рукава, посмотрел на часы. Полдевятого.

«Ого! Время-то уже полдевятого! Вера! А как же Вера! Она, бедняжка, ждет! Наверное, замерзла. Лапочка! Бельчонок мой!» – мысленно сокрушался Павел.

Он понял, что как никогда хочет прижаться к ней! Поцеловать кончики ее озябших пальчиков, ее щеки! Погладить ее волосы! Просто ощутить ее тело! И услышать ее милый голос. Вера – единственный человек, который ему был так нужен сейчас! Вера, ее имя само по себе вселяло силы. Вера! Вера в себя! Вера в нее! И вера, что Димкино предательство – лишь глупая ошибка! Ошибка друга, за которую он будет каяться.

«Нет, все-таки как здорово, что родители ее называли Верой! Вера, что может быть лучшего? Вера в Бога! Стоп! Опять? В какого Бога? Вера в справедливость – это не может быть верой в Бога! Бога ведь нет! Но если разобраться, а

вдруг раньше люди и называли Богом справедливость. Бог и есть справедливость! Нет! Стоп! Опять! Опять несет! Опять я ушел куда-то далеко! Опять этот Иоиль!» – Павел испугался своих мыслей.

Он бежит по улице с расстегнутым тулупом и не чувствует холода. Ветер то и дело хлестал снежинками по щекам, но это было даже приятно. Скрип снега под ботинками не слышен. Движение по улице, словно по инерции!

Павел не заметил, как повернул с проспекта Сталина, на свою родную и до боли знакомую улицу Обороны. Еще немного – и его дом!

«Нет, эти мысли – они слишком далеко зашли! Этот богослов! Он словно заразил меня верой! Верой в несуществующего Бога! А что если... Нет!» – Павел с ужасом понял, что его сознание раздвоилось на две личности. Одна упорно не хотела признавать существования Бога, а вторая так искусно и плавно подталкивала и наводила на то, что все-таки есть Бог! Есть эта высшая справедливость!

Павел чуть не упал, споткнувшись о бордюр тротуара. Чтобы сохранить равновесие, он широко раздвинул руки. Остановился и отдышался. Сердце стучало и билось в груди, словно хотело выскочить. Подняв голову, он увидел на перекрестке одиноко стоящую фигуру. Это была она! Верочка вглядывалась в пустоту темной улицы. Павел кинулся бежать. Девушка, увидев его, тоже бросилась навстречу. Он обнял и подхватил Веру на руки. Прижал к груди. Она тряслась

и что-то шептала ему в полушубок, но Павел не слышал. Он лишь приговаривал:

– Бельчонок, ты замерзла! Ты так замерзла! Извини! Ты замерзла! Пойдем домой! Пойдем, я тебя согрею! Чаем напою! Бельчонок!

Но Вера вдруг стала вырываться из его объятий. Сначала Павел подумал, что он просто сделал ей больно. Но когда Вера отстранилась и подняла лицо, он увидел – по ее щекам катятся слезы. Вера содрогалась не от холода, а от рыданий. Девушка, прикусив верхнюю губу, безутешно плакала. Павел схватил ее за плечи и, встряхнув, прикрикнул:

– Верочка, что случилось? Что такое?

– Папа... – выдавила из себя Щукина и вновь забилась в рыданиях, уткнувшись лицом Клюфту в плечо.

– Что с папой? Он заболел?

– Нет, – мычала Вера.

– Он... умер? Твой папа умер? – с ужасом спросил Клюфт.

Но Вера рыдала, ничего не отвечая. Она всхлипывала и дрожала. Ее шапочка упала на снег. Волосы рассыпались по плечам. Павел прижался к ним губами и втянул ноздрями воздух. Этот запах ее волос такой родной и знакомый. Но тут Вера вновь оторвалась от Павла и, посмотрев на него, неожиданно спросила:

– За что?

– Ты о чем, Вера?! – не понял ее Клюфт.

– За что они забрали его?!

– Кого?! – недоумевал Павел.

Ему стало страшно. Павлу показалось, что его любимая сошла с ума.

– Павел, они забрали его! – Вера вновь забилась в рыданиях на плече у Ключфта.

На этот раз он сам отдернул ее и, взяв за плечи, громко спросил:

– Ты о чем, Вера? Что случилось? Что с папой? Кого забрали? Объясни мне, Вера! Что с тобой?

Девушка притихла. Перестала рыдать. Лишь слезы катились по щекам. Вера смотрела в глаза Павла и молчала. Ее губы тряслись.

– Вера, кого забрали? Ты меня слышишь? Что с тобой?

Девушка всхлипнула и тихо сказала:

– Они забрали его, Паша. Они его увели. Ночью. Под утро. Пришли и увели.

– Кого увели? Куда? Ты можешь мне все толком объяснить?!

Щукина грустно улыбнулась и, смахнув слезу, ответила:

– Они арестовали папу. Понимаешь, Павел, они пришли и арестовали папу! Прямо ночью. А потом, потом они все перевернули в нашем доме! Они делали обыск! Понимаешь, Паша?! Они делали обыск! А наши соседи стояли и смотрели!

Павел обомлел. Отец его любимой девушки арестован! Павел Иванович Щукин, потомственный рабочий, аресто-

ван! Нет, это какое-то сумасшествие! Клюфт в оцепенении смотрел на Веру. Павел тихо спросил:

– За что? За что его арестовали?

Вера зло ухмыльнулась. Она тяжело вздохнула и опустила голову. Щукина разглядывала снег под ногами, боясь поднять глаза и посмотреть на Павла. Девушка пожала плечами и обреченно, с металлом в голосе, ответила:

– За то! За то, что всех арестовывают в последнее время!

– Что ты говоришь, Вера? За что? За что арестовывают всех? Ты о чем? Кого «всех»?

Павел заметил – она преобразилась в один миг. Вдруг стала спокойной. Из убитой горем девушки превратилась в безразличную ко всему окружающему женщину. Вера больше не плакала. Напротив, слегка улыбалась, ковыряла носком своих полусапожек утопанный снег на тротуаре.

– Его арестовали, Паша, за пособничество шпионам. Дяде Леве Розенштейну. Они так говорят. Я тебе ведь рассказывала, что до этого дядю Леву арестовали? Так вот, теперь пришли за моим отцом! Паша! Ты понимаешь?

– Нет, я, напротив, ничего не понимаю! Как твой отец может быть пособником шпионов? Он ведь коммунист? Он в гражданскую воевал с Колчаком! Как такое вообще может быть? Нет, это ерунда какая-то! Они просто ошиблись! Они разберутся! Они все выяснят!

– Да ничего они не выяснят! – Вера сказала это обреченно, словно смирившись с участью отца.

Щукина махнула рукой и, ухмыльнувшись, добавила:

– Кстати, дядя Лева тоже воевал в гражданскую с Колчаком...

Павел стоял и не знал, как себя вести. Он не знал, что ответить любимому ему человеку. Вера, почувствовав это, обняла Клюфта за шею руками и, прижавшись всем телом, прошептала на ухо:

– Мне страшно, Паша! Мне страшно! Что с нами будет? Что с нами будет, Паша? Мне страшно!

– Вера, перестань, Верочка, все будет нормально! – Павел поцеловал ее в шею.

– Нет, Паша. Ничего нормально не будет! Мне страшно! Что будет с нашим ребенком? Паша? Что будет с нашей страшной?

– Вера, ты о чем? Что ты говоришь? Ты просто устала! Ты переутомилась, перенервничала! Тебе надо отдохнуть! Что мы тут стоим, пойдем ко мне домой! Пойдем, Верочка!

Павел аккуратно отстранил девушку от себя, посмотрев в ее заплаканные глаза, взял за руку и потянул за собой. Но Щукина не последовала за ним. Она уперлась и вырвала руку:

– Нет, Паша. Мне надо идти домой. Там мать. Ее надо поддержать. Ей плохо. Она слегла. У нее, скорее всего, сердечный приступ. Она лежит и не встает. Паша, мне надо домой. Я попросила соседку посидеть. А уже три часа прошло. Нет, Паша, не обижайся.

Павел пожал плечами. Улыбнулся и ответил ласковым голосом:

– Да нет, Верочка, конечно, конечно. Ты должна быть рядом с мамой.

Вера покачала головой:

– Паша, обещай мне, если что-то со мной или тобой случится, ты никогда меня не предашь! Паша, обещай мне!

– Ты о чем, Вера? Что с нами случится? Почему я должен тебя предать? Верочка, не говори так! Ты меня пугаешь!

Вера вновь печально улыбнулась и добавила:

– Прости, Паша, но пообещай мне. Я должна это знать. У меня такое предчувствие, что мы можем и не увидеться. Понимаешь? Сон мне плохой приснился!

– Сон? Дурашка! Снам веришь, а еще комсомолка! Не надо. Это все предрассудки. Все будет хорошо! И папу выпустят, разберутся и выпустят! И мама выздоровеет! И мы поженимся! И вообще все будет хорошо! – Павел взял Веру за руку и подтянул ее озябшую ладонь к лицу.

Он прижался губами к ее пальцам. Девушка погладила его по щеке:

– Нет, Паша. Уже хорошо не будет. Все сошли с ума! Понимаешь?! Когда страна сошла с ума, ничего хорошего не будет ни у нас, ни в стране! Это массовая истерия! Мы все сумасшедшие! Паша! Поклянись мне, что ты никогда меня не предашь! Я хочу это услышать!

Клюфт тяжело вздохнул:

– Хорошо, хорошо! Я клянусь тебе! Я клянусь, что никогда тебя не предаю! Но и ты поклянись, что больше не будешь так говорить! Тем более при посторонних! Это очень опасно! Если это услышат какие-нибудь нехорошие люди, может случиться беда!

– Мне все равно, Паша! Я тебя люблю! Но я понимаю, что счастливыми нам быть просто не суждено! – Верочка прошептала это совсем обреченно.

Павел обнял ее еще крепче и осыпал лицо поцелуями. Он целовал ее брови, глаза, щеки, губы! Вера, как казалось Ключфту, была такая беззащитная!

– Верочка, любимая, ну почему, почему ты так настроена?! А? Вера? Все будет хорошо!

Щукина вздрогнула и ответила на поцелуй Павла, впилась в его губы так страстно, что у Ключфта захватило дыхание. Щукина целовала его, словно пыталась отдать ему частичку своей жизни. Когда они отстранились друг от друга, Павел жадно глотал воздух:

– Вера, ты чуть меня не задушила...

Девушка тоже тяжело дышала:

– Знай... Паша.... Ты единственный человек, ради которого я готова на все!

Щукина подняла со снега упавшую шапочку и поправила волосы. Павел взял Веру за руку и сказал:

– Вера, может, зайдешь ко мне? Я не хочу тебя отпускать в таком состоянии. Пойдем.

– Нет, Паша. Завтра. Я приду к тебе завтра. А сегодня я должна быть с матерью. Завтра, Паша. Я позвоню тебе на работу. Ты жди звонка. И я скажу, во сколько приду. До свидания, Паша. Я скучаю по тебе. И ты скучай по мне. Мне так не хочется уходить. Но я должна идти, Паша.

Вера вновь заплакала. Она прикрыла ладошкой рот и, повернувшись, побежала. Клюфт покачал головой. Ему так хотелось кинуться за ней вслед. Поймать, поднять на руки и отнести домой! Никуда не пускать ее! Никуда. Просто закрыть на ключ. Но Павел остался стоять на месте. Он лишь тяжело вздохнул. Фигурка Веры скрылась во мгле холодного вечера. Растворилась в темноте, как приятное воспоминание, как сладкий сон под утро. Клюфт, не двигаясь, стоял минуту. Повернулся и медленно побрел к своему дому. Он словно в забытии спустился в полуподвальную комнату и закрыл за собой дверь.

Щелкнув выключателем, он снял шубу и шапку, разулся. Павел почувствовал, что в комнате холодно. Скорее всего, соседи за стеной, по которой проходила печная труба, свое жилище не протопили. Клюфт хмыкнул носом и буркнул себе под нос:

– Вот как?! Решили меня заставить уголек покупать. Хорошо. Будем спать в холодной комнате.

Чувство голода подкралось как-то неожиданно и набросилось на желудок. Клюфт вспомнил, что сегодня даже не пообедал. Растерев ладони друг о друга, пытаясь согреть озяб-

шие кисти рук, Павел подошел к примусу. Через минуту колдовства над этим «чудом техники» маленькие лепестки синего пламени гудели на конфорке. Павел поставил чайник на огонь. Достал с подоконника, на котором в углу намерз лед, кусок сала, порезал его на мелкие пластики. В буфете оказалась краюха черного хлеба.

Павел поднес черствую корку к лицу. Втянув ноздрями воздух, зажмурил глаза. Он любил нюхать хлеб. Его запах возвращал в детство. Этот теплый мякиш и аромат сдобы. Привкус ванили и яркий свет. Клюфт один раз в своей жизни ел настоящий большой торт! Это было очень давно. Так давно, что Павел даже не помнил, сколько было ему лет. То ли три, то ли четыре года. Какие-то смутные, но теплые воспоминания. Большой стол. Высокий фарфоровый чайник. Отец, мать, еще какие-то дети и незнакомые люди. И смех веселый и задорный. Счастливые улыбки. Большой кусок торта. Маленький Паша нюхает этот кондитерский шедевр с красной розой и зелеными лепестками. Крем попадает ему в нос и рот. И запах, этот запах. Почему-то Клюфту всегда вспоминался этот запах, когда он подносил к лицу кусок хлеба. И не важно, что этот кусок был черный и пресный на вкус. Павел все равно всегда вспоминал тот далекий день с большим куском торта.

Чайник закипел. Павел ел хлеб с салом медленно. Насытившись, он налил себе большую кружку чая. Горячий напиток обжег горло. Клюфт скривил лицо. Ему захотелось ку-

рить. Папироса в пачке оказалась последней. Павел решил выкурить лишь половинку, чтобы оставить себе на утро маленький окурок. Табак расслабил. Он почувствовал, что его клонит в сон. Клюфт подошел к стене, где висели ходики, подтянул гирьки и подвел стрелки. Маятник равномерно отсчитывал секунды. Павел снял с вешалки шубу и бросил на кровать. Спать в холодной комнате только под одеялом – настоящее мучение. Потушил свет и лег. Долго не мог согреться. Холодная постель никак не хотела впитывать тепло тела. В темноте и тишине каждый шорох отдавался эхом. Вот где-то за окном прошел одинокий прохожий. Скрип его валенок еще долго звучал за замерзшим стеклом. Павел закрыл глаза...

...Едва уловимое шуршание заставило его вздрогнуть. Скрип петель на входной двери. Странно?! Он вроде бы закрыл ее на замок. Но нет, дверь распахнулась. В комнату вошел богослов. Обомлевший Павел вскочил на кровати. Станный человек, снял свой длинный темно-зеленый плащ, и как ни в чем не бывало, включил освещение. Лампочка под потолком в железном абажуре, будто нехотя ночного пробуждения, заморгала, и свет от нее резанул по глазам.

Павел зажмурился. Он с удивлением смотрел на Иоиля. Клюфт поймал себя на мысли, что не пугается. Он не испугался ночного визита этого бродяги. Словно он ждал, что богослов появится у него в комнате.

Иоиль улыбнулся. Он был одет в длинный вязаный свитер

серого цвета. Воротник толстой удавкой скрывал горло богослова. Иоиль отодвинул стул, но прежде чем сесть, засунул руку в карман и достал пачку дорогих папирос «Герцеговина Флор». Зеленая твердая упаковка упала на скатерть. Богослов кивнул на стол и мягко сказал:

– Ты, кажется, курить хочешь? У тебя папиросы кончились. Вот, позволь угостить, это хороший сорт, мне сказали.

Павел изумленно посмотрел сначала на пачку, затем на непрошеного гостя:

– А откуда ты знаешь, что у меня кончились папиросы?

– Хм. Да я не знаю. Я догадываюсь. Или что, у тебя есть еще папиросы, я ошибся? Не может быть.

Павел медленно встал. Подошел к столу и взял зеленую пачку. Достал папиросу. Но прежде чем прикурить, понюхал. Богослов внимательно наблюдал за Клюфтом. Пожав плечами, Иоиль вымолвил:

– А вот спичек у меня нет. Не курю я.

– Да ладно, – буркнул Павел.

Клюфт достал из кармана брюк коробок, подкурив, вернулся на кровать. Сел, укутавшись в одеяло. Иоиль смотрел на хозяина добрым и немного хитрым взглядом:

– Ты хочешь спросить, как я зашел? Так ты дверь не закрыл. Я мимо проходил. Вижу, ты не спишь. Вот и решил узнать у тебя, что-то случилось?

Павел сладко затаился. Он все еще не верил, что это происходит наяву:

– Нет, ты не мог зайти. Я закрывал дверь. И ты не мог увидеть, что я не сплю. Я выключил свет и лежал в темноте. Так что ты меня обманываешь.

– Я не могу тебя обманывать. Если ты мне не веришь, посмотри на замок. Он открыт. И если бы ты его запирали, то я бы был вынужден его сломать. И потом, ты не выключил свет в коридоре. Ты ведь обычно выключаешь свет в маленьком коридоре. А тут забыл. Вот я и увидел и зашел.

Павел пожал плечами. Гость говорил убедительно. Ключ от еще раз смачно затянулся и спросил:

– Тебе опять негде переночевать? Тогда ложись. Спи. Но учти, завтра я рано уйду. А тебя я оставлять не буду в своей квартире. Ты не должен здесь быть. И вообще, ты мне не нравишься. Ты странный человек. Я тебе не доверяю. И тебя нужно сдать в милицию.

– За что? Я ведь ничего плохого не сделал. Вот только переночевал у тебя. За что же меня в милицию? – возмутился богослов.

– Да потому, что ты странный. Говоришь странные вещи. И ведешь себя странно. И вообще у меня после общения с тобой неприятности. Я теперь вон заразился ерундой какой-то от тебя. Думаю всякую ересь!

– Хм, странно. Но я тебе ничего не внушал. Чем ты мог от меня заразиться?

– Да слова твои! Помнишь, ты мне сказку дал, когда я статью печатал? Она оказалась цитатой из библии! Ты меня

подвел! Специально, как я подозреваю!

– Хм, а что тут плохого? Я все помню. Я сказал тебе: «Доколе невежи будут любить невежество? Доколе буйные будут услаждаться буйством? Доколе глупцы будут ненавидеть знание? Но упорство невежд убьет их, а беспечность глупцов погубит их! И придет им ужас, как вихрь! Принесет скорбь и тесноту! А мы посмеемся над их гибелью, порадуемся, когда придет к ним ужас!» Что, они не подошли?

– Да подошли! – разозлился Ключфт. – Но они, же оказались из библии цитатой! Вот что!

– Все равно непонятно. Разве они не описывают суть и то, что ты хотел выразить в статье?!

– Да нет! Описывают! Но мне нельзя было их писать! Понимаешь! Это, вранье! Это идеологическая диверсия!

Иоиль расхохотался. Его смех был каким-то добрым, можно сказать, снисходительным:

– Ну, ты даешь! Как это может быть диверсией или неправдой, если это все правда! Там же все, правда! Ты же сам так считал!

– Считал! Но не знал, что это из библии! – теряя окончательно терпение, крикнул Павел.

– А что, по-твоему, в библии не может быть написано правды?

– Да нет, может... то есть, нет, конечно, ерунда какая-то! Бредни для слабохарактерных и суеверных людей, пытающихся поверить в чудо! Но ведь это не так! И пророчества

там всякие – это обман! И все! И я уверен!

Иоиль опустил глаза и тяжело вздохнул. И лишь тихо вымолвил:

– Вот ты говоришь сейчас и сам не веришь себе. Это не ты говоришь. Это ты заставляешь себя говорить так. А сам ты так не думаешь. Ты весь в сомнениях. Я это чувствую. Ты борешься с собой. И эта борьба ломает тебя. Но нельзя, чтобы это длилось всегда. Когда-то ты поверишь в Бога. Поверишь. Но эта вера дастся тебе нелегко. Через мучения и кровь твоих знакомых и близких. Поверь мне.

– Опять, ты опять со своими проповедями?! Хватит! У меня действительно проблем полно! Я тебя точно в милицию сдам!

– Это ничего не изменит. Поверь мне. Предать невинного в руки неправедных палачей не есть заслуга! Ничего хорошего от этого тебе не будет. Ты, напротив, лишь мучаться будешь. Ты и сейчас мучаешься! Сколько сидит сейчас в тюрьмах невинных? А кто их туда отправил? Да такие же люди, как ты, которые себя считают праведниками! А на самом деле невольно становятся палачами! А в этой самой библии, которую ты так боишься, очень правильно написано: «нескоро совершится суд над худыми делами, от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло!» Хотя грешник сто раз делает зло и коснеет в нем, но я знаю, что благо будет боящимся Бога, которые благоговеют перед лицом его!

Павел слушал эти слова и ловил себя на мысли, что они

действительно подходят под описание его душевного состояния. Подходят под все то, что творится вокруг. «Эти нелепые обвинения в адрес Самойловой! Арест папы Верочки и предательство Димки! И ради чего? Все эти люди, делающие вроде бы благо для страны, на самом деле делают зло! Может быть, прав этот странный человек?»

Богослов, почувствовав его сомнения, добавил:

– Ты сильно-то духом не падай. Не нужно. Все равно Бог – он справедлив и милостив, ведь как сказано: «А нечестивому не будет добра, и, подобно тени, недолго продержится тот, кто не благоговеет пред Богом! Есть и такая суета на земле: праведников постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых, а нечестивым бывает то, чего заслуживали бы дела праведников. И сказал я: и это суета!»

Павел зажмурился и прикрыл уши. Он закачал головой и замычал, как раненый зверь:

– Замолчи! Немедленно замолчи и убирайся! Убирайся и никогда, слышишь! Никогда сюда не приходи! Я не хочу тебя видеть!

Иоиль лишь рассмеялся в ответ. Павел не видел его лица, но он слышал смех. Это был смех победителя. Так могли смеяться только победители, уверенно и жестко. Иоиль забарабанил по столу кулаком. Он бил по крышке что есть силы и приговаривал:

– Уйти от своих мыслей нельзя! Можно сбежать от людей, но от себя не убежишь! Как ни старайся! Помни это!

Богослов долбил и прыгал. Ключфт с удивлением смотрел на непрошеного гостя. Его движения были похожи на странный танец. Иоиль стучал все громче и громче. Наконец Павел не выдержал и заорал:

– Хватит долбить по моему столу! Хватит, прекрати!

...И в этот момент Павел вздрогнул. Вокруг темнота. Он пошевелил руками, понял, что лежит на своей кровати. Было холодно. Ключфт повернул голову и посмотрел на комнату. Пустой стол. Силуэты шкафа...

Сон, Павел понял, что это был лишь сон. Богослов пришел к нему во сне! Он не стучал по столу!

«Господи, спасибо! Спасибо! Это лишь сон!» – подумал Павел и облегченно вздохнул. Он смахнул со лба холодный пот. И в этот момент услышал стук. Это были те самые звуки. Резкий стук и какие-то крики. Значит, это стучал не богослов. Значит, это стучал кто-то другой.

Павел сел на кровати, свесив ноги. Он встряхнул головой и попытался рассмотреть на циферблате время. Стрелки показывали без пяти пять.

«Кого это принесло в такую рань?» – с тревогой подумал Павел.

Стуки усилились! Они переходили в барабанную дробь. Ключфт нехотя встал и медленно подошел к двери. Там, за ней, судя по крикам и разговорам, стояло несколько человек. Мужские голоса вперемешку с приглушенными женскими. Павел тихо спросил:

– Кто тут, чего надо?

Стук мгновенно прекратился. За дверью кто-то тяжело дышал. Грубый голос рывкнул:

– Гражданин Клюфт, откройте немедленно!

Павел испугался. Панический страх охватил все тело. Остатки сна улетучились в одно мгновение. Клюфт осмотрелся. Темная комната – никто не поможет! Он один! Павел потянулся к выключателю. Щелчок – и помещение тускло осветила лампочка под потолком.

– Кто там, что надо? Я не открою. Я боюсь, – на это раз более уверенным голосом сказал Павел.

За дверью затихли. Затем послышался шепот. И тут же раздался женский голос. Это была соседка – Мария Ивановна:

– Паша, это я, Скворцова. Открой, пожалуйста. Тут такое дело...

– Что надо, тетя Маша? Что надо в пять утра? И кто с вами?

– Понимаешь, Паша, тут горе. Такое... мой Васечка... Ему плохо... – судя по звукам, соседка зарыдала.

Всхлипывания и опять шорох. Шептались мужчины. Клюфт тяжело вздохнул. Он ухмыльнулся и громко крикнул:

– А вот врать, тетя Маша, не надо! Кто там с вами?

Но за Скворцову ответил грубый мужской голос:

– Гражданин Клюфт, немедленно откройте дверь. У нас есть ордер на ваш арест. Если вы не откроете, мы ее слома-

ем! Если окажете сопротивление, мы вас пристрелим! У нас приказ быть с вами начеку! Так что немедленно откройте дверь!

Повисла тишина. Она длилась мгновение. Павел рассмеялся. Он смеялся обреченно, понимая – теперь ему смеяться, долго не придется.

«Вера! Верочка! Она была права. Вот оно, свершилось! Вот и все! Пришли за мной. Как это все глупо и просто. Вот так. Взять человека под утро. Тепленьким!»

За дверью, выжидая, молчали. Ключот успокоился и затих. Вновь раздался заплаканный голос Марии Ивановны:

– Паша! Открой, открой, сынок!

Павел набрал воздух в легкие и потянулся к запору. Медленно нащупал холодную сталь щеколды. Пальцы ласково погладили металл. «Одно движение и все! Все! Там стоят люди, которые пришли лишить его свободы!» – Ключот потянул за штырек. Скрип, задвижка словно не хотела слушаться и никак не отползала в сторону. Еще мгновение, щелчок! Тишина... Она висела лишь долю секунды. Затем резкий удар, рывок и дверь распахнулась. Павел оказался лицом к лицу со здоровенным парнем. Он был одет в темно-синюю шинель. Красные петлицы с тремя кубиками. И фуражка с алым околышком и синим верхом. Зимой этот энкавэдэшник почему-то надел фуражку...

Гость грубо оттолкнул Ключота в сторону и ввалился в комнату. За ним через порог перескочил еще один энкавэд-

эшник. Он был похож на первого как две капли воды, лишь с той разницей, что у второго ночного визитера были темные волосы и усы. Судя по двум кубикам в петлицах, этот был лейтенантом. За людьми в форме в комнату вошли соседи. Тетя Маша и ее муж Василий Петрович. Супруги Скворцовы испуганно смотрели на Павла. Мария Ивановна с накинутой на плечи шалью выглядела совсем беззащитно. Старушка прижимала к губам носовой платок. Она виновато опустила в пол заплаканные, красные от слез глаза.

– Эй, понятые! Смотрите сюда! Смотрите за тем, что мы найдем! – грубо крикнул темноволосый лейтенант и, расстегнув шинель, бросил свою фуражку на стол.

Он встал, широко расставив хромовые сапоги, и издевательски смотрел на Павла. Клюфт попятился к печке. Но его за руку схватил второй офицер, старший лейтенант. Старлей сунул под нос Павлу бумаги:

– Вот ордер на ваш арест и обыск!

Не дожидаясь, когда Клюфт прочтет хоть строчку на смятом листе, старлей отдернул бумагу и, осмотревшись, выдвинул из-под стола табурет. Энкавэдэшник расстегнул верхние пуговицы на шинели и сел, положив ногу на ногу. Его хромовые сапоги зловеще блестели:

– Ну, гражданин Клюфт, сами выдадите запрещенную литературу, оружие?! Или будем искать? – старлей ухмыльнулся и покосился на стоящих рядом со стеной Скворцовых.

Соседи испуганно вытянулись по струнке, словно солдаты

перед генералом.

– Эй, понятые, слушайте и запоминайте все, что скажет нам этот человек, – энкавэдэшник кивнул на Павла.

Его напарник – лейтенант – время не терял, усердно все переворачивал в комнате вверх дном. На полу уже валялась постель. Офицер топтался по чистым простыням сапогами. С грохотом на пол летели книги и статуэтки из шкафа. Лейтенант, словно разбушевавшийся и вырвавшийся из загона боров, рвал бумаги и бросал их под ноги. Глядя на его лицо, можно было подумать, что он испытывает истинное наслаждение. Клюфт покосился на старлея и требовательным тоном спросил:

– Я что-то не пойму, в чем меня обвиняют?! И что ищет лейтенант в моей комнате?!

Энкавэдэшник ухмыльнулся. Достал из кармана шинели портсигар из желтого металла. Щелкнул крышкой и постучал папиросой столу.

– Гражданин Клюфт, я еще раз вас спрашиваю, вы будете сотрудничать с органами НКВД и выдадите нам запрещенную литературу, книги подрывного характера и оружие? Если да, сделайте заявление, и оно будет записано в протокол. Если нет, это усугубит вашу вину на следствии.

Клюфт сжал кулаки. Он пристально смотрел в глаза этого обнаглевшего чекиста. Злость толкала Павла к старлею. Клюфту хотелось засветить кулаком в глаз этому самовлюбленному и наглому человеку. Этому нахалу, привыкшему к

беснаказанности, к беспомощности людей, которых он наверняка вот так же, как Клюфта, не раз арестовывал под утро. Но Павел сдержался. Он понял – офицер его провоцирует. Он заставляет сорваться и сделать глупость, которая позже станет роковой.

– Гражданин Клюфт, вот ваши соседи. Они вам желают только добра. Я бы посоветовал вам не тянуть. Отдайте нам оружие.

Павел тяжело вздохнул. Посмотрев на Скворцовых, он улыбнулся:

– Вы, наверное, что-то путаете. Вы и так ошиблись, пришли в мой дом по ошибке. А насчет оружия... так вообще бред какой-то. Нет, у меня и не было никакого оружия. И мне нечего вам выдавать!

Старлей пыхнул папиросой и пожал плечами:

– Хорошо. Мое дело спросить. Литературу выдайте. Мы не будем тут все обыскивать, – энкавэдэшник кивнул на парника.

Лейтенант рылся в бумагах, которые нашел в ящиках письменного стола. Офицер вчитывался в строчки и разочарованно рвал листы пополам.

– Вы рвете мои личные письма. Я требую прекратить это! – с ненавистью в голосе произнес Павел.

Но тон на старлея не подействовал. Напротив, энкавэдэшник, довольный раздражением Клюфта, весело сказал:

– А вот требовать вы теперь уже ничего не можете. Кстати,

одевайтесь. Одевайтесь. Не пойдете же вы по снегу босиком? И можете взять с собой чистое белье. Но прежде я должен его осмотреть.

Клюфт тяжело вздохнул:

– Я еще раз повторю свой вопрос: в чем меня обвиняют?

Старлей затушил папиросу. Его взгляд привлек окуроч, который лежал в чугунной пепельнице. Энкавэдэшник спросил подозрительным тоном:

– Объяснять вам, за что вас арестовали, будет следователь. Мое дело вас доставить в камеру. И все. Так что вопросами себя не утруждайте. А вот я вас буду спрашивать. И отвечайте правду. Запирательство вам не поможет. Какие папиросы вы курите?

Клюфт брезгливо ответил:

– Вы что, в окурках еще копать будете?!

– Я еще раз повторяю вопрос, какие вы курите папиросы?

– Хм, «Беломорканал», а что? – буркнул Павел.

– Так, понятые. Слышали?! Ваш сосед курит «Беломорканал». И еще, понятые, вопрос к вам: вы не видели, ходят ли к вашему соседу, гражданину Клюфту, подозрительные люди?

Мария Ивановна замотала головой из стороны в сторону, словно тюлень. Но вымолвить и слова пожилая женщина не смогла. Была так напугана. Руки тряслись. Рот перекосило в страшной гримасе. Ее муж, Василий Петрович, видя, что супруга вот-вот упадет в обморок, схватил Марию Петровну за руку и нервно забормотал:

– Нет, товарищ сотрудник, нет, не видели. Никто к нему не ходит. Никто. Не видели. Нет, товарищ сотрудник. Никто не ходит. Вроде все спокойно было.

Старлей разочарованно мотнул головой. Он тяжело вздохнул:

– Плохо. Плохо, товарищи. Нет у вас бдительности. Рядом с вами, так сказать, враг народа живет, а вы даже не интересуетесь, кто к нему ходит. Кто ходит к вашему соседу. Непорядок. Вот сейчас вы слышали: этот гражданин заявил – курит папиросы «Беломорканал». А в пепельнице лежит окурочок от дорогих сортов. А точнее, от папиросы «Герцеговина Флор». Как вы можете объяснить этот факт, гражданин Ключфт? – зло спросил старлей.

Он буквально испепелял подозрительным взглядом Павла. Тот обомлел. Какие еще папиросы «Герцеговина Флор»? Он никогда не курил их! И тут Ключфт вспомнил,... он вспомнил богослова. Вспомнил этот странный сон с приходом Иоилия. И папиросы в зеленой твердой пачке. В том сне! Во сне, в котором приходил богослов. Он давал ему папиросы! И Павел их курил! «Но ведь это было во сне! Как тут оказался окурочок? Значит, богослов действительно тут был, и это не сон! Он был и разговаривал со мной! Он угощал меня папиросами!» – свои собственные мысли напугали Павла больше, чем эта суeta людей, пришедших арестовать его.

«Как страшно! Господи, я, наверное, начинаю сходить с ума!» – Павел произвольно зажмурился и застонал.

– Что с вами, гражданин Клюфт? Вы поняли, что вас взяли с поличным? Вы поняли, что вы разоблачены, так выдайте нам оружие и литературу! – радостно воскликнул старлей. – А вот окурочек-то этот, как я вижу, вас очень даже подкосил! И это надо обязательно сказать следователю! И я возьму окурочек в качестве вещественного доказательства! – энкавэдэшник радовался как ребенок, который разгадал головоломку.

Старший лейтенант вскочил и подошел к Клюфту. Он втянул ноздрями воздух, словно пытаясь определить по запаху, какие папиросы Павел курил.

Клюфт открыл глаза и ухмыльнулся. Ему было противно смотреть на этого молодого человека – чуть старше его самого. Павлу так хотелось схватить энкавэдэшника за грудки, развернуть и вытолкнуть из своей комнаты.

– Что вы меня нюхаете? Как ищейка? Скажите лучше – в чем меня обвиняют? На каком основании вы тут устроили обыск? – Клюфт говорил это спокойно.

Он понимал – сорваться – значит, окончательно признать себя виновным в том, чего не делал. А эти двое в форме сотрудников НКВД только и ждут от него истерики или скандала.

– Слушайте, вы! Гражданин Клюфт, вы тут перестаньте свои права качать! Перестаньте! – старлей разозлился.

Лицо его побелело. Чекист вытянул руку и, указав на ботинки Павла, которые стояли возле двери, приказал:

– А ну надевай обувь, мразь троцкистская! А ну взял

одежду! И быстро тут! Я тебе сейчас разъясню твои права! – чекист ткнул Павла в плечо.

Клюфт понял: все, теперь с ним церемониться не будут. Второй энкавэдэшник – высокий лейтенант – совсем рассвирепел. Офицер ничего не нашел. И это его выводило из себя. Он все крушил – бросил со стола скатерть и начал на нее сваливать все, что было в ящиках. На письма и тетради упали пожелтевшие фотографии родителей. Павел кинулся и хотел поднять снимки, но тут, же получил сильный удар сапогом в бок. Он застонал и согнулся пополам. Боль была невыносимой. Старлей грубо прикрикнул:

– А ну стоять на месте! Ничего руками не трогать! Ни к чему не прикасаться! Это будет расценено, как попытка скрыть улики! У меня приказ: в случае сопротивления – стрелять на смете! И тебя, гнида, мы тут же пристрелим!

Павел хватал ртом воздух. В глазах темно от боли и обиды. Где-то за спиной он услышал тихий плач Марии Ивановны. Старушка рыдала на плече у своего мужа.

– А ну, понятые, хватит тут слюни распускать! Стоять и смотреть! Мы вас для этого сюда позвали, а не для того, чтобы вы тут сочувствовали всяким заговорщикам и шпионам! – старлей орал во всю глотку.

Павел выпрямился и покосился на него. Энкавэдэшник еще раз толкнул в спину:

– Одеваться и быстро! Быстро! С собой взять все необходимое на три дня! И быстро!

Клюфт, не узнавая себя, повиновался грубым окрикам офицера. Лейтенант завязал в скатерть все, что смог скинуть в кучу. Получился огромный узел. Энкавэдэшник, пыхтя, склонился над этим узлом, как Кощей Бессмертный над сундуком со златом. Выпрямившись во весь рост, лейтенант бросил своему напарнику:

– Вот, готово! Пусть берет!

Старлей, наблюдая, как Павел надевает полушубок и шапку, рывкнул:

– Клюфт, ко мне!

Павел обреченно подошел. Офицер грубо обшарил его карманы, провел руками по ногам и, сняв с Клюфта шапку, смял что было силы. Удовлетворенный обыском, офицер достал из кармана наручники и гаркнул:

– Руки!

Павел безропотно протянул ему ладони. Старлей защелкнул на запястьях стальные браслеты и, толкнув Клюфта в спину, прикрикнул:

– Ну, бери этот узел! Не мы же потащим за тебя твои пожитки!

Клюфт, склонился над скатертью. Он услышал, как старлей шепнул лейтенанту:

– Документы-то его нашел?

– Да, вот паспорт, вот какое-то удостоверение. Вот карточки. Все тут.

– Молодец. Ладно, будем выводить. А то у нас еще один

адрес сегодня. Надо быстро отвезти этого и вновь выезжать. К семи утра надо управиться.

Павел поднял сверток. Скатерть с бумагами и книгами смотрелась в руках нелепо. Скворцовы топтались у порога. Испуганные глаза и одно желание – поскорее уйти и не видеть этого кошмара. Мария Ивановна плакать перестала. Лишь что-то бормотала. Губы шевелились быстро, словно старушка торопилась сказать самой себе что-то главное, перед тем как уйти в мир иной. Василий Петрович дергал супругу за локоть.

Старлей внимательно окинул взглядом комнату. Бардак, наведенный его напарником, удовлетворил. Он застегнул шинель и, повернувшись к Ключфу, ехидно улыбнулся:

– Последний раз спрашиваю, гражданин Ключфт, нет у вас желания что-нибудь нам выдать? Пока не поздно?

Но тут на напарника обиделся лейтенант, учинивший обыск. Высокий энкавэдэшник зашипел, как змея:

– Я что, плохо искал, по-твоему? Ты же знаешь, я ничего не упущу! А вот вскрывать полы у нас просто времени нет. Пусть придут из следственного управления и вскрывают! А нам нужно арестованного доставить! Опечатаем комнату и все! Что ты, в самом деле?! Пошли, давай!

Старлей похлопал товарища по плечу:

– Да ладно тебе, Рожков, ладно. Я так. Положено. Сам знаешь, по инструкции!

– Да какая там инструкция? – обидел лейтенант. – Вон

посмотри на его рожу? – офицер кивнул на Павла. – Такой, разве что-то добровольно выдаст? Я бы вообще таких вон без суда и следствия выводил во двор и расстреливал! Только время на них тратить! Время и деньги. В тюрьме баландой кормить! – лейтенант разошелся не на шутку.

Он двинулся к двери и толкнул Василия Петровича. Старик скукожился и зажмурил глаза. Мария Петровна в испуге втянула голову в плечи. Энкавэдэшник протянул бумаги и крикнул:

– А ну, понятые, подписывайте протокол и живо! Вот тут!

Супруги Скворцовы бочком попятились к столу. На нем лежал белый лист протокола. Старлей ткнул в бумагу пальцем и положил рядом перо. Достал из кармана железный цилиндр. Деловито открутил крышку. Металлической капсулой оказалась переносная чернильница. Энкавэдэшник обмакнул перо и сказал:

– Вот тут подписи ставить! И чтобы никаких клякс! А то сами с нами поедете! В одну камеру!

От этой угрозы Марии Ивановне стало совсем плохо. Старушка с трудом расписалась в протоколе, ее всю трясло. Василий Петрович, поддерживая жену под локоть, вывел женщину из комнаты.

Энкавэдэшник убрал протокол в кожаную офицерскую планшетку. Зло посмотрел на Павла. Тот стоял в нерешительности, сжимая в руках скатерть, связанную узлом.

– Рожков, выводите! Ехать нужно!

Лейтенант грубо толкнул Павла в спину. Клюфт чуть не упал, споткнувшись о порог.

– Иди вперед! Иди! – рявкнул лейтенант.

Старлей закрыл дверь. В коридоре было холодно. Павел на секунду остановился и, обернувшись, посмотрел через плечо на вход в свое жилище. Энкавэдэшник усердно клеил на дверь и косяк бумагу с печатью.

– Вы бы хоть комнату на ключ закрыли. Есть же ключ, он там, у входа, возле вешалки на гвозде висит! – попытался уговорить лейтенанта Павел.

Но конвоир его не послушал, лишь вновь толкнул.

– Иди, давай! Нечего твои хоромы закрывать! Сюда еще с обыском приедут. А пока вон опечатаем и все! Никто не зайдет! Да и что там у тебя брать? Иди, давай! – тяжелая рука вновь подтолкнула под лопатку.

Павел семенил по коридору. Поднялся по маленькой деревянной лестнице. Четыре ступеньки, всего четыре ступеньки! Сколько раз он ходил по этой лестнице! Каждая дощечка ему знакома! Эти четыре ступеньки – по ним ступали ноги отца и матери. Они видели многое... И вот теперь их топчут ноги конвоиров. Людей, которые пришли забрать его свободу. Попросту выгнать его не только из его жилья, из его комнаты, но и из его жизни. Прежней жизни. Павел на секунду замешкался. Он уперся в косяк двери плечом. Лейтенант вновь толкнул его. Но Клюфт не двинулся с места.

– Ты что там? А ну пошел!

– Слушай! Будь человеком! Не толкай! – взмолился Павел. – Ты что такой нервный?

– А ну пошел! – еще более сильный удар пришелся меж лопаток.

Павел скривился от боли и вылетел на улицу, словно пробка от бутылки с шампанским. Под ногами заскрипел снег. В одну секунду холод остудил лицо. Ключфт глубоко вздохнул. Шаг, еще один, и опять злой окрик:

– Стоять! Теперь стоять! – завопил лейтенант.

Павел обернулся. Энкавэдэшник, озираясь, смотрел по сторонам. Было видно, что он чего-то боится.

– Что ты испугался-то? А?

Лейтенант зло посмотрел на Павла и буркнул:

– А кто тебя знает? Может, у тебя помощники тут?! Вон прошлый раз забирать стали одного мужика, так братья налетели! Еле отбились! Сволочи! Всех вас надо к стенке! Вон отвел бы к тому сараю и шлепнул! – лейтенант кивнул головой в сторону покосившегося от времени дровяника.

Старая постройка уныло темнела в углу двора. И тут Павел увидел силуэт человека! Высокий, с непокрытой головой незнакомец стоял в проеме между сараем и забором и смотрел на них с конвоиром. Длинный плащ развевался на ветру. Это был он! Богослов! Павел узнал Иоиля. Но, как, ни странно, лейтенант не насторожился. Он лишь толкнул Павла в плечо, заставляя идти к углу дома. Ключфт повиновался. Павел на ходу обернулся и посмотрел еще раз в сторону

дровяника. Но богослова уже не было.

«Нет, я определенно схожу с ума. Мне уже мерещится приведение. Мне уже мерещится черт знает что! Нет! Этого человека нет! Почему я его вижу? Но папироса в пепельнице? Откуда взялся тот окурок?» – мысли терзали Павла.

За углом возле обочины стояла черная «Эмка». Машина попыхивала выхлопными газами из глушителя. Водитель, чтобы не замерзнуть, не глушил двигатель.

Павел в нерешительности подошел к автомобилю. Лейтенант опустил на его плечо руку:

– Стой! Ждать!

Послышался скрип сапог. Павел обернулся и увидел – к ним спешит старлей. Он курил на ходу. Его вид был озабоченным. Клюфт тяжело вздохнул и покосился на свой дом. Где-то на втором этаже в окне мелькнули лица. Из глубины комнаты из темноты на них смотрели соседи. Любопытство, перемешанное со страхом. Кто знает, что будет следующей ночью? Скрип тормозов. Черная машина. За кем приедут эти люди?

Клюфт вдруг поймал себя на мысли: он желает, чтобы за этими людьми обязательно приехали, вот так же, под утро! Обязательно! И забрали их тепленькими! Не одному же Павлу мучаться! Странное чувство желания горя другим! Раньше такого с Клюфтом не было. Но сейчас! Ему очень захотелось, чтобы тех людей за окнами на втором этаже тоже арестовали ночью! Тоже пришли и схватили! За то, что они вот

так молча, смотрят, как уводят невиновного человека! Стоят и ничего не делают! Смотрят и потворствуют этим наглым людям в форме! Павлу очень хотелось, чтобы горе пришло в дом соседей! Он тяжело вздохнул.

Еще мгновение – и силуэты исчезли за стеклом. Старлей заметил, что Ключфт рассматривает окна. Офицер остановился:

– Что ты там высматриваешь? Сообщников? А? Куда смотришь? – угрожающе спросил он у Павла.

– Ни куда. Просто на дом... – хмыкнул Павел.

– На дом, говоришь? Знаю, на какой дом! Может, у тебя там сообщники? А? А ну говори! – Старлей схватил Павла за шиворот и начал его трясти.

– А ну отпусти меня! – Павел выронил из рук сверток и оттолкнул плечом старлея.

Тот, словно ожидая такого поворота событий, ударил наотмашь Павла по уху. Второй удар сапогом пришелся по почкам. Третий сбил Павла с ног. Ключфт закрывал голову руками как мог. Но мешали наручники. На тело обрушился град ударов. Пинал и старлей, и его помощник. Они били равномерно, со знанием дела. Четкие удары, словно марш по плацу. Раз-два. Раз-два! Бац! Бац!

Из уст конвоиров неслась брань. Но она была негромкой. Энкавэдэшники боялись шуметь. Не разбудить жителей! Не разбудить зевак! Лишние свидетели не нужны!

Павел лишь слышал, как их тяжелое дыхание перемести-

валось с шипеньем:

– Шшш...сука... шшш... сука... мразь...

– Шшш... Я тебе покажу, как родину не любить... сука...

шшш... пион...

– Шшш... Сука... троцкистская... шшш...

глава Седьмая

Павел потерял сознание. Очнулся лишь в автомобиле. Он сидел на заднем сиденье. На коленях лежал сверток. Ключот попытался поднять руки, чтобы стереть с губ кровь. Но не смог пошевелиться. Рядом развалился лейтенант. Он посмотрел на Павла и зло сказал старлею, который ехал на переднем сиденье:

– Он пришел в себя. Очухался.

– Это хорошо. Уже к тюрьме подъезжаем. Не нести же его до камеры на руках. Пусть сам топает. И осторожно там, не запачкайся. Кровь потом не отстираешь. А я с тобой чумазым ездить не буду.

– Да не запачкаюсь, вот только сапоги придется чистить. Я об его рожу весь крем стер!

В разговор вмешался водитель:

– Ага! Сапоги вон запачкали! А сиденья? А обшивку? Вы же мне весь салон завозили! Я на вас вон рапорт напишу! Всю машину загадили! Не могли его в тюрьме отдубасить? Нет, надо было по земле валять!

– Да замолчи ты, Савченко! Не можем мы в тюрьме бить! Не можем! А тут вот, пожалуйста! Да и кто докажет, что это мы его били? А? А сиденья свои вымоешь!

– Ага, вымоешь! – не унимался водитель. – А завтра мне

товарища Свиридова везти утром. Что он скажет? А?

– Ага! Свиридов! Так пусть нам отдельную машину выделяют! Пусть! Как мы можем вот так работать? Днем она возит Свиридова, а ночью вот по арестам пускают! Пусть выберут уж! Мы-то причем? Да и следователи жалуются, если мы неподготовленных к допросу привозим! Говорят, возить-ся долго приходится! А нас премии лишат! Так что и скажи вот так Свиридову!

– Я-то скажу, а вот салон все равно чистить мне! Мне! Берите тогда с собой тряпки, какие и кладите их! Чтобы кровь мне тут не оттирать потом!

«Эмка» надрывно урчала, словно поддерживая водителя. Строптивные звуки мотора заставили старлея и лейтенанта замолчать. Павел застонал. Но он старался это делать

как можно тише. Этот разговор. Страшные рассуждения! Залитый кровью салон и премия за подготовку к допросам. «Вот они – справедливые органы НКВД! Вот они – соколы Ежова! Ими так гордится страна?! Неужели они все такие? Нет, не может быть! Неужели товарищ Сталин не знает, что творят эти холуи в Красноярске? А может, они творят это по всей стране? Нет! Нет! Товарищ Сталин просто не знает! Он не может знать! А если он узнает, то наверняка эти подонки попадут сами в тюрьму! – с ужасом думал Павел. – Что будет со мной? А Вера? А ребенок, который должен родиться? Неужели вот так, ни за что? Нет! Они должны разобраться!

Неужели в НКВД работают только изверги? Неужели там нет справедливых и честных людей? Есть, конечно, есть! И они разберутся и отпустят! И потом накажут этих сволочей! Дайте только срок!»

Машины качало на поворотах. Павел краем глаза увидел, что они подъезжают к зданию городской тюрьмы. Издалека оно напоминало крепость. Высокие ворота и толстые стены. Конусообразная крыша и, словно бойницы, окна, заделанные железными листами. Тюрьму в Красноярске построили еще при правлении Екатерины второй. За двести лет через ее казематы прошли тысячи заключенных, каторжников, декабристов и революционеров. Тюрьма долго была самым высоким зданием в городе. Стены этого мрачного заведения почему-то во времена всех правлений царей и императриц белили в белый цвет. От этого темница выглядела как-то нелепо. Не были исключением и большевики. Коммунисты не стали ничего мудрить, а отдали дань исторической традиции и менять цвет, на стенах, тоже не решились. Вот поэтому местные жители и обитатели называли тюрьму «Белым лебедем». То ли за стремление к свободе, которой постоянно не хватало на земле многострадальной матушки России, то ли в издевательстве над властью, сажавшей за стены этого сооружения людей. Ведь «Белый лебедь» – это воплощение чего-то светлого и непорочного. Лебедя нельзя лишить свободы, даже если посадить в клетку. Лебедь просто умрет в неволе!

«Эмка» подъехала к большим кованым воротам. Старлей выскочил из машины и подбежал к маленькой дверке в стене. В открытое окошко сунул какие-то бумаги. Дверь скрипнула и открылась, старлей исчез внутри.

Минуты тянулись долго. Водитель нервничал и ругался:

– Да что они там?! Каждую ночь по три раза ездим! Неужели не могут запомнить? Завтра ночью опять, что ли, документы будут смотреть? А? Непорядок это!

Лейтенант тяжело вздохнул и ответил:

– Да они должны проверить каждую бумагу. Каждую! Им тоже по шапке попадет, если что не так. Режимный объект как-никак!

Из двери выскочил старлей. Торопливым шагом вернулся к машине. Сел на переднее сидение. От офицера повеяло холодом.

– Сейчас откроют. Спят как хорьки. Вот мать их! – рассмеялся энкавэдэшник.

Он обернулся и посмотрел на Павла. С сарказмом добавил:

– Ну, приехали! Вот твой дом! Новый! Правда, надолго ли...

Ворота заскрипели. Писк ржавого железа звучал так противно, что у Павла по спине побежали мурашки. Огромная воротина, окрашенная в темно-зеленый цвет, медленно отъехала в сторону. Где-то в глубине, в темном чреве этой пасти светился фонарь. Павел с замиранием сердца смотрел, как

один из охранников лениво ковыряется в запоре.

«Это ворота в никуда!» – мысли ударили Павлу по темечку. Ключфт вдруг вспомнил свое детство. Он, совсем маленький, и старенькая соседка – набожная женщина – ему читает сказку. Она говорит – это страшная сказка. Про ворота «в никуда». Ее слова надолго отложились в памяти. Павел боялся этого страшного рассказа. Но время шло. Соседка давно умерла. Ее страшилки стали какими-то милыми и смешными. А вскоре Павел, повзрослев, и вовсе забыл их. И вот он вспомнил ту сказку, прочитанную соседкой на ночь!

«Эмка» напряглась, заурчав, медленно въехала в ворота. Опять скрип. Это печальный скрип по свободе! Сзади напозла тяжелая тень. Все!...

...Некоторое время машина стояла в полной темноте. Вновь послышался металлический скрежет, и впереди открылась вторая гигантская створка. Двойные ворота! Павел с ужасом смотрел на это мрачное сооружение. Даже если захотеть – убежать отсюда невозможно! Да и куда бежать? От кого? Бесполезно! Машина проехала еще метров пятьдесят и остановилась у крыльца. Старлей вышел из «Эмки» первым. Вслед за ним лейтенант. Он оставил дверку открытой. Офицер нагнулся и как-то вежливо, с сожалением в голосе, сказал Павлу:

– Ну, все, приехали. Выходите гражданин Ключфт.

Павел с трудом вылез из машины. Болело все тело. Конвоиры постарались на славу. Каждое движение давалось с тру-

дом. Клюфт прикусил губу, чтобы не застонать. Но он почувствовал, что его бережно под локоть поддерживает лейтенант! Энкавэдэшник заботливо помог Павлу собрать в руки скатерть с книгами и бумагами.

– Осторожно, там ступеньки крутые, – буркнул офицер.

Павел зло посмотрел на этого циничного человека. Еще пятнадцать минут назад он пинал своими сапогами Клюфта по голове, а теперь так бережно, словно медбрат в госпитале, заботится об арестанте. Лейтенант словно уловил мысли Павла, невозмутимым голосом ответил:

– Ты поймешь. Ты все поймешь. Это работа. Работа такая.

Старлей распахнул перед Клюфтом тяжелую железную дверь. В небольшом тамбуре их встретил солдат. Сержант, одетый в форму сотрудника НКВД. Синие галифе и оливкового цвета гимнастерка. Только вот в петлицах вместо кубиков три треугольника. Но сержант держал себя со старшими по званию нагло и вызывающе. Он не стал церемониться и прикладывать руку к шапке, отдавая честь, а лениво, взметнув связкой ключей, оглядел с ног до головы Павла со скатертью и недовольно прикрикнул:

– Вы что, его по помойке таскали? Что он у вас такой грязный? И морда вон вся в царапинах! Фельдшер может не принять! Учтите, не примет фельдшер, я его тут до утра держать не буду! Поведете обратно! И куда вы его будете пристраивать, меня не касается!

Старлей виновато развел руками и заискивающим голо-

сом, пропищал в ответ:

– Анатолий, ну ты что, не человек? Он вот нажрался, на-
верное, и валялся. А мы его просто взяли. Он такой был. Ку-
да ж мы его? Мы назад уже и бумаги на выезд не выпишем.
Не сидеть же нам с ним во внутреннем дворе? Да и нам еще
две ходки надо сделать!

– А это уже ваши дела! – сержант лениво зевнул.

Он вставил ключ в замок решетки и, громыхнув связкой,
открыл дверь в коридор. Оттуда пахло сыростью и гнилью.
Павел со страхом сделал шаг вперед. Лейтенант тихонько,
почти ласково толкнул его в плечо:

– Ну, смелее. Смелее. Иди. Иди.

Сержант недовольно посмотрел на Павла и сказал:

– Ну чего он у вас плетется?! Давайте быстрее! Мне что,
его самому волочь?

Клюфта удивило, что младший по званию так ведет себя с
офицерами. Но Павел догадался: здесь, в тюрьме, звания не
играют никаких ролей! Здесь главное – твоя должность! И
те права, которыми ты обладаешь! Вот сержант, например,
судя по его тону, может просто не принять у конвоиров аре-
стованного. И все! А это упущение по их службе, а это может
вылиться в наказание. И офицеры вынуждены лебезить пе-
ред сержантом, а иначе им не поздоровится. «Интересно, а
как себя тут ведут майоры?» – подумал Павел и содрогнулся.

Они шли по длинному коридору. Высокие потолки и туск-
лый свет. Полукруглые перекрытия, стальные решетки и пе-

регородки. Вдоль стены двери с глазками и замками

на них. Это были камеры. Гулкий звук шагов по каменному полу и запах! Кошмарный и удручающий запах! Запах

гнили, плесени, пота и пережаренного лука. Тюремный

запах заточения! Он угнетал даже сильнее, чем

обстановка. Павел непроизвольно поморщился. Шаг, еще шаг. Они подошли к двери. Сержант оглянулся и, ехидно улыбнувшись энкавэдэшникам, ласково сказал:

– Ладно, завтра я выходной, так что думайте. Думайте, ребята!

Старлей и лейтенант замотали головами. Павел, опустил глаза. Было противно смотреть на эту троицу. Сержант вставил ключ в замок двери. Гулкий щелчок – и Павла втолкнули в очередную комнату. На этот раз небольшое помещение, больше похожее на кладовку. Посредине стоял стол. Над ним висел железный абажур, тусклая лампочка слегка покачивалась. За столом на высоком стуле сидел человек в белом халате. На носу пенсне. Седые волосы. И маленькая, словно у козла, борода. Но выглядел этот медик не старо. Морщин на лице нет. Темные глаза внимательно изучали Павла. Горбатый нос. Тонкие брови. Рядом с фельдшером стоял высокий старшина. Рыжий великан с веснушчатым лицом и

совершенно глупым выражением глаз. Наивные складки на лбу и румяные щеки. Этот «подросток-переросток» в форме энкавэдэшника больше смахивал на сказочного Иванушку-дурачка. Павел остановился в нерешительности посреди комнаты. Он как-то нелепо сжимал скатерть с завернутыми в нее книгами и бумагами. Старлей подошел к столу и положил перед рыжим старшиной бумаги. Тот склонился и посмотрел на листы. Проведя толстым пальцем по строчкам, хмыкнул и посмотрел на Павла.

Фельдшер молчал. Он ждал, когда громила прочитает документы. Но «Иванушка-дурачок» делал это медленно. Наконец медик не выдержал:

– Иваненко! Ну что? Знакомые буквы ищешь?

– Товарищ лейтенант, тут написано больно много.

– Эх, Иваненко, Иваненко. Сколько у тебя классов?

– Пять...

– Чего так?

– Ну, вы же знаете, что каждый раз-то... – обиженно буркнул верзила в старшинской форме.

Фельдшер вздохнул и, подняв руку, как дирижер плавно взмахнул кистью. Павел даже успел рассмотреть его чистые и отполированные ногти, ухоженные, словно у женщины. Медик тихо и лениво, но твердым тоном, давая понять, что это приказ, сказал:

– Положить вещи. Раздеваться.

Павел нагнулся. Острая боль отдалась в пояснице. В гла-

зах потемнело. Клюфт непроизвольно застонал. Фельдшер снял с носа пенсне и, достав из кармана халата платок, терпеливо ждал, когда Павел разделется. Старлей и лейтенант, молча, стояли в углу. Они волновались, переминаясь с ноги на ногу. Шутка ли, сейчас решался вопрос о качестве их работы. Примут или нет арестанта?! Если нет, выговора не избежать! Фельдшер, понимая это, смаковал и растягивал, как мог процедуру. Павел остался в одних трусах.

«Значит, здесь каждый старается издеваться друг над другом. Вот местечко. Ад крошечный!» – подумал Павел.

Он стоял и дрожал. Было холодно. Ноги моментально озябли. Кожа покрылась пупырышками. Губы посинели. Фельдшер надел пенсне и внимательно осмотрел голое тело Павла.

– Вы, наверное, не поняли, арестованный, я сказал раздеться. Если вам говорят раздеться, надо снимать все! Ясно вам?

Павел медленно стянул трусы. Ему было стыдно. И хотя в помещении не было женщин, оголяться перед этими мужиками было противно. Павел никогда не раздевался вот так, перед посторонними людьми. Лишь на медицинском осмотре в военкомате, да и то, там была совсем другая обстановка. Там все были дружелюбны. Даже в бане! Хотя даже там Клюфт старался побыстрее замотаться в простыню, чтобы посторонние глаза не буравили взглядом его гениталии.

Но Клюфт понял – тут церемониться не будут и лучше

подчиниться. «Иванушка-дурачок» в старшинской форме пристально, исподлобья, зло смотрел на Павла. Ключфт покоился на его огромные кулаки. Перевел взгляд на фельдшера. Тот ему улыбнулся:

– Вы, я слышу, стонете. У вас проблемы со здоровьем? Что болит? На что жалуетесь? Я вижу, у вас множественные ссадины и гематомы.

Павел покосился на старлея и лейтенанта. Они вытянулись по струнке и напряглись. Ключфт грустно ухмыльнулся:

– Я был избит. Вот этими офицерами при аресте. Били ногами. По голове и телу. Вот отсюда и синяки. Я хочу, чтобы вы зафиксировали это в протоколе задержания или аресте! Я не знаю, как он точно у вас называется, товарищ фельдшер.

Но этот ответ на фельдшера не произвел впечатления. Никаких эмоций. Медик взял листы и, макнув в чернильницу перо, что-то записал в бланке. Через минуту он оторвался и, вздохнув, с ехидной улыбкой на лице ответил:

– Во-первых, я не товарищ. Я вам не товарищ, и вы это должны запомнить. Я отныне вам – гражданин. Просто гражданин. Так обращайтесь. А во-вторых, ваше заявление я не могу вписать в протокол. Нет свидетелей. Никто не может подтвердить ваши слова. Поэтому я считаю это голословным заявлением. Конечно, я впишу ваше заявление, но в том случае, если эти офицеры согласятся, что вы оказывали сопротивление и к вам применили силу. Поэтому я им задам вопрос в вашем присутствии. Товарищи офицеры, вы били аре-

стованного?

Старлей и лейтенант словно ждали вопроса и в один голос гаркнули:

– Нет, мы не видели, кто избивал его. Арестованный был уже в таком состоянии.

– Он был одет неопрятно. Это есть в протоколе задержания.

– Это отражено. И под этими поставили свои подписи понятые.

– Так что арестованный пытается нас оговорить, – они перебивали друг друга.

Павел понял – это были сплошь заученные фразы. Это делали уже не раз! Протокол с подписями. Они пришли в его дом с протоколом, в который уже на всякий случай внесли записи: «арестованный выглядел неряшливо и уже был с синяками». И дальше. Они не стали бить его при понятых.

А старики Скворцовы просто подписали в страхе эту чертову бумагу, не глядя в ее содержание. Да и зачем глядеть? Зачем эти лишние формальности? Не доверять энкавэдэшникам себе дороже будет! Нет, лучше подписать, что дают, чтобы отделаться. Только бы отстали! Только бы не трогали! И все. Подпись. Протокол. Избитый и неряшливый задержанный. Тем более люди в форме говорят – он «враг народа»!

Эти «ежовские соколы» не стали бить его при соседях. Зачем?! Простые люди не должны видеть, что в суровых,

но справедливых внутренних органах советской страны бьют человека, пусть и врага. Нет! У них чистые руки, горячее сердце и холодная голова! Они не будут мараться о какую-то «троцкистскую шваль»!

Но везти в тюрьму без синяков было бы нарушением. Как так? В протоколе указано, что синяки есть, одежда грязная и рваная! А привезли совершенно здорового и опрятного человека! Не порядок! Поэтому Павла и избили возле «Эмки». Били так, чтобы не нарушать отчетность. Били, чтобы все совпадало с заранее записанным протоколом!

«Бред! Фарс вперемишку с нелепицей и абсурдом! Зачем?! Зачем все это им нужно? Весь этот страшный спектакль? Почему?» – Павел закрыл глаза. Ему стало противно даже от своих мыслей. Фельдшер встал. Он подошел к Ключфту и посмотрел ему в глаза, потом осмотрел его тело:

– Откройте рот, – приказал медик.

Павел повиновался.

– Повернитесь.

Ключфт совсем смутился. Он медленно развернулся к фельдшеру спиной. В руке Павел держал свои трусы. Медик тяжело вздохнул и противным голосом прокрипел:

– Нет! Я уже устал. Почему они все меня не хотят слушать?! Я же не раз просил – привозите подготовленных! А этот, вновь гуттаперчевый. Что, не так уяснили ему его права? Плохо работаете! Плохо! Ладно. Черт с вами! Повезло вам, что я добрый сегодня. У меня вот-вот жена должна ро-

дить. Мальчика, надеюсь. Поэтому сегодня я не буду вам компостировать мозги. Но в будущем учтите! И не бейте так топорно! А если бьете, то с умом. А то, что за удары? Вон! – фельдшер ткнул пальцем в огромный синяк на пояснице у Павла.

Клюфт стоял и тяжело дышал. Этот осмотр – он больше похож на издевательство! Медик, который учит конвоиров, как правильно бить и показывает на арестанте, словно на учебном пособии, их ошибки! И что-то подсказывало Павлу, что это всего лишь начало его мучений! Фельдшер ткнул несколько раз пальцем под лопатку и провел ладонью по ребрам. Затем брезгливо пропищал:

– Повернуться ко мне лицом!

Павел, словно солдат на плацу, развернулся. Голый и беззащитный, он стоял, зажмурив глаза. Ему было стыдно! Ему так захотелось заплакать от стыда и обиды! Слезы комом подкатили к горлу. Но Клюфт сдержался. Он сглотнул слюну и тяжело вздохнул. Фельдшер потрогал его живот и вновь приказал:

– Повернуться спиной!

Клюфт вновь повиновался. Сколько вот так его будут заставлять крутиться на утеху этим мужикам! А может быть, не на утеху?! Может, они уже привыкли смотреть на голых и беззащитных людей в этой своей комнате, больше похожей на камеру пыток?! И наверняка тут осматривают женщин. Молодых и старых. «Господи, а тут-то как? Неужели

этот седой человек с козлячей бородкой командует женщинам: «спиной, лицом»? Как страшно! Тут наверняка была и Самойлова?! И ей?! Неужели этой гордой и честолюбивой женщиной, всегда уважавшей свое достоинство и достоинство других, вот так командовали, заставляя оголяться перед незнакомыми людьми? До чего дошло! До чего все противно! Этот бред унижения! Ради чего?» – Павлу было противно думать и представлять, что происходило в этой комнате!

Фельдшер сделал несколько шагов назад и громко сказал: – Я ничего не усмотрел. Он здоров. Может быть помещен. Ссадины и синяки старые и не представляют никакой опасности его здоровью. Иваненко, действуй! Твоя очередь.

Павел зажмурился. Он понял: сейчас произойдет что-то страшное. Где-то вдалеке зашипело «существо с рыжей шевелюрой» и огромными кулачищами. Павел услышал, как этот монстр в форме старшины приближается. Иваненко тяжело дышал. Его ноздри, словно конские, втягивали со свистом очередную порцию вонючего тюремного воздуха. Когда тяжелая ладонь легла на плечо, Павел почувствовал, что пальцы у рыжего старшины горячие:

– Бросьте трусы на пол. Нагнитесь и раздвиньте ягодицы!

Павел замер. Он готов был выполнять любые команды. Но эта! Нет! Он никогда не будет выполнять эту команду! Старшина ждал. Клюфт чувствовал на своем затылке его внимательный взгляд. Так длилось несколько секунд. Затем Иваненко разочарованным голосом буркнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.